

The background of the entire image is a dense, textured field of gold coins, likely 100 Russian rubles, scattered and overlapping. The lighting is warm, highlighting the metallic sheen and intricate details of the coins.

Алексей Котов

**ЗА ЛЮБЫЕ
ДЕНЬГИ**

Алексей Николаевич Котов

За любые деньги...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23824353

Аннотация

Ковбойские истории: в общем-то, улыбчивые и добродушные, невероятные и полные приключений, в которых деньги, не смотря на все усилия автора, так и не стали главным действующим лицом. Книга из серии "Просто почитать". Но если вдруг вы найдете в ней что-то необычное, пожалуйста, не вините в этом автора.

Содержание

За любые деньги...	5
Цирк Абигайль	25
Правда жизни	167

За любые деньги...

1.

В гостинице «Три веселых ковбоя» у Громкого Гарри сперли нож, табак и спички. Погром в номере наверняка устроил местный пьяница в поисках денег, и было понятно, что вор не умел читать, иначе он прихватил бы с собой записку Одноглазого Вили и ключи. Записка была написана черт знает какими каракулями и обещала «верное дельце». Мастерски сделанные дубликаты ключей от сейфов банка «Дженерал фонд» лежали на пустом брезентовом мешке рядом с запиской.

Теперь Гарри сидел на том самом мешке, уже набитом деньгами, в центральном хранилище банка. Гарри думал и сосал пустую трубку. Широко распахнутые дверцы пустых сейфов напоминали тюремные камеры. Яркая луна чертила на полу замысловатые узоры в виде тюремных решеток.

– Чертов Одноглазый, – прошептал с досадой Гарри.

Вилли куда-то исчез. Может быть, он закрутил любовь с очередной красоткой из борделя или его пристрелили в салуне, когда он запутался в лишних тузах. Поэтому Гарри, после тщетного ожидания друга, пришлось идти на грабеж одному.

– Что б тебя разорвало, кретин, – Гарри в сердцах плюнул.

Он встал, взвалил на плечи мешок и снова попытался протиснуться в тесные, входные двери банковского хранилища. Мешок снова застрял. С таким же успехом можно было просунуть скомканную шляпу в узкую щель забора или палец в игольное ушко.

Гарри прекратил бесполезную попытку и, в который раз, попытался развязать узел на мешке. Сто тысяч долларов мелкими купюрами вместо трехсот могли бы вполне устроить знаменитого грабителя. Но с веревочным «замком» Громкого Гарри порой не смог справиться и его хозяин. Гарри не любил когда кто-то из его друзей потихоньку пытался делить добычу без его участия. Разрезать мешок или прожечь плотную, как парусная ткань, мешковину тоже не было возможности. Гарри снова обшарил свои карманы. В левом он нашел записку Одноглазого Вилли.

– Все-таки ты большой сукин сын, Вилли, – простонал Гарри и пнул ногой мешок, превратившийся помимо его воли в самый настоящий сейф.

2.

На улице было темно как в погребе. Из салуна напротив доносились пьяные вопли рейнджеров отмечающих день рождения шерифа.

Гарри осмотрелся по сторонам и осторожно пересек ули-

цу. Здесь было несколько светлее. Наконец, ему удалось заметить чью-то фигуру возле коновязи. Точнее говоря, Гарри увидел сначала сапоги на бочке, которые освещал косой луч света из окна салуна, и только потом низко опущенную шляпу. Человек дремал, скрестив на груди руки.

– Простите, – как можно вежливее сказал Гарри. – У вас случайно нет ножа или спичек?

Незнакомец поднял глаза.

«Дьявол меня задери, это же баба», – удивился Гарри.

У женщины было красивое, тонкое лицо и большие глаза. Она с любопытством рассматривала Гарри.

– Так чего у меня нет? – насмешливо спросила молодая женщина.

– Нож и спичек, – механически повторил Гарри.

– Правильно, – женщина улыбнулась. – Я не ем мяса и не курю.

Гарри пришла в голову мысль о напарнике. Он почесал затылок и уставился на тени за окном салуна.

– Мисс, а вы не хотели бы подзаработать?

– Нет, – в голосе незнакомки зазвучали металлические нотки. – Если вам нужен публичный дом, он напротив управления шерифа.

– Десять тысяч долларов за простую работу, – сказал Гарри.

– Вы сумасшедший? – удивилась женщина.

Гарри сглотнул слюну:

– Десять тысяч долларов наличными. Банк тут рядом, за углом. Мисс, дело уже сделано, но у меня возникли проблемы с тем, как выйти из банка.

– Насколько я вижу, вы все-таки вышли.

– Да, – легко согласился Гарри. – Но вышел только я, а мешок остался в банке. Кстати, как вас зовут, мисс?

3.

Когда-то Гарри был настоящим ковбоем. Но шесть лет назад он благополучно переквалифицировался в грабителя банков. Слава к нему пришла очень быстро, а за умение тихо и быстро обделявать любое дельце Гарри получил насмешливую кличку «Громкий». Но Гарри ни разу в жизни не приходилось протискивать мешки с огромными суммами сквозь узкие двери.

– Нужно положить мешок на пол и утрамбовать деньги, – сразу догадалась Мегги. – Тогда он станет плоским как матрас.

У Гарри не было желания спорить с умной женщиной. Скорее наоборот, ухищрения женского ума вселяли в него некоторую уверенность. Мешок с добычей проходил сквозь узкие двери с огромным трудом. Гарри скользил подошвами сапог по полу и был похож на упрямого мулла.

– Чуть влево, – подсказывала сзади Мегги. – Теперь вправо.

Гарри чуть не заржал от огромного напряжения.

– Тяни же, ну, болван!

Гарри рванулся вперед так, что у него потемнело в глазах. В следующую секунду он вдруг с наслаждением почувствовал, что лежит на полу. Сверху на него давил огромный мешок, но это несколько не уменьшало чувство облегчения Гарри.

Через пару минут напарники уложили добычу на одну из четырех лошадей и тронулись в путь. Мегги лучше знала выходы из городка Нью-Хакет и ехала первой.

«Все-таки жаль, что она красавица, – не без сожаления подумал Гарри, рассматривая женскую спину под тяжелой, мужской курткой. – Уж лучше бы на ее месте был Одноглазый Вилли».

Он опустил руку и дотронулся до холодной как лед рукояти кольца.

4.

Если бы Гарри не везло в трудных ситуациях – а попадал он в них с хроническим постоянством – о нем уже давно написали бы десяток восторженных некрологов. Но легендарная быстрота Гарри частенько могла поспорить с его удачей.

Банду мексиканца Бешеного Мачете Гарри успел заметить первым. Солнце вставало над горизонтом и светило в глаза вооруженным до зубов оборванцам. Форс в две сотни мет-

ров, скалистая местность и кустарник, который местные индейцы называли «сотней осиних жал», подарили жизнь беглецам. Правда, почти тут же они едва не ворвались на полном скаку в толпу рейнджеров под руководством не совсем протрезвевшего шерифа. Шерифа Нью-Хакета звали Барабан Эндрю. Его идиотские приказы, быстро запутавшие подчиненных, помогли ускользнуть Гарри и его спутнице из-под самого носа разъяренных блюстителей закона.

Крошечная передышка в каньоне с мрачным названием «Улыбка покойника», заставила порядком подуставшего Гарри наконец-то вспомнить о своих умственных способностях. Он набил два пустых мешка подвернувшимся под руку тряпьем и сучьям. Уложив легкую поклажу на свободную лошадь, Гарри сунул в рот трубку и похлопал себя по карманам. Но спичек по-прежнему не было.

– Сейчас ты поедешь туда, Мегги, – Гарри показал рукой на север. – И будешь ждать меня у Трех Скал. А я попробую сыграть здесь в старый преферанс с двумя болванами.

У красавицы Мегги было серьезное лицо. Но Гарри был готов поклясться чем угодно, что там, в глубине ее больших, прозрачных глаз мелькнуло что-то вроде улыбки.

– И не вздумай дурить с деньгами, – Гарри на секунду загнулся и вспомнил, как еще совсем недавно Мегги обозвала его болваном. Гарри не любил обращения «крошка», но на этот раз он прибавил его к своему короткому монологу с особенным удовольствием: – Ты все поняла, крошка?

Искорки в глазах женщины погасли. Гарри сел на коня и потянул за повод лошадь, нагруженную фальшивым грузом. Крутой подъем быстро закончился и Гарри выбрался на равнину.

Слева он увидел группу рейнджеров и толстого шерифа, справа – банду психически неуравновешенного Мачете. Где-то там, впереди маячили смуглые всадники с белыми перьями на головах – местные индейцы.

«Что ж, пусть болванов будет трое, – подумал Гарри и прищипил коня. – Так даже легче...»

5.

... Мегги лежала возле костра, укрывшись одеялом, и задумчиво смотрела на огонь. Ее огромные глаза светились мягким и теплым светом.

Слезая со взмыленного коня, усталый Гарри споткнулся, и чуть было не упал на мешок с деньгами, брошенный вблизи костра.

– Возле банка ты сказала мне, что у тебя нет спичек, – заметил он.

– Я не знакомлюсь с мужчинами на улице, – нехотя ответила женщина.

– А за десять тысяч наличными? – съязвил Гарри.

Мегги взглянула на лицо напарника. Гарри не выдержал взгляда и сделал вид, что осматривает лошадь.

... Ночью Гарри разбудил вой койотов. Он нащупал свой кольт и освободил руку из-под одеяла.

– Черт, – тихо сказал он.

Мегги спала лежа на спине. В ответ на ругательство Гарри она что-то пробормотала во сне и повернулась на бок.

Гарри встал и подошел ближе. Для того чтобы хорошо прицелиться, ему не нужно было поднимать тяжелый кольт на уровень глаз.

«Чем быстрее, тем лучше», – подумал Гарри и нажал на курок.

Сухой щелчок осечки показался ему громче выстрела. Мегги даже не пошевелилась... Гарри вытер вдруг взмокшее от напряжения лицо и с удивлением заметил, что у него дрожат руки. Он осел на землю и механически быстро перезарядил барабан колта.

«Не могу, – вдруг с ужасом подумал он, рассматривая спокойное и красивое лицо женщины. Колт медленно опустился на его колени. – Не могу!.. Проклятый Вилли, что бы тебе, подлец, второй глаз выковырнули грязной вилкой».

Гарри бросил оружие и потер лицо руками. Шесть лет назад он попрощался со своей подружкой Джоан и пообещал ей привезти весь мир в мешке из-под дешевой кукурузы. Но мир оказался больше мешка и сильнее Гарри. Этот мир усадил его за стол и заставил играть в жестокую рулетку настоящей ставкой в которой была человеческая жизнь. Только сейчас Гарри вспомнил, что у Джоан почти такие же свет-

ло-каштановые волосы и огромные глаза. Правда, эти глаза были голубыми и почти по-детски наивными.

«Лучше завтра ночью, – решил Гарри, и ему стало легче на душе. – Потому что днем у нас может возникнуть масса проблем, с которыми трудно справиться одному».

Уснул Гарри очень быстро.

6.

Утром шериф Барабан Эндрю приказал своим ребятам соорудить походную виселицу для неуловимого Громкого Гарри. Вид облегченной конструкции из трех бревен придал шерифу сил и надежды на удачу. Он весело болтал с рейнджерами и строил планы на будущую казнь.

В отличие от шерифа Бешеный Мачете все утро хмуро точил свой самый большой тесак и косился на едва виднеющуюся на горизонте группку индейцев. Краснокожие ребята поставили на холме столб для пыток. Они отплясывали возле него танец несколько похожий на тот, который исполнял сам Мачете, когда приходил в состояние крайнего возбуждения. По прерии ходили слухи, что Громкий Гарри задолжал краснокожим ребятам пару тысяч долларов.

Сам виновник собрания появился сразу после восхода солнца. Его вторая лошадь, нагруженная двумя мешками, весело и легко трусила следом за хозяином. Иногда лошадь останавливалась, чтобы храбро пощипать травки.

Шериф Эндрю рывкнул: «По коням!» Бешенный Мачете не отдавал никаких команд. Он забыл обо всем на свете и вспомнил о своей лошади только тогда, когда заметил что бежит за Громким Гарри в толпе конных всадников. Индейцы, прежде чем пуститься в погоню погрузили столб для пьоток на самую резвую кобылу по кличке «Дохлая муха».

Гарри бодро поскакал к центру треугольника, где по его подсчетам должны были пересечься пути всех заинтересованных сторон. Там, в центре, был маленький овражек, густо заросший кустами «осинога жала». Путь через него знал только Гарри и Одноглазый Вилли, который и потерял свой глаз, прокладывая через овраг узкую тропинку.

7.

День близился к концу и уставшее, не меньше Громкого Гарри, солнце уже коснулось горизонта. К удивлению ковбоя-грабителя красавица-спутница встретила его довольно добродушной улыбкой. Уставшего ковбоя ждал сытный ужин из ящерицы и кисет с табаком одного из рейнджеров шерифа Эндрю.

Мегги со смехом рассказала, как ей удалось ускользнуть от отбившейся от общей погони тройки ребят шерифа. Но Гарри хмуро отмалчивался. Закончив с ужином, он лег и укрылся одеялом с головой. Тоскливое чувство ожидания дурного грызло ему сердце...

... Ночью снова Гарри разбудил вой койотов. Он нащупал свой кольт и освободил руку из-под одеяла.

– Черт, – тихо сказал он.

Мегги спала, свернувшись калачиком. Гарри встал и подошел ближе. Женщина чему-то улыбалась во сне.

«Чем быстрее, тем лучше», – подумал Гарри и положил палец на курок. Во рту стало сухо и противно.

«Я все-таки так и не привез Джоан целый мир в мешке из-под кукурузы», – мелькнуло у него в голове.

Гарри вдруг понял, что не сможет выстрелить. Он кусал губы и смотрел на красивое и спокойное женское лицо так, словно искал в нем знакомые и родные черты. Совсем не к месту он вспомнил, что полгода назад ему передали весточку из дома: Джоан, его красавица Джоан, до сих пор так и не вышла замуж.

Сзади треснул сучок и Гарри, не думая, механически нажал на курок. Раздался сухой металлический щелчок... Гарри чуть не закричал от ужаса. Он оглянулся.

Сзади стоял койот и внимательно смотрел на перекошенное лицо человека.

– Собака! – с трудом шевеля губами, прошептал Гарри. – Грязная, подлая собака.

Койот метнулся в сторону и исчез в темноте. Гарри сел и высыпал на ладонь патроны из барабана кольта. Тот, который должен был выстрелить, был с пробитым капсюлем.

«Вчера я вставил на место прежний патрон, – догадался

Гарри и тихо засмеялся. – Идиот проклятый!.. Но, Господи, ты все-таки есть».

– Что случилось? – Мегги приподняла голову. Она сонно моргала глазами и смотрела на Гарри.

Гарри весело подмигнул.

– Спи, крошка. Завтра у нас трудный день и надеюсь, что последний. До Минуида осталось только сорок миль.

8.

Утром рейнджеры обменяли едва пришедшего в себя после очередного припадка ярости пленного Мачете на своего шерифа. Пленные индейцы использовались при этой сделке в качестве мелкой разменной монеты. Торг, кто кому и сколько еще должен, чуть было не перерос в драку. Пока шериф Эндрю лично колотил визжащего на земле Мачете, индейцы сбежали и прихватили с собой пыточный столб. Драка уже грозила перерасти в грандиозную свалку, но тут на горизонте показался Громкий Гарри. Одинокий ковбой-взломщик не спеша трусил в сторону полноводной Иссури.

Полковник Эндрю вскочил на ноги, и рявкнул еще не успевшим далеко убежать индейцам, чтобы они заходили справа. Идиоту Мачете при помощи полновесного пинка было доходчиво разъяснено, чтобы во время погони за Гарри он заходил слева. Тем не менее, толпа преследователей забыла о планах шерифа, едва только сорвалась с места. Впе-

реди скакал сам шериф на пегой лошади индейского вождя.

Гарри оглянулся и что-то весело крикнул преследователям. Брод на Иссури знал только он и местные индейцы. Но, во-первых, брод выписывал довольно замысловатую кривую, во-вторых, индейцев было слишком мало, чтобы сдержать на поворотах буйную толпу, и, в-третьих, только вождь индейцев знал несколько слов по-английски. А такие слова как «бледнолицая бешеная собака» или «меловая морда» мало чем могли помочь на трудной и торопливой переправе.

9.

Ночь была тихой и звездной... Гарри смотрел на огонь костра и думал. Когда рядом раздавался вой койота, он хмурил лоб и шептал тихие проклятия.

– Почему ты не спишь?

Гарри вздрогнул и посмотрел на Мегги. Женщина улыбалась. В эту секунду она была удивительно похожа на Джоан.

– Я думаю, – неохотно проворчал в ответ Гарри.

– О чем?

– Какая разница о чем? – он лег, используя в качестве подушки мешок с деньгами. – Три месяца назад, в Канзасе, я пристрелил трех ребят. Но у меня не было другого выхода.

– Почему?

– Потому что мы играли в карты. Они приняли меня за кретина, которого можно запросто ободрать до нитки.

– У человека всегда есть другой выход.

– Какой?

– Например, ты мог не играть.

– Пожалуй, это не выход, а вход, – Гарри усмехнулся. – Только кто знает, где начинается этот вход? Возле карточного стола, у дверей салуна или еще раньше, когда ты получаешь в банке свои последние десять долларов и вдруг замечаешь, что на окне плохо закреплена решетка?

Гарри немного помолчал, рассматривая звезды.

– Когда я был маленьким, бабушка как-то раз водила меня и крохотную соседскую девочку Джоан в самый настоящий цирк. Знаешь, чего тогда мне хотелось больше всего на свете? Как можно быстрее пройти двери. Потому что там, за ними, нас ждал огромный и сказочный мир... И только потом, когда я вырос, я узнал, что фокус это не волшебство, а простая ловкость рук. А слоны и тигры выполняли приказы дрессировщика только потому, что до ужаса боялись его плети. Мир слишком жесток для чуда, Мегги.

Гарри на секунду закрыл глаза, а когда снова открыл их, звезды странно изменились. Они, словно плавали в чистой воде и их длинные, перекрещивающиеся лучи переливались всеми цветами радуги.

– Спи, Мегги, – хрипло сказал Гарри. – Нам повезло, и мы все-таки прошли свою дорогу.

Со стороны Рыжего Каньона городок Миниуйад был виден как на ладони. Он был похож на тихую большую деревушку, заросшую садами.

– Ты женщина и тебя никто не ищет, – Гарри старался не смотреть на свою спутницу и поправлял узду лошади. – Тебе легко удастся сесть на поезд до Балтимора.

– А ты?

– Я ухожу... Мне в другую сторону, – Гарри протянул повод лошади нагруженной добычей женщине. – Возьми, это все тебе.

И без того большие глаза Мегги стали просто огромными.

– Все? – удивилась она.

– Все. И еще это... – Гарри высыпал на женскую ладошку шесть патронов. – В общем, я хочу сказать тебе, что... – Гарри почесал переносицу. – Черт! Ты все равно ничего не поймешь. Но мой тебе совет, никогда больше не связывайся с плохими ребятами. Это не безопасно. А теперь мне пора.

Гарри вскочил на своего коня и быстро поехал прочь. Возле поворота он оглянулся.

– Послушай, Мегги, – улыбка Гарри была очень похожа на счастливую, – у тебя случайно нет пустого мешка из-под кукурузы?

– Зачем он тебе?

– Я хотел бы сшить из него куртку.

Мистер Джон Пласкетт и его старый друг Билли Ларсен не спеша, пили коньяк и ждали. Иногда мистер Пласкетт поглядывал на огромный, грязный мешок перед камином и растерянно улыбался.

– Если честно, то я тоже не могу удержаться от идиотской улыбки, – признался Билли Ларсен. – Скажи мне, Джон, за каким чертом ты поспорил с этой красоткой, что ей удастся доставить такую кучу долларов из твоего банка в Нью-Хакете, сюда в Миниуайд?

Джон Пласкетт пожал плечами.

– Я не знаю, дружище... Может быть, мне просто стало скучно в дороге, а может быть, эта женщина оказалась слишком красивой для того, чтобы я, как последний болван, сидел и молча любовался пейзажами за окном вагона.

– Ты сильно рисковал.

– Я рисковал? – удивился Джон. – Чем, Билли? Шериф Эндрю поклялся съесть собственную шляпу, если деньги пропадут.

– А Бешеный Мачете?

– Этот бедняга глуп, как старый мул. Если бы ему удалось захватить деньги, он наверняка поспешил отделаться от своей банды. А взять его с деньгами в одиночку смог бы даже я. Правда, я не учел того, что этой удивительной женщине удастся провести самого Громкого Гарри. Но тут уже риско-

вала только она одна.

В зал вошел рослый, похожий на отставного генерала, лакей.

– Мисс Мегги Браун, – подчеркнуто правильным английским доложил он. – Изволите принять?

– Изволит, изволит, – пробормотал Билли Ларсен, прежде чем опрокинуть в рот остатки коньяка.

На Мегги Браун было простое дорожное платье и шляпка. Но даже этот скромный костюм подчеркивал ее изящество и женственность.

– Ваш чек, мисс, – Джон Пласкетт положил на стол тонкий, длинный лист бумаги. – Вы просто великолепны. Когда я смотрю на вас, я совсем не думаю о том, что стал беднее на десять тысяч долларов.

Билли Ларсен тоже не без удовольствия разглядывал гостью. Женщина положила в сумочку чек и улыбнулась двум мужчинам за столом.

– Скажите, а как вам удалось... – начал было Билли.

– Да, действительно, – перебил друга Джон. – Нам было бы очень интересно услышать о ваших приключениях.

Вместо ответа женщина выложила на стол нож, кiset с табаком и коробок спичек. Следом за ними с тихим стуком высыпались шесть патронов для кольца.

Кресла скрипнули и мужчины склонились над столом.

– Нож Громкого Гарри, – сказал Билли Ларсен, дотронувшись пальцем до его лезвия. – Насколько я понимаю, кiset,

спички и патроны то же его. Гм!.. Не сомневаюсь, что вы, мадам, позаимствовали эти вещи без согласия хозяина, – Билли поднес ближе к глазам один из патронов и близоруко прищурился. – Блестяще, черт бы меня побрал! Мне знаком этот фокус. Посмотри, Джон, ты видишь этот характерный налет на меди? Он образуется после того, как патроны долго кипят в воде.

– Зачем?

– Затем, что потом скорее выстрелит палка, чем один из них. Короче говоря, Громкий Гарри был безоружен как младенец, – Билли откинулся на спинку кресла и расхохотался. – Об остальном я могу только догадываться. Вы круто провели этого парня, мисс. Гарри, конечно, умер?

– Нет, – коротко ответила Мегги. Она немного подумала и добавила: – Но Громкого Гарри больше не существует.

Улыбка медленно сползла с лица Билли Ларсена, а нервно дернувшаяся вверх губа обнажила золотой зуб.

– Как это нет? Тогда почему... – Билли с нескрываемым изумлением смотрел на спокойное лицо женщины. – Тогда почему все деньги оказались у вас, мисс?

– Простите, но мне пора, – Мегги чуть заметно улыбнулась. – И я не думаю, господа, что вы сможете что-то понять, даже если бы я и рассказала вам все.

– Но хотя бы в двух словах.

Женщина на секунду задумалась.

– Видите ли, в чем дело, – медленно заговорила она. – В

любом человеке, пусть даже в самом отпетом негодяе, все-таки есть хорошее... Очень хорошее. И порой человек способен заплатить любые деньги, лишь бы узнать об этом.

Мегги замолчала.

– И это все? – удивляясь еще больше, спросил Билли Ларсен.

– Да, – Мегги кивнула. – А теперь прощайте, господа.

Мужчины долго рассматривали захлопнувшуюся за необычной гостьей дверь.

– Ты что-нибудь понял, Джон? – наконец спросил Билли Ларсен.

– Нет, а ты?

– Признаться, мое понимание того, что случилось с этой прекрасной женщиной чем-то очень похоже на забытую всеми химеру совести, – Билли потер лоб, собираясь с мыслями. – Кстати, Джон, ты бы согласился заплатить любые деньги, за то чтобы узнать о себе что-то хорошее?

Прежде чем ответить мистер Джон Пласкетт посмотрел на мешок у камина.

– Все хорошее я знаю о себе сам, Билли, – ледяным голосом сказал он. – А когда мне потребуется узнать больше, я куплю десяток журналистов.

– Что ж, если так... – Билли попытался улыбнуться, но передумал. Он хлопнул ладонями по подлокотникам кресла и резко встал. – Пожалуй, мне тоже пора. Увидимся завтра в банке. Нам нужно уладить с тобой кое-какие дела.

Оставшись один, мистер Джон Пласкетт допил коньяк и подошел к окну. Он долго смотрел на улицу и вспоминал удивительно красивое лицо гостыи.

Возвращаясь к камину, Джон споткнулся о мешок с деньгами.

– Черт! – громко выругался он и пнул мешок ногой.

Удар получился не очень удачным и полупьяный Джон едва не упал.

Через пару минут на шум в зале заглянул лакей. Мокрый от пота мистер Джон Пласкетт колотил ногами огромный мешок возле камина и то и дело приговаривал: «Черт!.. Вот черт!.. Черт!!»

Лакей глупо усмехнулся и тихо закрыл дверь.

Цирк Абигаиль

Посвящается Ирине Владимировне Калус.

С улыбкой и поклоном

1.

Шериф Гарри Хепберн курил возле окна. С высоты третьего этажа гостиницы цирковая палатка-шапито на центральной городской площади казалась ему брошенной впопыхах грудой старого брезента. Лужи подступали к шапито вплотную. Обвисшая по периметру палатки веревка с разноцветными флажками выглядела как вывешенное для просушки мелкое, мокрое белье.

«Честное слово, нелепость какая-то, – с ноткой раздражения подумал Гарри. Он выдохнул струйку дыма в стекло, и палатка за окном растворилась в сером тумане.– Не хватает пары худых собак, пегой лошади и добропорядочный Фениган превратится в оккупированное женщинами индейское стойбище».

Дым перед носом Гарри редел, но из него так и не появились ни собаки, ни пегая лошадь.

Чарли Хепберн сидел перед столом в кресле-качалке и не менее внимательно, но с добродушной улыбкой, изучал нахмуренное лицо младшего брата Гарри. Кресло слегка пока-

чивалось и издавало приятный, домашний и едва слышимый скрип.

– Там лужа, – наконец сквозь зубы и, не вынимая изо рта трубки, сказал Гарри.

– Где?

– Я имею в виду «озерцо» возле входа в этот дурацкий цирк. Никто не попытался сделать ее меньше или положить доски. Вывод напрашивается сам собой, Чарли, в цирк никто не ходит.

– Он закрыт уже три дня, – подтвердил Чарли.

Очередная пауза получилась такой же длинной, как и предыдущая. Трубка Гарри Хелберна выдала новое густое облачко. Он оторвал взгляд от шапито и посмотрел на брата.

– А зачем ты вообще пустил этот балаган в свой город, Чарли?

Чарли понимающе кивнул, и его простодушная улыбка стала шире:

– Действительно, зачем? – он пожал плечами. – Но дело в том, Гарри, что, во-первых, неделю назад меня не было в городе, а, во-вторых, в тот день наш добрейший мэр выдавал замуж старшую дочь. Мэр был пьян как последний сапожник и запросто мог открыть Фениган не только перед шайкой оборванцев, маскирующихся под клоунов и канатоходцев, но даже перед вооруженной мачете мексиканской бандой. Честно говоря, все произошло случайно.

– Честно! – скептически усмехнулся Гарри. – Ты как все-

гда удивительно правдив, Чарли.

В глазах Чарли Хепберна снова блеснули веселые, но теперь уже откровенно насмешливые искорки, и это едва не вывело Гарри из себя. Он не выдержал взгляда брата, сердито плюнул на пол и снова уставился в окно.

Шерифа Фенигана Чарли Хепберна многие (и даже отпетые бандиты) с чистой совестью называли «Честным Чарли», а вот его брата Гарри, шерифа соседнего Нью-Ричмонда, очень редко «Умным». А даже если это и случалось, то к вышеназванному прилагательному частенько предшествовало обидное «за». Недавним, то есть совсем свежим, гонителем «Заумного» Гарри оказался пастор Майкл Рич из прихода Святого Якова в его же городке. Их публичный спор на порожках церкви «о природе вещей» выиграл пастор и во многом благодаря непонятной фразе, что Гарри Хепберн «обладает схоластическим воображением варвара лишь маскирующимся под прогрессивное американское мышление». Оправдание Гарри Хепберна, что, мол, пасторское неприятие его научной точки зрения на мир легко объяснить его верой в теорию Чарльза Дарвина, мягко говоря, прозвучало не убедительно. Местным ковбоям и фермерам было незнакомо имя английского натуралиста, а Джордано Бруно (который, по уверениям Гарри, был сожжен на костре по навету католической церкви), как вскоре выяснилось, жив и работает в соседнем штате перегонщиком скота. Но Гарри Хепберн все-таки неплохо справлялся со своими обязанностями ше-

рифа, а его умению заходить в тыл бандитам иногда завидовал даже его старший брат Честный Чарли. Изощренный, но не понятый согражданами ум Гарри, хотя и породил множество неприятностей для своего хозяина, время от времени все-таки здорово выручал его, хотя они оба – и Гарри, и его ум – так и не научились терпеть даже легкие ироничные подковырки.

Была и еще одна причина обидчивости Гарри Хепберна на своего старшего брата, но о ней никто и никогда не говорил вслух. Дело в том, что благодаря близкому родству Гарри и Чарли были очень похожи, но младший брат представлял собой уменьшенную, и если уж быть откровенным до конца, и не совсем точную (в смысле художественной ценности) копию брата. Чарли Хепберн был гораздо выше ростом, шире в плечах и даже морщинки на его обветренном лице выглядели куда более мужественными, чем на полной физиономии Гарри, тем более что на последней их почти не было видно. Громкий голос Чарли был чист, силен и спокоен даже в критические минуты, а вот голос Гарри, склонный к ноткам задумчивой рассудительности, частенько звучал тускло и невыразительно, а в вышеупомянутые драматические минуты (хотя бы в перестрелке) даже визгливо. Самые заурядные физические движения братьев – походка, движения рук, поворот головы – были сходны примерно так же, как если бы рядом друг с другом двигались два льва – большой и маленький. Если бы не было большого, маленький лев вполне

сошел за настоящего, но беда Гарри Хепберна как раз в том и состояла, что от Нью-Ричмонда до Фенигана было всего двадцать миль, то есть по человеческим понятиям, братья шли по жизни рядом.

Кресло-качалка под крупным телом Чарли громко и протестующее пискнуло.

– Ладно, мы говорим не о том, Гарри. Послушай, меня, брат... – мягко начал было Чарли.

– Короче, пожалуйста, – почти не разжимая губ и по прежнему глядя в окно, буркнул Гарри.

– Ну, во-первых, не сердись, хорошо? Во-вторых, я позвал тебя для того, чтобы поговорить о серьезных делах. И, в-третьих, – прости меня, пожалуйста, – но ты гораздо лучше соображаешь, если кто-то или что-то задевает твое самолюбие.

– Ты пытаешься объяснить мне свою идиотскую ухмылку, которая уже пять минут красуется на твоей физиономии, Чарли?

– Только отчасти. Понимаешь, Гарри, иногда человеку трудно осознавать свою глупость в одиночестве и он поневоле ищет себе компаньона. Совсем недавно в нашем старом и добром Фениганае произошла одна такая штука, что... – Чарли замолчал. Он вдруг щелкнул пальцами и весело рассмеялся: – Черт бы меня побрал, Гарри, но я до сих пор не верю, что это наконец-то случилось. Представляешь, мне удалось сцапать Эрла «Койота».

Гарри оглянулся и с удивлением посмотрел на брата:

– Живого Эрла «Койота»? – переспросил он.

Чарли кивнул:

– И этот гаденыш явился ко мне сам. Точнее говоря, он пришел в город за деньгами к старику Энтони Розано, но как раз в то же самое время и я решил зайти к старому ростовщику в гости. Причем на час раньше и с двумя своими ребятами. Так что все трюки Эрла: прыжки в сторону, пальба на лету и метание ножа ему не помогли. Но тут дело даже не в том, что мы так ловко устроили засаду, а в том, что «Койот» все-таки решился зайти к Розано. Вот в чем главный фокус, Гарри, и вот почему сейчас я чувствую себя последним глупцом!

Чарли замолчал, с улыбкой глядя на брата.

«Нам обоим уже за пятьдесят, но мой братец, до сих пор считает себя не только старшим, но и более умным даже когда делает вид, что рассказывает о своей глупости», – подумал Гарри.

Вслух он спросил:

– Ты ждешь вопроса, в чем был так называемый «главный фокус», и какая именно глупость помогла тебе в деле с Эрлом?

Чарли низко нагнул голову и почесал затылок. Когда он поднял ее, улыбки на лице уже не было.

– Вообще-то, да, братец, я ждал именно такого вопроса. Мне хотелось заинтересовать тебя, но как я погляжу, ты слишком серьезен. Понимаешь в чем дело, если глупость, о

которой я говорил, полностью принадлежит мне, то ловушку, в которую угодил «Койот», придумал совсем не я. Мне помогла ее устроить мисс Абигайл Нортон. Она работает в цирке, на который ты глазеешь.

– Кем работает? Причудницей-иллюзионисткой, что ли? – презрительно улыбнулся Гарри.

– Не только и не столько. Во-первых, Гарри, Абигайл Нортон не акробатка и не фокусница, хотя, я уверен, она хорошо разбирается в таких штучках. Во-вторых, она руководит этим цирком, а это говорит и об ее уме и силе характера, ведь карлики-шуты это только видимая часть тех уродцев, которые в нем работают. Например, в ее цирке есть силач – огромный верзила, но склонный к чисто женской истерике. Там есть пара клоунов, которых поймали за воровством в первый же день их приезда в наш городок и бывший профессор математики, который умеет не только перемножать в уме пятизначные цифры, но и выпить за один присест две дармовые бутылки виски. Я уже не говорю о плачущей по любому наезднице или о братьях акробатах, которые могут устроить драку в баре по любому поводу и даже без него. Но Абигайл Нортон может учитывать все эти мелочи и ее цирк работает.

Гарри пожал плечами.

– А какое отношение все это имеет к тому, что Эрл «Койот» наконец-то закончил свою койотскую карьеру?

– Самую прямую. Дело в том, что мисс Абигайл Нор-

тон умеет считать, Гарри. Тут, наверное, было бы уместнее сказать рассчитывать или просчитывать чужие поступки, но мне нравится именно это слово – считать. Она очень ловко, словно рисуя слова на песке, создает те или иные обстоятельства, а потом, уже складывая их в единое целое, получает нужный результат.

– И как же добропорядочной мисс, работающей с цирковыми уродцами, удалось заманить Эрла к старику Розано?

– Долго рассказывать. Когда-нибудь мы выпьем с тобой, и ты здорово посмеешься над той штукой, которую она придумала. Но иногда обстоятельства, о которых я только что говорил, могут быть сильнее даже такой женщины, как мисс Абигайль. В данный момент два акробата и истеричный силач сидят в комнате для заключенных за очередную драку и мисс Абигайль Нортона хочет их оттуда вытащить. Ты понимаешь?.. Эта женщина кое-что должна мне и, как бы мне не было стыдно, я очень этому рад.

– Что же ты не отпустил циркачей в уплату за «Койота»?

– Если так можно выразиться, я расплатился с мисс Абигайль Нортона профессором математики, который разбил пустой бутылкой голову Джо Рейкеру, а, кроме того, я вспомнил о тебе, Гарри. До меня дошел слух, что если в самое ближайшее время ты не справишься с бандой Гейра Кинга, уже через месяц добропорядочные граждане Нью-Ричмонда отнимут у тебя значок шерифа.

Гарри Хепберн медленно отошел от окна, медленно при-

близился к столу и медленно сел. Какое-то время он молча и с недоверием рассматривал лицо старшего брата.

– Слишком много слов, – наконец сказал Гарри. – Я ни за что не смогу поверить, что какая-то дамочка умудрилась устроить ловушку самому Эрлу «Койоту». Кстати, мэр вашего Фенигана убежденный баптист-трезвенник и никто никогда не видел его пьяным. А что не менее важно я лучше тебя знаю, Чарли, что происходит в моем городке.

Кресло-качалка наклонилась вперед, и Чарли Хелберн положил на стол огромные руки. Следы некоей растерянности (которую автор этих строк если и не придумал, то, вполне возможно, спутал с каким-то другим чувством) исчезли с его лица, и оно стало серьезным и строгим.

– В этом, в твоём неверии, вся твоя беда, Гарри. Ты слишком часто пытаешься объяснить наш мир, который частенько превращается в безалаберный цирк, какими-то научными законами. Твое несчастье в том, что ты не обращаешь внимания на смешные мелочи. Оглянись вокруг, например, кому нужна моя, возведенная в абсолютную степень идиотская честность, как ни тем людям, которые способны на жульничество? И это ли не цирк, Гарри?.. Ведь я не стою рядом и не держу человека за руку, но он вдруг спрашивает себя, а что скажет Честный Чарли, когда сцапает меня за шиворот из-за вороха чужого белья? Знаешь на что все это похоже?.. На нарисованные на песке слова или некие цифры воображаемых обстоятельств. А потом кто-то (не хочу упоминать

вслух его имя, Гарри) стирает несказанные слова и человек – в общем-то, добрый и явно неплохой малый – вдруг становится способным перерезать глотку ближнему уже не ради кучи белья, а ради пары глотков виски. Любой цирк умеет быть жестоким, Гарри. Правда, совсем недавно я поверил и в то, что самый жестокий цирк можно превратить в смешную клоунаду...

Гарри попытался что-то возразить и даже поднял руку, но Чарли ловко перехватил ее и прижал к столу.

– Хватит спорить, Гарри, и перейдем к существу дела, братец. Во-первых, мисс Абигайль Нортон действительно помогла мне поймать Эрла «Койота» и я – Честный Чарли – даю слово, что это правда. Во-вторых, наш добропорядочный баптист-мэр и в самом деле кристальный трезвенник. Но он отдал замуж тридцати двух летнюю дочь, не отличающуюся ни красотой, ни добрым нравом и от этого отцовская радость на один вечер превратилась в цирковой фейерверк. Что же касается дел в твоём городке, то поверь мне, Гарри, у меня есть в нём кое-какие свои интересы, в виде старых долгов. Так что нет ничего удивительного в том, что я знаю, чем закончатся очередные выборы шерифа в Нью-Ричмонде.

Гарри Хепберн не без труда вырвал руку из стальной ладони брата.

– Из всего сказанного, я верю только в твои интересы, – холодно сказал он. – Но я ни за что не поверю в то, что жители Нью-Ричмонда и фермеры из Большой Долины решили

устроить кровавую драку с бандой Гейра Кинга.

Чарли замотал головой:

– Не так, Гарри, не так!.. Я не говорил о драке. Я сказал, что если ты – ты сам! —не справишься с бандой, тебе придется распрощаться со значком шерифа.

– Иными словами я и мой помощник Макс Финчер – вдвоем – должны перестрелять банду из тридцати человек?

– Да. И я отлично понимаю, что, к сожалению это невозможно. Но возможно другое, нужно устроить все так, что бандиты Гейра Кинга перестреляют друг друга.

Гарри поперхнулся табачным дымом, и едва справившись с кашлем, расхохотался. Под его подбородком собралась толстая складка кожи, глаза обесмыслились, а скулы, казалось, стали вдвое шире. На какое-то мгновение Чарли удивился своей всегдашней и искренней любви к брату, но потом верх взяла жалость.

– Ну, и как же ты все это представляешь, Чарли?

Чарли потер лоб и вздохнул.

– Я долго и давно думал об этом, Гарри. Честно говоря, мне никогда не нравилась твоя теория «разумного терпения» в отношении рэкетира Гейра Кинга. Проще всего было бы устроить засаду в рощице возле горы «Святоши Джо». Но мерзавец Гейр всегда берет с собой трех фермеров. Если эта деревенщина не станет палить в ответ в меня и моих ребят, Гейр тут же возьмет их в заложники.

– Подожди, а как ты собрался остановить дилижанс Гей-

ра?

Чарли пожал плечами.

– Ну, как-как... А как его еще можно остановить, если не поваленным на дорогу деревом?

– Хорошо, – кивнул Гарри. – Допустим, поваленное дерево. Внутри дилижанса сидит Гейр тремя своими парнями. Сумку с деньгами он держит на коленях. Снаружи двое фермеров правят лошадьми, а третий сидит на запятках. В кого ты будешь стрелять, Чарли?

– Гейр и его ребята должны будут выйти из дилижанса, чтобы убрать дерево.

– В роще, возле горы «Святоши Джо», нет такого дерева, которое не смогли бы поднять трое взрослых мужчин. А фермеров как раз трое. Если же дерево окажется слишком большим и толстым, Гейр сразу поймет, что это засада. Он даже поймет, что это сделал ты, Чарли. Ни один другой бандит и шериф в радиусе двухсот миль не захочет связываться с Гейром из-за денег отнятых у фермеров под благовидным предложением их защиты.

Чарли потер уже не лоб, а квадратный подбородок.

– Ладно!.. Согласен, что устраивать перестрелку сразу не очень умно. Но тогда я спущусь вниз и потребую, чтобы Гейр вышел дилижанса. Ордер на право обыска в своем округе ты мне, надеюсь, одолжишь.

– Ордер не проблема. И, конечно же, ты найдешь в дилижансе сумку с деньгами. Но фермеры ни за что не призна-

ются, что ежемесячно платят дань бандитам, а те никогда не сознаются в вымогательстве.

– Есть еще один шанс. Между джентльменами и бандитами... как бы это точнее выразиться?.. в общем, между ними слишком большая разница во взглядах на жизнь.

– Ты имеешь в виду спровоцированную ссору и драку? Но это будет уже не стрельба из засады. Вы будете стоять лицом к лицу, Гейр отлично стреляет и пара твоих ребят, Чарли, могу запросто отправится на тот свет. Кроме того, ты сам рискуешь больше всех. Первая же пуля Гейра будет предназначена тебе.

– Плевать! – повысил голос Чарли. Его лицо покраснело, а глаза вдруг стали прозрачными и пустыми. – Лишь бы добраться до этого вонючего скунса Гейра, а там, дальше...

– А там дальше тоже ничего не будет, – оборвал брата Гарри. – В лучшем случае ты пристрелишь Гейра и его ребят, но останутся еще три десятка бандитов, которые устроят налет на мой город. Я хорошо знаю, что двоюродный брат Гейра Беспалый Джим явно не дружит с головой. Он мстителен, как раненная гадюка, и устроить резню для такого типа – просто очередной праздник.

Чарли откинулся на спинку кресла. Пока кресло раскачивалось вперед-назад, шериф Фенигана рассматривал потолок. Постепенно его лицо успокоилось, а в глазах появился прежний живой блеск.

– В сущности, если действовать по-моему плану, все мо-

жет произойти именно так, как ты и говоришь, Гарри, – согласился он. – Но мне жаль моих ребят, жаль простаков-фермеров из Большой Долины и поэтому нам поможет мисс Абигайль Нортон. Не удивляйся, но я и она уже были возле горы «Святоши Джо». Милая женщина, как и я, тоже сочла это местечко удачным для засады, а это значит, что я не так уж и глуп. Для того чтобы составить план дальнейших действий, мисс Абигайль Нортон нужна была информация и – извини, Гарри! – я рассказал ей все что знал.

Гарри криво улыбнулся.

– А что, собственно, ты знаешь?

– Ну, хотя бы то, что ты каждый месяц ты караулишь дилижанс Гейра Кинга. Ты опасаясь, что я все-таки устрою засаду и торчишь на горе «Святоши Джо» со стороны дороги. Еще я рассказал мисс Абигайль все о твоём помощнике Максе Финчере и Джоан...

– А при чем тут Финчер и Джоан? – резко удивился Гарри.

– Притом, что два раза ты уже брал девчонку с собой.

В последнее время ты не спускаешь с Джоан глаз. Ты предпочитаешь разменять пять часов без твоего присмотра на небольшой риск для Джоан на горе «Святоши Джо», – в голосе Чарли промелькнула и тут же исчезла виноватая нотка. Он отвел глаза от лица брата и уставился в окно.

Удивление Гарри Хепберна вдруг стало неприятным, ноющим и похожим на боль.

– Повторяю, при чем тут наша шестнадцатилетняя пле-

мянница Джоан, Чарли? – жестко спросил он.

– Все дело в том фокусе, который собирается показать Гейру Кингу мисс Абигайль Нортон, Гарри. Если из сумки, которую везет Гейр Кинг, исчезнут деньги, его банда развалится с большой стрельбой и уменьшится на две трети. Заметь, я не говорю о том, что должна пропасть сумка, должны исчезнуть именно деньги. Это и станет поводом к потасовке, в которой вряд ли выживет и Гейр Кинг, и его братец Беспальный Джим. Ребята из банды Кинга ни за что не поверят, что деньги пропали и начнут качать свои бандитские права...

Гарри стукнул ладонью по столу.

– Стоп! А как ты себе все это представляешь? Уж, не так ли, что по дороге едет дилижанс, его вдруг останавливает малышка Джоан, а потом она молча лезет за деньгами в сумку к бандиту?

– Конечно, не так, Гарри. Мисс Абигайль пообещала мне, что бандиты не приблизятся к Джоан ближе, чем на тридцать шагов...

– На сколько?! – вскрикнул Гарри.

– На тридцать шагов, – повторил Чарли. – Но деньги все равно окажутся у Джоан, – в его голосе появилась нотка неуверенности. – Вспомни, Чарли, там, у «горы Святоши» растет довольно густой кустарник... И, в общем... Как это?.. Если с горы видна вся дорога, то с самой дороги, если сделать пять шагов в сторону, не видно даже здоровяка вроде меня. Наша девчонка, как никакой другой человек, может

незаметно подойти и уйти от... – Чарли сбился окончательно и на его лице вместо легкого румянца вдруг выступили красные пятна.

– Продолжай, – усмехнулся Гарри. – Во-первых, незаметно подойти к чему?.. К дилижансу с бандитами? Хорошо, допустим. Во-вторых, Джоан действительно уникальная девочка. Но ответь мне, братец, как она сможет незаметно уйти с деньгами, которые вытащит из сумки на глазах Гейра Кинга, пусть даже если потом, по воле Божьей и за одно мгновение, она вдруг окажется в тридцати шагах от него?

– Мисс Абигайль сказала... – Чарли Хепберну пришлось сглотнуть большой ком в горле, он подавился им и закашлялся. – Мисс Абигайль сказала, что Джоан сможет спокойно уйти, потому что...

Чарли Хепберн снова замолчал.

– Почему, Чарли?

– Потому что в это время бандиты будут смотреть в другую сторону. Пойми, я же не идиот, Гарри! Но я своими глазами видел, на какие фокусы способна мисс Абигайль Нортон. Понимаешь?.. Я видел! И у нас есть целых шесть дней. Пока Гейр Кинг будет пьянствовать с проститутками в Литл-Сити, у нас с тобой и мисс Абигайль есть время, чтобы устроить ему хорошую ловушку.

– А я не верю в цирк и дурацкие, а, точнее говоря, в невысказанные ловушки, Чарли, – оборвал Гарри. – Поэтому я даже не буду тебя спрашивать, почему деньги у бандитов

должна взять именно Джоан, откуда возьмутся тридцать шагов ее невероятной форы, и почему бандиты будут смотреть в другую сторону.

2.

Утреннее солнце, прикрытое дымкой розовато-бледных облаков, не рождало теней. Но дымка постепенно редела и соломенная крыша на хижине «Святоши Джо», выплывая из серой мглы, постепенно становилась желтой, грязной и старой. Казалось, что пространство перед покосившимся домиком проясняется не потому, что восходит солнце, а потому что сама по себе тает тьма.

Двое у костра были заняты каждый своим делом.

– Мне не нравится это утро, Макс, – сказал пожилой, седоволосый человек в кресле-качалке у костра. Он курил рубку и, щурясь, рассматривал восход через слоистый табачный дым. – Во-первых, в нем все слишком размыто, а, во-вторых, неопределенно и независимо до раздражения. Если бы я был Богом, я убрал все это, – человек описал большой круг трубкой в воздухе и перечеркнул его резким движением руки вниз, – и нарисовал что-нибудь другое. Например, веселенькое голубое небо и легкомысленные облачка.

Второй человек сидел рядом на корточках и шевелил прутиком угли костра.

– Зачем? – коротко спросил он.

– Формы и краски должны иметь четкий и прямой смысл,
Макс.

– Но формам и краскам не обязательно предсказывать
дневную погоду.

– Тогда зачем они?

Прозрачный столб дыма костра качнулся в сторону. Человек, которого назвали Максом, закашлялся и раздраженно пробурчал:

– Идите к черту, Гарри Хепберн! Вы не умеете ни рисовать, ни предвидеть погоду, ни даже стрелять.

Гарри снисходительно усмехнулся в ответ:

– Месяц назад я попал в индейца Хакуа.

– А он попал в вас.

– Почти попал, потому что царапина не в счет, – поправил своего помощника Гарри. Он выпустил облачко дыма, но не вверх, а в сторону Макса. – А сегодня вы оба, ты и Джоан, злитесь на меня не потому что я плохо стреляю или не умею рисовать. Молодым людям свойственно недолюбливать разумный порядок в делах.

Макс Финчер промолчал. Сидеть на корточках было не очень удобно, и он стал на одно колено. Движение получилось неловким, прут в его руках неуклюже ткнулся в кофейник, покоящийся на трех камнях и тот едва не опрокинул его в огонь.

– Вот дьявольщина, – пробормотал Макс.

Пытаясь спасти кофейник от катастрофы, он обжег руку.

А секундой позже, сунув в рот обожженные пальцы, Макс забыл о пруте и едва не угодил горящим концом в глаз.

– Ты как ребенок, Макс.

– А вы как Бог, да?

Движение возле костра привлекло внимание смуглой девушки в наброшенной на плечи грубой мужской куртке. Она сидела на пороге хижины и что-то рисовала на песке, по-детски прикусив нижнюю губку. Подняв голову, она вопросительно взглянула сначала на Макса Финчера, а потом на Гарри. Макс показал девушке открытую ладонь и сжал ее, оттопырив вверх большой палец. Беспокойство в глазах юной леди исчезло, и она снова склонила голову над рисунком.

– Знаешь, Макс, все-таки логика удивительная штука, потому что именно она создает порядок, – с начальственным спокойствием возобновил диалог Гарри Хепберн. – А умение пользоваться ей отличает человека от обезьяны. Например, ты можешь мне сказать, почему этот чертов пьяница «Святоша» Джо выбрал для своей хижины именно эту горку и именно этот плоский пяточок на ее склоне?

Макс пожал плечами:

– А зачем мне знать, о чем думал покойник?

– Все дело в логике, а не в покойнике, мой друг. Логика дает возможность человеку заглянуть в будущее, а предсказуемость событий дарит ему уверенность в себе. Теперь оглянись по сторонам... – шериф завозился в кресле, встал и ткнул трубкой направо. – Смотри, во-первых, отсю-

да, с этого чертова «пяточка», как из гнезда стервятника, отлично видно дорогу в наш Нью-Ричмонд. Я не сомневаюсь, что «Святоша» частенько сидел именно тут, и посматривал на дорогу. Во-вторых, его самого было отлично видно снизу, и когда Джо спускался вниз, чтобы выпросить пару монет у пассажиров, решивших сделать у развилки пересадку в Финниган или Литл-Сити, он предусмотрительно махал им рукой. Разумеется, это нельзя было бы назвать приветствием, но кое-кто мог неправильно понять намерения нищего пьяницы и схватиться за свой «кольт» если бы Джо выбирался на дорогу без предупреждения.

Макс какое-то время молча и безразлично рассматривал дорогу внизу, мост через Индейский ручей и перекресток дорог за ним.

– Это был довольно скудный бизнес для опытного проходимца.

Трубка шерифа пыхнула жидким дымком.

– Джо приторговывал еще кое-чем...

Гарри Хепберн выбил свою трубку о подлокотник качалки и достал кисет с табаком. Макс вопросительно смотрел на шерифа. Кресло-качалка сделала пару движений вперед-назад и замерла.

– Видишь ли, в чем дело, Макс... Ответ ты знаешь сам, просто ты пренебрегаешь логикой и не обращаешь внимания на местную географию. Если скакать напрямую от хижины Джо в наш добрый Нью-Ричмонд, туда можно попасть зна-

чительно раньше дилижанса. Сколько у нас ушло на дорогу сюда?

– Около часа.

– А дилижанс, огибая гору, плетется больше двух. Теперь понимаешь?

– Пока нет.

Шериф закончил возиться с табаком, спрятал кисет и принялся раскуривать трубку. Табак оказался сырым, Гарри Хепберну пришлось потратить три спички.

– Поясняю для бестолковых. Старый мерзавец Рыжий Айк Деверо ровно в десять утра, каждый день, идет в салун напротив железнодорожного вокзала. Там он прячется за шторой, сосет виски и смотрит на приезжающих в Нью-Ричмонд пассажиров. Как ты думаешь, почему он делает это?

– Наверное, Айк кого-то ждет и не хочет, чтобы его видели. Возможно, Айк ждет врага.

– Правильно. С другой стороны, Айк не может быть сразу в двух местах – в салуне напротив железнодорожного вокзала и на Старой площади, куда прибывают дилижансы. Я уверен, что он смог договориться со «Святошей» и тот присматривал за дорогой не только ради милостыни. Ведь в случае чего «Святоша» мог оказаться в нашем городе раньше пассажира, которого ждет Айк.

– И как бы он увидел его в дилижансе?

– Все очень просто, Макс. Тот человек, которого ждет Айк, может приехать только из Литл-Сити, потому что в Фе-

нигане живет мой неугомонный брат. Но из этого чертова Литл-Сити нет прямого сообщения с нашим городом, и будущему «гостю» Айка волей-неволей пришлось бы сделать там пересадку, – трубка Гарри показала на развилку за мостом. – Короче говоря, «Святоша», мог бы легко предупредить Айка Деверо.

– Но тогда получается, что «Святоша» знал в лицо человека, которого боится Аик?

– Угу... – Гарри глубоко затянулся дымом. – Ты что-нибудь слышал об убийстве доктора Тима Коллинза шесть лет назад?

Макс отрицательно покачал головой.

– Я работаю вашим помощником меньше года, шериф.

Гарри кивнул.

– Да, не мудрено, что не знаешь... Так вот, доктора Коллинза убили на дороге из Фенигана в наш Нью-Ричмонд. Все косвенные улики, как стрелка компаса, указывали на Айка Деверо и его старого друга Длинного Гарриса. Кстати, дело вышло не таким легким, как это казалось в начале этим двум подонкам. Прежде, чем доктор Коллинз расстался с жизнью и с саквояжем набитым золотом, он успел ранить в плечо Длинного Гарриса. Это и сыграло свою роковую роль. Уже позже, переправляясь в брод через Индейский ручей, страдающий от боли Гаррис не заметил, что саквояж отвязался от луки седла и свалился в воду. Аик Деверо не поверил и дружки, после короткой ссоры, схватились за кольты. Гаррис

получил еще одну пулю в плечо, а Айк – в брюхо и раненные бандиты, шипя от бешеной злобы как змеи, расползлись в разные стороны. Какое-то время Айк отлеживался в хижине «Святоши» Джо, а вот куда пропал Гаррис, не знает никто. Разве что это место известно моему неугомонному братцу Чарли, но видимо сегодняшняя «лежка» Длинного Гарриса ему не по зубам.

– А откуда вы знает такие подробности, шериф?

– Ну-у, я все-таки проводил расследование, – самодовольно протянул Гарри Хепберн. – А поскольку убийство произошло между Нью-Ричмондом и Фениганом, проводил его вместе с Чарли. Чарли даже удалось найти свидетеля – местного мальчишку-пастушка. Но мальчишка говорил только об одном человеке, которого он видел на месте убийства и, судя по его описаниям, это был Длинный Гаррис. Чарли приложил немало усилий, чтобы мальчишка припомнил и второго убийцу – Айка Деверо – но мальчишка твердо стоял на своем. Ты неплохо знаешь моего братца, Макс, и можешь себе представить, как расстроился Чарли. Когда Айк Деверо перебрался из Фенигана, где свирепствовал Чарли, в Нью-Ричмонд, мой брат расстроился окончательно и дал слово, что пристрелит Айка руками Длинного Гарриса. Правда, для этого обоих бандитов нужно свести лицом к лицу. А тут возникает другая проблема: Длинный Гаррис всегда побаивался Айка и пока тот жив, маловероятно, что Гаррис появится в нашем городе.

– А зачем ему вообще приезжать сюда?

– Это совсем просто. Гаррис мог бы поискать золото, которое потерял в Индейском ручье. Но такой визит может за просто стоять ему жизни, ведь Айка Деверо никогда не прощает обид. Поэтому у Длинного Гарриса есть повод, чтобы сначала выстрелить в спину Айка, и только потом заняться поисками.

– А вы сами не пробовали найти потерянное золото, шериф?

– Чарли пробовал, но не я, – отмахнулся Гарри. – На Индейском ручье столько же бродов, сколько соломы в стоге сена. А если учесть и те места, где вода касается брюха лошади, то этот чертов ручей – сплошной брод. Честное слово, мой братик Чарли был похож на мокрого водяного, когда шарил вдоль ручья чуть ли не целый месяц.

Гарри победно и часто засопел, что означало, что он вот-вот рассмеется. Сузившиеся до щелочек глаза шерифа блаженно щурились на светлый восход, губы расплывались в наидобродушной улыбке, а щеки, уже ощущающие едва осязаемую теплоту солнца, розовели то ли от его света, то ли от приятнейшего чувства внутри самого Гарри.

Максу надоел разговор с шерифом. Полуобернувшись, он принялся рассматривать склонившееся над рисунком лицо юной девушки. Взгляд Макс тоже посветлел, но, в отличие от взгляда Гарри Хепберна, в нем не было ни капли самодовольства, а кое-кто, возможно, счел бы его едва ли не по-

детски чистым.

Гарри проследил взгляд своего помощника.

– Красивая девочка, ведь, правда, Макс? – с гордостью спросил он.

Тот молча кивнул.

– Вот в этом-то и есть моя главная проблема, – Гарри вздохнул, и его лицо стало серьезным. – Джоан хочет выйти замуж за Фрэнка Дарби, не смотря на то, что я уже дважды показывал ему на дверь, а три месяца назад сделал это уже стволом кольта. К моему огромному сожалению, Макс, когда господь Бог сеет красоту и любовь, он не смотрит себе под ноги.

– Фрэнк Дарби отличный малый.

– Именно малый, а не джентльмен, – презрительно сморщился Гарри. – Фрэнк тачает хорошие сапоги, может за просто швырнуть бродячей собаке кусок солонины, а когда выпьет пива, играет с соседскими детьми в мячик. Я уже несколько раз заставлял Джоан у него на дворе именно за игрой в этот чертов мячик. Я умный человек, Макс, и я отлично понимаю, чем могут закончиться такие игры.

– Поэтому вы снова притащили Джоан с собой?

– А разве упомянутая причина не существенна?

Макс Финчер немного подумал.

– Вы обещали приданное Джоан. Две тысячи долларов – огромные деньги и возможно Фрэнк сумеет расширить свое сапожное дело.

– Ты забыл о куске солонины и склонности Фрэнка к выпивке. У него нет холодной, деловой хватки.

– А у Боба Хинчли она есть?

Шериф вдруг понял, что его трубка погасла. Он тихо ругнулся и достал из кармана спички.

– Да, Боб Хинчли вдовец и явно не красавец... – Гарри почмокал губами, с силой вытягивая дым из трубки. – Кроме того, у него две дочки и они обе очень похожи на свою стервозную мамашу, Царство ей небесное. Но Боб богат и он такой же глухонемой, как моя бедняжка Джоан.

– Когда я смотрю на Джона, я всегда забываю об этом.

– Потому что ты слишком простодушен, Макс. Теперь посуди сам: Боб Хинчли любит Джоан не меньше Фрэнка, и ни что не сближает супругов так, как общий язык или его полное отсутствие...

Шериф замолчал и выпрямился в кресле, рассматривая что-то у подножия горы. На дороге появилась тяжелая, повозка, груженная бревнами. Ее сопровождали четыре всадника, среди которых выделялась высокая и широкоплечая фигура шерифа Фенигана Чарли Хепберна. Последней ехала молодая дама в сером, дорожном платье.

– Прибыли, – коротко и без всякого выражения бросил Гарри Хепберн.

Макс Финчер встал и приложил ладонь козырьком ко лбу.

– Это и есть та самая замечательная леди, о которой вы мне рассказывали, шериф?

– Замечательная!.. – Гарри фыркнул. – Вот мы сейчас и посмотрим, какая она замечательная. Сначала посмотрим, а потом уж решим, стоит ли браться за это рискованное дельце. Интересно, за каким чертом они тащат в свой Фениган эту чертову повозку?

Макс только молча пожал плечами в ответ.

Чарли Хепберн поднял руку, и повозка остановилась. Не опуская руки, Чарли помахал ей и брату. Гарри вяло ответил.

– Вижу, братец, вижу, – буркнул он.

Чарли и один из его парней слезли с лошадей и стали что-то делать с задним колесом телеги. Второй помощник Чарли принялся выпрягать лошадей из упряжи.

Из трубки Гарри Хепберна поднялось густейшее облачко дыма и почти скрыло его лицо с резко обозначившимися морщинами на лбу.

– Мой братик Чарли или его... – Гарри многозначительно хмыкнул, – ... его умная подружка решили преградить дорогу Гейру Кингу не бревном, а телегой, – наконец догадался он. – Но за каким чертом, спрашивается, нужно было тащить эту телегу из Нью-Ричмонда, если Фениган вдвое ближе?

– В Фенигане нет железнодорожной станции, – подсказал Макс Финчер. – Обычно в наших краях бревна возят от железной дороги, а не к ней.

– Ты думаешь, что Гейра Кинга может насторожить факт, в какую сторону повернуты оглобли телеги?

Макс пожал плечами:

– А почему нет, шериф? Эти мерзавцы всегда очень догадливы.

Гарри выпустил очередное облачко дыма.

– И все-таки в Фенигане Чарли не пришлось бы платить за телегу и бревна. Любой с удовольствием одолжил бы ему все за пару долларов и честное слово компенсировать сполна возможные потери.

Между тем Чарли и его помощник сняли левое заднее колесо телеги. Они бросили его тут же у дороги. Макс увидел, как тяжело выпрямлялся шериф Фенигана, держась одной рукой за спину.

– Они выбрали удачное место, – сказал Макс. – Справа довольно крутой подъем в гору, слева густой кустарник, пара деревьев, и крутой скат вниз. Гейру Кингу придется либо убрать телегу с дороги, либо идти дальше пешком.

Гарри пожевал губами чубук трубки:

– А зачем они сняли колесо телеги? Гейр Кинг и его ребята легко поставят его на место.

– Наверное, они хотят подсказать Гейру Кингу причину аварии, шериф. Все выглядит так, будто кто-то вез бревна в Фениган. У телеги отвалилось колесо, и возница не смог приподнять ее задний угол один, чтобы поставить колесо на место. Он выпряг лошадей, чтобы их не украли, и ушел за помощью в Фениган. В общем, все выглядит довольно естественно.

– А смысл?.. У Гейра Кинга будет полно времени, и он...

я не знаю... – Гарри зачем-то огляделся по сторонам. Макс вдруг увидел несвойственную шерифу Нью-Ричмонда беспомощность во взгляде: – Да этот чертов Кинг может попросту спалить эту дурацкую телегу! А пока она будет гореть, Гейр может поджарить на огне пару местных кроликов и выпить пол-ящика виски, потому что его никто никуда не торопит.

Гарри взглянул на своего помощника так, словно искал у него поддержки.

Макс передернул худыми плечами.

– Я не знаю, шериф... Но, возможно, у Гейра Кинга будет не так много времени или у вашего брата и его знакомой есть какой-то хитрый план.

Выпряженные из телеги лошади наконец-то направились в сторону Фенигана под присмотром одного из помощников Чарли Хепберна. Сам шериф, насколько это позволял крутой скат, поднялся вверх поближе к площадке, на которой устроился Гарри.

– Привет, Гарри! – крикнул он и широко улыбнулся.

– Что он там кричит? – спросил Гарри Макса.

– Он здоровается с вами, шериф.

– Снова? – делано удивился Гарри. – Мы, вроде бы, уже помахали друг другу лапками. Ответь ему, Макс, мне неохота драть свое горло.

Макс прокричал ответное приветствие. Оно получилось настолько громким, что Гарри Хепберн почесал в ухе указа-

тельным пальцем.

– Встречайте мисс Абигайль Нортон! – Чарли Хепберн оглянулся и кивнул на незнакомку на лошади. – Я не могу здесь торчать, Гарри, потому что Гейр сразу заподозрит неладное. Кстати, бандитов будет только трое, потому то Зак Китс вчера умер.

– Он споткнулся и упал на фермерские вилы? – все-таки подал свой голос Гарри.

– Почти. Парень посчитал, что мне нечего делать в Литл-Сити и попробовал доказать это.

– А ты?..

– А я как всегда защищал закон, Гарри, пусть и не на своей территории. Но закон есть закон и с ним не стоит шутить даже крутому бандиту, – Чарли Хепберн снова блеснул зубами. – Ладно, до скорой встречи, братец!

Чарли повернул лошадь.

– Мой братик наверняка показал даме дорогу наверх. Но гостью нужно все-таки встретить, Макс, – сказал Гарри. – Заодно проверь наших лошадей внизу. Кстати, что у нас с кофе?

– Уже остыл, шериф.

– Тогда сначала подбрось в костер дров и поставь кофейник. Так и быть, я за ним пригляжу, пока ты будешь шляться внизу.

– Спасибо, шериф, – не без иронии ответил Макс. – А вам будет не тяжело присматривать за кофейником? Ведь вы не

сводите глаз со своей племянницы. Правда, когда вы затягиваетесь дымом и закрываете глаза, вы не спешите открывать их, потому что наверняка видите лицо Чарли Хепберна. Я почему-то уверен, что вам есть, что ему сказать.

– Допустим, с Джоан ты прав, – великодушно поддержал иронию своего помощника Гарри. – Но с чего ты взял, что я воображаю физиономию своего неумемного брата?

– Если я не ошибаюсь, Чарли подарил вам кресло-качалку во время вашей последней встречи?

– Ну, так... И что?

– Я уверен, что это была компенсация... Например, за то, что Чарли все-таки в чем-то убедил вас. Но вы до сих пор не очень-то довольны этим.

– Хватит и заткнись, умник! – поморщился Гарри.

– Вы удивительно похожи на своего брата, когда раскачиваетесь в кресле, – продолжил Макс. – Но только с закрытыми глазами.

– А если с открытыми?

– Тогда вы выглядите не столь уверенно, шериф.

– Или к черту! – окончательно потеряв напускное спокойствие, рявкнул Гарри. – То есть займись наконец делом, говорун.

«Нет-нет, он в чем-то все-таки прав, – чуть позже подумал Гарри, рассматривая худую спину Макса. – Я и в самом деле немного нервничаю. Но меня можно понять, я очень сильно волнуюсь за Джоан. Ох, уж этот мне чертов Чарли!..»

И Гарри скорбно покачал головой.

3.

Приветствуя даму, Гарри Хепберн не стал вставать из кресла-качалки, а только приподнял шляпу. Молодая женщина представилась. Она вела себя довольно непринужденно и даже улыбочиво, но ее улыбка не рождала желания отпустить в ответ какую-нибудь вольную шуточку. За ее несветской простотой в общении скрывалось спокойная уверенность в своих силах.

Макс подал гостье табурету, и поддержал ее под локоть, пока гостья усаживалась на нее. Уже за кружкой горячего кофе молодая женщина с очередной улыбкой простила неловкое движение Макса Финчера, все-таки толкнувшего ее под локоть и со спокойным пониманием отнеслась к всегдашнему многословию шерифа Гарри Хепберна. Оживленное лицо гостьи казалось милым, но все-таки довольно обычным. И только глаза – умные, глубокие и спокойные – существенно отличали ее от всех знакомых Макс и Гарри женщин.

Когда необходимые при встрече незнакомых людей слова закончились, Гарри перешел к делу.

– Мисс Абигайль, Чарли просил меня рассказать вам... то есть, как бы это выразиться получше?.. В общем, дать вам как можно больше информации, – шериф немного помолчал, по-хозяйски обдумывая, какая именно информация мо-

жет пригодиться гостье в предстоящем деле, а какая нет. – Не знаю, чем вам это поможет, но если вы сочтете возможным, а это вполне может случиться... – собственная речь вдруг показалась шерифу слишком витиеватой, и он с силой кашлянул в кулак. – Короче говоря, мисс, вы можете задавать вопросы. У нас примерно четыре часа времени. Дилижанс Гейра Кинга проедет тут не раньше одиннадцати. Надеюсь, за это время я и Макс не успеем вам надоесть.

Макс тут же заявил, что надоесть гостье по-настоящему может только Гарри Хепберн. Женщина снова улыбнулась, при чем так, что это не обидело Гарри. Он тут же ответил Максу длинной саркастической фразой о «молодых дураках» напрочь лишенных умной терпимости к пожилым и разумным джентльменам.

Мисс Абигайль невольно обратила внимание на особенность отношений шерифа и его помощника: если Гарри Хепберн был говорлив и едва ли не театрально благодушен, то Макс Финчер не всегда мог сдержать своей язвительной иронии по поводу разглагольствований Гарри.

Поймав вопросительный взгляд мисс Абигайль, Макс сказал:

– Не удивляйтесь, мисс, – его горькая полуулыбка обнаружила отсутствие пары зубов слева. – Все дело в том, что наш шериф Гарри Хепберн – здешний бог. Не скрою, довольно умный, хотя многие и ставят это под сомнение.

– Одни дураки и ставят, – оборвал Гарри.

Мисс Абилайль перевела взгляд на Гарри Хепберна. Тот раскачивался в кресле-качалке и пускал в небо дымовые облачка.

– Вы – Зевс? – спросила молодая женщина Гарри и в ее зеленых глазах блеснули веселые искорки.

– Ну, допустим, это преувеличение, – великодушно подержал остроту в свой адрес Гарри. – Конечно же, я не бог, а, скорее, местный и вполне демократический божок. Но раньше Макс был пастором, а я – его прихожанином, – Гарри затянулся табачным дымом и выпустил облачко в столбик мошкеры. – Тогда, по вечерам, мы с Максом частенько заглядывали в салун и спорили о вере и Боге. Все кончилось тем, что Макс снял сутану и взял в руки кольт. Он наконец-то понял, что в наших земных делах эта чертова железяка, набитая пулями, уравнивает людей не хуже Господа Бога. Но не нужно считать меня атеистом, мисс. Я верю в нашего Создателя не меньше, чем Макс. Правда, в отличие от него и других, я не придумываю лишнего. И мне глубоко наплевать на те различия, которые существуют между христианами, христианами и мусульманами, и ради которых они тысячи лет резали глотки друг другу. Главное только одно – я искренне признаю, что Бог есть и – слава Богу.

– А церковь? – хмуро спросил Макс.

Гарри Хепберн понимающе хмыкнул.

– Ты опять за свое, недобитый крестonosец? Я уже сто раз говорил тебе, что не вижу ничего плохого в том, что человек

посещает храм, который построили его предки. Но превращать этот визит в подобие некоего таинства со словесными оргиями и воплями «Этого хочет Бог!», а потом устраивать религиозную резню в Иерусалиме или Чикаго просто глупо. Да, Бог – Слово, но именно церковники топят его в своих суетных, человеческих словах, как младенца в купели.

Макс проворчал что-то о том, что религиозной резни в Чикаго никогда не было.

– Ну, так будет, если люди не поумнеют так, как ты, – сказал Гарри, акцентируя смысл фразы на последнем слове и пытаясь утешить своего помощника неким подобием комплимента.

– Вот скажите мне, мисс Абигайль, – после небольшой паузы обратился Гарри к гостье. Он немного помолчал, задумчиво посасывая трубку: – Я вижу цепочку на вашей шее и кончик серебряного крестика. Вне сомнения вы, в отличие от меня, принадлежите к так называемой ортодоксальной церкви. Ответьте мне, пожалуйста, в чем суть молитвы к Богу?

– В каком смысле? – осторожно спросила гостья.

– В прямом и единственном. Разве Бог не знает, что нужно человеку лучше, чем это знает сам человек? Возьмем, например, моего друга Макса...

Макс попытался что-то возразить и даже поднял руку, но Гарри остановил его строгим взглядом.

– О чем может просить Макс? Например, о здоровье. Но

Бог и так наделил его лошадиной выносливостью и ослиным терпением. Макс не умеет болеть больше одного дня и никакая сила не сможет удержать его в кровати...

– .... Вы имеете в виду ту силу, шериф, которая утром сдергивает с меня одеяло и дает два десятка самых разных зданий? – все-таки вставил свой вопрос Макс.

Гарри Хепберн снова не обратил ни малейшего внимания на замечание своего помощника.

– ... Природа умнее Бога, мисс Абигайль. Избыток здоровья так же вреден для человека, как и его отсутствие, потому что излишки человек почти всегда тратит на выпивку, драку и прочую ерунду. Впрочем, можно просить Бога не только о здоровье, а, скажем, об удаче в делах. Но что тогда может получиться? Бог отнимет удачу у одного человека и передаст ему другому. Справедливо ли это? Я думаю, нет. И тогда я снова спрашиваю вас, мисс, в чем смысл молитвы?

– Вы немножко не так все понимаете, – мягко улыбнулась мисс Абигайль.

– Немножко? А как нужно? – делано удивился Гарри. – Хорошо, давайте я задам вам еще один вопрос, так сказать попроще: насколько справедливо Бог разделил мир на богатых и бедных? Как вы думаете?

Молодая женщина пожала плечами:

– Во-первых, я никогда не думала об этом, а, во-вторых, не кажется ли вам, что, вставив в свой вопрос упоминание о Боге, вы невольно уравнили Его с миром?

– Ну, вот уж нет! – горячо повысил голос Гарри. – Я всегда отношусь к этому седовласому, длиннобородому мудрецу на дождевом облачке с должным почтением. Теперь давайте подумаем вместе: если Бог разделил мир на богатых и бедных – а ведь Он это сделал! – то, о какой справедливости может идти речь? Разве вдова Хиншоу в моем городке со своими тремя малолетними детьми чем-то хуже пройдохи Вилли Райта, который может сделать из одного доллара три всего за неделю и после чего бедная вдова Хиншоу станет еще беднее?

– Гарри, твой брат Чарли просил рассказать мисс Абигайл совсем о других вещах, – снова вмешался в монолог шерифа Макс Финчер. – Скоро появится Гейр Кинг.

Гарри азартно отмахнулся.

– А я что делаю, по-твоему? Разве мы с тобой не участники будущей комедии, а, может быть, и драмы в которой весьма вероятно прольется кровь? Убийство – большой грех и нам стоит подумать заранее, как и чем нам может помочь молитва к Создателю. Ну, мисс Абигайл?.. Что вы мне ответите на мой второй вопрос о богатых и бедных? Можно ответить и кратко, потому что Макс все-таки прав и нам пора начинать подготовку к встрече с головорезами Гейра Кинга.

Гостья сделала маленький глоток кофе из закопченной кружки. Макса Финчера удивил контраст между светлой и чистой женской кожей лица и кирпичного цвета кружкой.

«Посуду не вымыл!», – выругал он себя.

– Все очень просто, мистер Хепберн, – неторопливо сказала мисс Абигайль. – Во-первых, о смысле молитвы. Помните, пожалуйста, ведь сегодня утром вы молились. Но вы не только молились, вы очень-очень хотели, чтобы ваша молитва была услышана.

– Я молился?! – изумление Гарри Хепберн было настолько искренним, что он привстал в кресле, и от чего оно чуть было не опрокинулось назад. – О чем?!..

– Не о чем, а о ком. О своей племяннице Джоан. Ведь вы уверены, что девочка сегодня подвергнется большому риску.

Гарри осел, забыв закрыть рот. Кресло пискнуло, качнулось и замерло.

– Теперь о том, как Бог разделил мир, – продолжила мисс Абигайль. – Если вы вчитаетесь в Библию, ну, хотя бы в самом ее начале, то увидите, что Бог действительно разделил свет и тьму, воду и сушу и еще много чего другого. Можно сказать, что наш мир возник из хаоса разделенного Богом на упорядоченные миры. Бог разделяет, но не отдаляет. Он не отдалял одного человека от другого на опасное расстояние и так, что бы они вдруг перестали чувствовать боль друг друга. Бог не отдалял вдову Хиншоу и ее детей от пройдохи Вилли Райта, или вас от вашего помощника или брата. А поэтому ваш вопрос о том, насколько справедливо мир делится на бедных и богатых это вопрос к людям, а не к Богу.

– Я все понял! – не без чувства мстительности к шерифу воскликнул Макс Финчер. – Иными словами, если мерзав-

цу Райту снова удастся обобрать вдову Хиншоу, то где в это время будем мы с тобой, Гарри?

Гарри Хепберн помрачнел лицом и, словно стыдясь этого, тут же укутал его в огромное облачко табачного дыма.

– Ну, допустим, это только слова, мисс... – неуверенно донеслось из облачка.

– Да, это только слова, – легко согласилась молодая женщина. – Но вы спрашивали словами, и ими же я вам ответила.

Макс Финчер с нескрываемым интересом принялся рассматривать гостью.

«А ведь она очень красива, – вдруг догадался он. – Удивительно, как я этого сразу не заметил?»

Макс Финчер всегда побаивался женщин – в этом он трусил признаться даже самому себе – и пошел в католические священники едва ли не только по этой тайной от всех причине. После разрыва с церковью в его жизни вдруг возникла толстуха Хари Монс. За год эта крикливая женщина принесла Максиму куда больше неприятностей, чем местные бандиты, нетрезвые мирные обыватели Нью-Ричмонда и Гарри Хепберн вместе взятые. По ночам, под храп Хари, Макс Финчер частенько тосковал о своей прежней жизни, считая ее чистой и почти святой, и ругал в подушку Гарри Хепберна, посеявшего сомнения в его, как теперь уже казалось Максиму, ранее безгрешной душе. Половая жизнь Макса была похожа на беспробудную пьянку: огромная волна желания вдруг под-

нимала его и бросала на огромный утес, который оказывался крупным женским телом, потом отбегала назад и Макс оставался на берегу, мокрый и опустошенный на смятой постели... Затем наступало утро, толстуха Хари умела прекрасно готовить кофе и куриный суп, Макс торопливо, не глядя на толстуху, ел, нужно было спешить на работу и день превращался в обычную, суетливую круговерть.

«А что если эта красавица и умница знает о моей толстухе Хари Монс?!» – с ужасом подумал Макс.

Он опустил глаза и принялся рассматривать свои башмаки, испачканные красной глиной и покрытые каменной пылью.

«Так тебе и надо! Вот это действительно твое – Хари Монс!– со злостью подумал Макс, изучая оттенки грязи на башмаках. – Ты получил то, что хотел».

– Ладно, теперь нам пора поговорить о предстоящем деле более конкретно, – заговорил Гарри Хепберн. Его голос стал строгим: – И первое, что я хочу вам сказать, мисс Абигайль, что если я увижу, что моей малышке Джоан будет грозить даже не опасность, а только ее тень, я прерву эту вашу... – Гарри поморщился. – Как ее?.. В общем, операцию. Я просто пальну в воздух, а если Гейра Кинга и его ребят это не отвлечет от Джон, пристрелю любого из них.

«Пристрелишь с такого расстояния? – с прежней злостью подумал Макс Финчер. – Да ты в телегу отсюда не попадешь!»

– ... Если же, не смотря на мои старания, ваша операция дурно кончится, вы мне ответите, мисс Абигайль, – продолжал Гарри Хепберн. Его голос становился все более холодным, а под конец монолога стал едва ли не ледяным. – Я гарантирую вам и вашим коллегам огромные неприятности. Поверьте мне на слово, что если на кончике мизинца Джоан появится хоть одна царапина, вам не поможет ни Чарли Хепберн, ни Президент Соединенных Штатов, ни Господь Бог.

Макс Финчер продолжал рассматривать свои ботинки и все больше и больше ненавидел их, себя и Гарри Хепберна.

«Маленький божок готов подглядывать за чужими грехами, чтобы потом покарать за то, на что сам же дал согласие. Покарать, возможно, даже не вставая с этого места. Какой же ты сволочной бог, Гарри!»

– Я согласна с вами, мистер Хепберн, – голос мисс Абигайль не потерял ни своего спокойствия, ни мелодичности. – Но отвечать за неудачу буду только я одна. Ваш брат отпустил наш цирк еще до нашего отъезда сюда.

Гарри Хепберн подавился табачным дымом.

– Отпустил?! – голос шерифа выдал высокую петушиную нотку.

Мисс Абигайль промолчала, понимая, что Гарри нужно перевести дух, чтобы продолжить свое, как ему искренне казалось, законное возмущение.

– За каким чертом отпустил?!

Макс скосил глаза на гостью. Молодая женщина чуть за-

метно передернула плечами. Она смотрела на потухающий огонь костра и ее спокойное, слегка бледное лицо казалось Максу Финчеру удивительно живым и добросердечным.

«А глазищи-то у нее какие огромные!» – вдруг забыв о своей злости, подумал Макс.

Целую минуту Гарри Хепберн сосредоточено сосал трубку. Он сердито сопел и тоже смотрел на огонь. Правда, в глазах шерифа не было ни капли сердечного тепла.

– Что ж, в конце концов, Чарли тоже может ответить свою глупость, хотя он мне и брат, – наконец выдавил из себя шериф. – Интересно, что он рассказал вам о нас с Максом?

– Ничего дурного, мистер Хепберн. Ваш брат очень любит вас и сильно переживает за Джоан.

– Вот даже как? – Гарри многозначительно хмыкнул. – Хотелось бы верить в это!..

4.

Ночь перед отъездом из Литл-Сити Гейр Кинг провел в гостинице «Ночные бабочки» и утром ему приснился кошмарный сон. Гейр преследовал роскошную карету (черт возьми, может быть даже королевскую, судя по ее покрытым позолотой и витиеватой резьбой бокам), набитую женщинами в пышных розовых платьях. От волнения и предвкушения сладкой добычи у Гейра бешено стучало сердце, а во рту было сухо и пусто, как в кошельке нищего. Его лошадь еле-

еле плелась следом за добычей, хотя Гейр что было сил коло-тил шпорами по ее мягким бокам. Из окон кареты то и дело выныривали веселые женские лица с маслянисто блестящи-ми губами и манящие руки, усеянные дорогими кольцами и браслетами.

Гейр здорово вспотел, измываясь над своей клячей, но расстояние между ним и добычей оставалось подозрительно неизменным. В конце концов, бандит соскочил с лошади, на-деясь нагнать карету бегом, и вдруг увидел, что его лошадь – всего лишь чучело на колесной подставке. Странное приспособление было привязано к карете при помощи длинной ве-ревки и сильно смахивало на детскую деревянную лошадку. Карета остановилась, из нее, хлопая крыльями как вороны, вылетели темные фигуры похожие на взлохмаченных ведьм. Гейр вскрикнул от ужаса. Дорога и карета куда-то провали-лись и он остался один в темноте.

Сон кончился... Точнее говоря, Гейр вдруг понял, что он видел всего лишь сон, а не участвовал в настоящей погоне, но явь – грязное окно напротив кровати и замусоренная ком-ната – почему-то не выплывали из темноты. Тонкое, успокаи-вающее состояние между ушедшим сном и еще не явлен-ной реальностью не спешило уходить и растеклось как кап-ля радужного масла на воде. Гейр слабо и благодарно усмех-нулся. Томительная, приятная истома переполняла все его тело, а мысли – мысли еще ни о чем, похожие скорее на их предчувствие – словно превратились в пустые, чистые ста-

каны под ярким солнцем. Они не были заполнены ни водой, ни виски, а только светом. Ощущение тепла и покоя – тепла не от сбившегося на бок одеяла и покоя не от облегчения, что кошмарный сон кончился – а от чего-то другого, несоизмеримо большего и не замаранного привычным, удивило и позабавило Гейра.

«Господи, хорошо-то как!..» – улыбаясь, простонал про себя Гейр.

Ему расхотелось просыпаться и время перестало существовать.

«Ушло, ушло, – пронеслась в голове Гейра неясная и радостная мысль. – Все ушло!»

Но время все-таки вернулось. Гейру вдруг показалось, что он куда-то медленно опускается, его спина коснулось горячий, влажной точки и он, наконец, понял, что лежит на боку. Там, за спиной, сонно всхлипнула женщина и что-то тихо сказала по-испански. Левая лопатка Гейра коснулось ее лица и это потревожило женщину.

Странное состояние полусна исчезло без следа, и Гейр открыл глаза. Он увидел неопрятную комнату, давно не мытое, мутное окно и свою голую ступню, просунувшуюся через гридушку кровати.

– Черт! – громко и сипло сказал Гейр.

Женщина вздрогнула и подняла голову.

– Что? – быстро и испуганно спросила она.

– Ничего и пошла ты куда подальше, – раздраженно сказал

Гейр.

Женщина встала и обошла кровать, чтобы добраться до своих вещей. Она была совсем голой и принялась торопливо одеваться стоя чуть ли не у самого лица Гейра. На этот раз женские прелести не вызвали у него ничего, кроме еще большего чувства раздражения.

– Отойди, дура, – сказал Гейр.

Женщина послушно отошла ближе к двери.

Гейр повернулся на спину, уставился на закопченный свечным салом потолок и стал думать. Он удивился тому, как тяжелы его мысли, словно он отвык, что называется ворочать мозгами, и ни одна из этих мыслей не приносила ни облегчения, ни тени радости, в отличие от тех, которые вдруг прикоснулись к нему сразу после ночного кошмара.

«Дьявольщина какая-то, – вяло выругался Гейр. – И сны дурацкие. Словно из человека в младенца превратился... Белая горячка, что ли начинается?»

Он слегка пошевелился и ощутил всегда волнующую и придающую уверенности силу своего тела. Постепенно к Гейру вернулись запахи, привычные для таких ночлежек, как «Ночные бабочки». Больше всего в этом «букете» Гейру не нравился запах несвежего женского белья. Он поморщился.

– Слышь, ты, – обратился Гейр к мексиканке, не глядя на нее. – Ты помойся, что ли... – он недобро хмыкнул. – А то пахнешь так, словно навозную кучу одеколоном побрызгали.

Женщина на мгновение взглянула в лицо Гейра, и в ее глазах промелькнул бездумный, темный страх.

– Узду надела, попону накинула? – спросил Гейр, сгоняя с лица усмешку. – Вали теперь. С тетушкой Моли я рассчитаюсь сам.

Когда дверь захлопнулась, Гейр расслабился и закрыл глаза.

«Пора сматываться, – медленно, все еще с заметным усилением подумал он. – Бедолага Зак Китс был прав, когда сказал мне вчера на прощание, что Чарли Хепберн что-то затевает. Надеюсь, что в аду тебе выделят не такое жаркое местечко, Зак...»

Последние шесть дней Гейр Кинг провел в Литл-Сити не только потому, что решил расслабиться в компании друзей, двух десятков «ночных бабочек» и такого же количества ящиков с бутылками виски. Гейр Кинг был занят работой всегда, даже когда пил или спал с женщинами. Ему несли деньги со всей округи за рэкет, и его дорожный саквояж постепенно заполнялся тугими пачками долларов. Вчера Гейр получил последнюю плату – от фермеров из Большой Долины – и его дела, в сущности, были закончены.

Смущало только то, что вчера в Литл-Сити заявился Чарли Хепберн в компании пятерых крепких парней. Шериф из соседнего городка затеял ссору с Заком Китсом, явно провоцируя его на выстрел. Китс был слишком пьян, чтобы понять, что к чему и не думая, схватился за револьвер. Гейр

тогда торчал у стойки бара, разборка происходила на улице, возле коновязи и когда прозвучал выстрел, Гейр мгновенно понял, что его дела не так хороши, как казалось ему раньше. Во-первых, никто из обычных людей не решился бы вытащить свой кольт, когда в Литл-Сити были люди Гейра, а, во-вторых, Гейр крепко втолковал своим парням, чтобы они забыли об оружии. Он просто «собирал урожай» и любая пальба могла испортить дело.

Гейр вышел на улицу. Чарли Хепберн был просто великолепен в своем негодовании и уже собрал толпу народа. Первым делом, он заявил Кингу, что у него есть масса свидетелей, что Зак Китс первым схватился за свой кольт. Гейр не стал спорить и присел рядом с умирающим. Именно тогда Зак и успел шепнуть ему те слова про то, что Чарли что-то задумал.

– Будь осторожен, Гейр, – уже совсем тихо добавил он. – Честный Чарли – дурак, его брат Гарри – занудный трус, но на этот раз они не отпустят тебя просто так...

Зак Китс был умным человеком – может быть, самым умным в банде Гейра – и Гейр поверил ему. Он уже и сам не раз слышал, что значок шерифа держится на рубашке Гарри Хепберна только на одной тоненькой ниточке, но предпринять что-то опасное для Гейра он не сможет без помощи своего братца. И уже теперь, когда оба брата наверняка собрались вместе – иначе зачем Чарли соваться в Литл-Сити? – Гейр поверил в будущие неприятности окончательно.

Зак Китс умер через час возле конюшни и рядом с ним оставался только мексиканский мальчик-пастух, да и тот торчал там по приказу Гейра. Когда мальчишка сообщил Гейру ожидаемую новость, тот снова потягивал виски возле стойки бара и косился на Чарли Хепберна и его ребят. Те что-то весело орали за столом в углу, но мало пили, а что особенно любопытно, в их компании была миловидная молодая дамочка. Гейр пару раз поймал ее спокойный и умный взгляд, и ему вдруг стало не по себе. Гейр мог поклясться чем угодно, что она, глядя только в его сторону, видела весь бар целиком, еще отдельно угол комнаты, где сидели его ребята Дакота Энн и Джеб Лесоруб и даже потолок над Гейром, хотя он никак не мог взять в толк, зачем этой красотке разглядывать потолок.

«Зак начал что-то подозревать – он действительно был единственным, кто мог хоть что-то предвидеть в действиях законников – и поэтому Чарли пристрелил его, – понял тогда Гейр. – Кроме того, мне очень не нравится, как смотрит на меня эта красотка в компании Чарли Хепберна. Так не смотрят ни убийцы на свои жертвы, ни бухгалтеры на деньги. Хотя, черт бы меня побрал, я уверен, что она что-то считает. Именно считает, а не соображает, как облапошить мужика, как любая здешняя баба».

Воспоминания о вчерашнем вечере окончательно вернули Гейра к действительности. Он сел и достал из-под кровати саквояж. Саквояж был сделан из прочной свиной кожи, а две

хромированные железные дужки наверху походили на плотно сомкнутые, тонкие и цепкие губы. Гейр погладил сначала стальные, прохладные «губы», а потом теплый, кожаный бок и довольно улыбнулся.

Он купил саквояж пять дней назад, когда увидел, как в банк на Лонг-стрит приехали кассиры из соседнего города. Парней было трое, и каждый держал в руках именно такой дорожный чемоданчик. Потом Гейр заметил какого-то явно столичного пижона с таким же саквояжем усаживающегося в коляску, и почти тут же пожилого джентльмена, только что покинувшего банк на Лонг-стрит. Гейру вдруг показалось, что любой уважающий себя деловой человек должен иметь именно такой дорожный чемоданчик. Ему до жути понравилось сочетание кожи, хромированной стали, и расширяющаяся вниз, похожая на сытое брюхо, форма дорожной сумки. Раньше он почти не обращал на внимание на подобные мелкие вещи, и все чемоданы и баулы, которые попадались ему в качестве добычи, выбрасывал как лишнюю улику. Но любовь к саквояжу – хотя она пришла ниоткуда и непонятно как – вдруг оказалась настолько огромной, что Гейру не пришла в голову еще одна, куда более умная мысль: задуматься о причинах этой нелепой страсти.

Гейр купил саквояж в магазине рядом с банком. К его удивлению, там продавали только подержанные вещи (или слегка подержанные, продавец оправдывался тем, что Литл-Сити не такой уж богатый город), но саквояж, который пред-

ложили ему, был почти новым. На всякий случай Гейр ревниво осмотрел еще пять чемоданчиков, но, в конце концов, был вынужден согласиться с продавцом.

Порывшись в кармане висевших на гридушке штанов, Гейр достал ключ и отпер саквояж. Деньги были на месте. Они лежали грудой – пачка на пачке – и Гейр был готов поклясться могилой своей матери, что вчера они лежали именно так, и никак иначе. Он тронул деньги пальцем, и верхняя пачка слегка сдвинулась с места.

«Послушные сукины дети, – улыбнулся Гейр. – Эти ребята хорошо знают своего хозяина».

Взнос от фермеров из Большой Долины довел выручку Гейра до двадцати тысяч. Сумма казалась ему круглой, ровной для счета и едва ли не совершенной по своей сути.

«Заку Китсу полагалось целых четыреста долларов, – подумал Гейр и поморщился. – Прости, Зак, но твоя доля умерли вместе с тобой. Хотя сами деньги, как ты видишь, целы и лежат в сумке, а не в земле».

Мысли Кинга снова вернулись к возможным неприятностям в дороге и вдруг показались ему досадными до кислинки во рту. Он не без усилия отогнал их.

«Там видно будет, – решил Гейр. – Только Зак Китс любил обдумывать такие вещи заранее, но вчера он получил свою пулю».

Гейр захлопнул саквояж и положил на него большие руки. Пора было вставать, дать пинка стулу, торчащему посре-

ди комнаты и собираться в дорогу. Но то ли не заладилась немного странное утро, то ли в настроении Гейра вдруг появилась какая-то трещинка, его мысли снова и снова возвращались к смутной, витающей в воздухе, угрозе.

Гейр снова вспомнил женское лицо в компании Чарли Хепберна и уже в который раз помянул черта.

«Что тебе далась эта баба?! – рассвирепел он. – Ну, смотрела она на тебя... Ну и что? Разве другие бабы не смотрят? Да, она не танцевала как эти другие, не крутила своей задницей перед посетителями... Но все-таки зачем-то приперлась в Литл-Сити в компании Чарли. Я, и не только я, никогда не видели Чарли в компании с женщинами... Хотя, что мне до этого? Да провались она к дьяволу!»

Гейр резко встал. Он уже шагнул было к стулу, и приготовился пнуть его, как вдруг его остановила другая странная мысль. Точнее говоря, мысль была даже не странной, а совсем уж сумасшедшей, потому что Гейру показалось, что между его утренним странным состоянием после сна и женским лицом, в компании Чарли Хепберна, было что-то неуловимо общее. Гейр замер, стоя перед стулом и выставив вперед левую ногу. Он напряг мозги... Гейр Кинг думал что было силы, морщил лоб, но не мог справиться с загадкой. Как бы он не старался найти ее решение или хотя бы понять ее общий смысл, тут же, как штора, поднималась пугающая темнота. В конце концов, наморщенную на лбу кожу свела судорога усталости.

– А-а-а, сволочь!.. – взревел Гейр.

Он ударил ногой стул. Стул поднялся в воздух, полетел в окно и вырвался наружу в стае блестящих стеклянных осколков.

Тьма рухнула. Гейр налил полстакана виски, залпом выпил его и вытер мокрые губы тыльной стороной ладони.

«Перегулял и перепил, – решил он. – Бывает... И особенно с утра. Но пройдет. Штаны не забудь, – уже с усмешкой посоветовал он сам себе, берясь за грудку одежды. – Дорога не близкая и без штанов будет нелегко».

Едва взяв в руку рубашку, он тут же отбросил ее и снова потянулся к бутылке виски на столе.

– Гейр, что там у тебя? – послышался из-за разбитого окна спокойный голос Дакоты.

Гейр выпил виски.

– Стул, сволочь, под ногу подвернулся, – Гейр смотрел на бутылку виски и думал, не налить ли себе еще.

– А мне показалось, что баба от тебя выпорхнула, – засмеялся Дакота.

– Какая баба?

– Лишняя! Потом гляжу – стул. Голова не болит после вчерашнего?

– Иди к дьяволу!

Гейр соображал, что скажет своим парням, когда они почувствуют от него свежий запах спиртного. Он категорически, в том числе и самому себе, запрещал прикасаться к вис-

ки перед дорогой. Настроение Гейра снова помрачнело.

«Впрочем, ладно, придумаю что-нибудь, – решил он. – Скажу, что эта сучка-мексиканка плохо справлялась со своими обязанностями, и мне пришлось поколотить ее. А когда она разревелась – влить в нее виски. Ну, и самому пришлось выпить... Эти дуры не любят пить в одиночку».

Очередная доза спиртного приятно обожгла рот. Гейр сразу забыл о так и не решенной загадке, разбитом окне и предстоящей дороге. Надевая сапоги, он сердито сопел, ни о чем не думал и злился только на грязь на голенищах...

5.

Пламя жадно лизало сломанную ветку, брошенную в костер Максом Финчером. Одна ее сторона тут же почернела, а на сломе, где ежился десяток изломанных белых игл, тут же вспыхнуло легкое, прозрачное пламя. Макс швырнул в костер еще пару сучьев и хмуро уставился на разгорающийся огонь.

К костру подошла Джоан. Девушка присела на корточки напротив гостыи и посмотрела ей в лицо.

– Здравствуй, Джон, – улыбнулась Абигайл.

На смуглом, с острыми, но приятными чертами лице Джон появилась ответная улыбка и она молча кивнула.

– Вы ей понравились, – коротко взглянув на девушку, буркнул Гарри. – Наверное, Чарли уже рассказал вам, что

моя несчастная Джоан глухонемая от рождения. Ее мать была индианкой, а отцом – мой брат. Говорят, что такие браки иногда случаются в других местах, но только не у нас. Здесь несколько иные правила жизни, мисс Абигайль. Нашим местным ребятам не понравилось, что мой брат Вильям женился на скво, а краснокожим, что их сестра сожительствует с белым. Шаманы тех и других заявили, что девочка родилась глухонемой именно по этой причине. Короче говоря, все кончилось очень дурно, мисс, мой брат и его жена погибли, и я уже пятнадцать лет воспитываю Джоан один.

– Девочка очень красива, но почти незаметно, что ее отец – белый, – сказала Абигайль.

– У Джоан голубые глаза, как у ее отца. Что же касается матери, то она была из племени сибонеев. Но не из тех островных разбойников, которых называют себя таино. Материковые сибонеи были, может быть, были самыми лучшими воинами и разведчиками в мире. Никто лучше них не мог пробраться в лагерь врага, идти по его следу или устроить засаду. Эти уникальные задатки перешли к моей малышке от матери. Когда Джоан было всего шесть лет, она увидела, как мальчишка в соседнем доме мучает кошку. Маленький мерзавец словно специально решил подразнить Джоан. – Делая многозначительную паузу, Гарри выпустил из трубки густейшее облачко дыма. – Ночью Джоан пробралась в спальню мальчишки и забрала кошку. Она сделала все тихо и ловко, как настоящий воин-сибоней. Перед уходом Джоан по-

весила штаны мучителя на свечную люстру, а когда утром он попытался снять их, люстра упала, и матери мальчишки пришлось выдирать расческой свечной воск из волос своего непутевого чада. Короче говоря, получился скандал... – губы Гарри растянула широкая улыбка. – Но иногда мне нравятся скандалы. Особенно когда приходится защищать маленьких девочек и котят. Макс, ты помнишь, чем это все кончилось?

– Разумеется, стрельбой, Гарри.

– Поправлю: совсем маленькой стрельбой. Отец мальчишки вздумал грозить мне револьвером за проникновение девочки-полукровки в свой дом. Но у него не было никаких улик кроме порванных штанов, сломанной люстры и расчески перемазанной воском. Макс Финчер был тогда еще преподобным пастором. Присутствуя при нашей ссоре, он взывал к миру!... – Гарри явно повеселел. – Мне пришлось пару раз пальнуть в воздух, чтобы кое-кто вспомнил, что, во-первых, мир – хрупкая штука, а, во-вторых, тот, кто протянет хотя бы палец к крошке Джоан, может запросто лишиться всей пятерни. А преподобный отец Макс в это время...

– Дрова кончаются, – резко оборвал шерифа Макс.

– А нужен ли нам костер, Макс? Ночь уже кончилась, и никто из нас не хочет кофе, – кресло-качалка жалобно скрипнула и сделала пару движений вперед-назад. – Впрочем, ты можешь сходить за хижину Джо и покрошить томагавком пару сухих яблонь.

Мисс Абигайль показала какой-то знак на пальцах Джоан. Та быстро ответила ей другим знаком. Абигайль улыбнулась девушке и «сказала» ей еще что-то. Та засмеялась в ответ.

– Вы знаете язык глухонемых, мисс? – без особого удивления поинтересовался Гарри.

– Да, немного.

– У вас был глухонемой родственник?

– Не совсем. Это был соседский мальчик...

– И вы выучили язык жестов ради него?

Абигайль молча кивнула.

«Все!.. – с тоскливой нотки подумал Макс. – Даже идиоту понятно, что наша гостья не хочет говорить на эту тему. Но сейчас наш добродушнейший Гарри, в который раз начнет рассказывать о том, как трудно будет жить глухонемой девочке, если он, Гарри Хепберн, не устроит судьбу бедняжки».

Макс встал и направился за хижину «Святоши» Джо. Он вернулся через четверть часа, таща на спине огромную вязанку дров. Благодатный пот заливал глаза помощника-труженика, в то время как его начальник беседовал с красивой, молодой женщиной. Но к удивлению Макса Гарри Хепберн порядком подрастерял свое спокойствие и говорил резким, учительским голосом.

– ... Разумное терпение, мисс Абигайль, это и есть самая величайшая добродетель в нашем сумасшедшем мире. Я утверждал это всегда и даже если меня вдруг потащат на

виселицу именно за грех терпения, я посоветую его и своему палачу.

– Так все-таки что же важнее, терпение, о котором вы сейчас говорите, вера в Бога, которая для вас не совместима с разумом или человеческий разум? – спросила молодая женщина.

Очевидно, спор начался сразу ухода Макса и он не понял, о чем именно идет разговор сейчас. Макс подкинул дров в угасавший костер, извинился у гостыи за гору дыма и надолго припал к фляжке с водой.

– Разум! – Гарри Хепберн торжественно поднял над головой свою трубку и потряс ей как древком флага. – Именно человеческий разум, мисс Абигайль, я ставлю выше всего. Только он рождает терпение, а затем и разумную веру в нашего Создателя.

«Сейчас Гарри скажет, что человек немислим без разума, а обезьяна – это человек без мозгов», – усмехнулся Макс.

Но Гарри Хепберн заговорил о фермерах из Большой Долины.

– Как я уже говорил вам, мисс Абигайль, возле нашего городка, в Большой Долине, живут две сотни семей занимающихся скотоводством. Некоторые из них не так давно приехали с Северо-востока, а большинство еще пару лет назад рыли уголь где-нибудь в европейском Сааре. Что ж, будем считать, что им повезло. Это хорошие, трудолюбивые ребята. Труд делает человека сильным как бык, но быку, как из-

вестно, трудно противостоять волкам. Короче говоря, мисс Абигайль, суть моей сегодняшней проблемы, как шерифа, заключается в том, чтобы уберечь миролюбивых ребят от банды Гейра Кинга. Казалось бы, две сотни взрослых мужчин смогли и сами постоять за себя, тем более что в банде Кинга всего тридцать головорезов. Но ребята из Долины хорошо пасут коров и плохо стреляют. Я абсолютно уверен в том, что если фермеры откажутся платить дань Кингу, он тут же, для острастки, пристрелит десяток работяг. Конечно же, у них есть друзья, а в семье каждого подрастают мальчишки. Начнется война и в ней полягут еще три, а может быть и все четыре десятка человек. В том числе и мальчишки пятнадцати-семнадцати лет. Вам понятно чего я боюсь, мисс Абигайль и что я боюсь не за себя? Впрочем, Чарли уже рассказывал вам все, но, насколько я понимаю, я тоже должен высказать вам свою точку зрения.

Молодая женщина кивнула.

– А если вы вызовете на подмогу солдат? – осторожно спросила она. – Я уверена, что они легко справятся с бандой.

– Допустим, я так и сделаю. Но что получится в итоге? В соседнем штате есть банда поменьше – Кривого Бена. Как только наша брава солдатня перестреляет мерзавцев Кинга, Бен тотчас явится на его место. И я не уверен, что так будет лучше, потому что парни Кинга не трогают женщин и молодых девушек. И еще... – Гарри почмокал губами, высасывая дым из трубки. – Понимаете в чем дело, мисс, я уже

не раз слышал от людей побывавших в тюрьме, что если заключенный не сможет постоять за себя сам, ему не поможет его друг, каким бы авторитетом среди заключенных тот не обладал... Кстати говоря, мисс, вы меня слушаете?

– Разумеется, да, – мгновенно ответила Абигайль.

Джоан плела венок. Ее быстрые пальцы ловко перебирали стебельки цветов, в то время как пальцы мисс Абигайль быстро «рассказывали» ей о чем-то. Девочка не смотрела на свое вязание, выполняя его автоматически, и сосредоточила все свое внимание на «вязании» мисс Абигайль.

Макс взял прутик и дотронулся до руки Джоан. Та чуть вздрогнула и подняла глаза. Пальцы Абигайль на секунду замерли.

– Я ничего... Я – так... – виноватым шепотом сказал Макс. – Вы говорите, говорите.

Он подпер щеку ладонью и со скучающим видом уставился на шерифа.

– ... Но выход есть! – продолжал между тем свою речь Гарри Хепберн. – Этот выход – в разумном терпении. Пройдет лет пять-шесть, фермеры станут настоящими ковбоями, научатся толком палить из своих ружей, а их мальчишки подрастут. Гейр Кинг может подчинить две сотни необученных военному ремеслу мужчин, но когда их станет шестьсот, Гейр Кинг умрет.

– А время, Гарри? – спросил Макс.

– Какое время?

– То, о котором вы говорите – пять-шесть лет. За это время мальчишки научатся бояться, а их отцы – гнуть шею перед бандитами.

– Не научатся, – лицо шерифа стало твердым. – Я не позволю.

– А почему, допустим, должно пройти пять лет, а не семь или даже десять? – Макс нервно передернул плечами. – И, кстати говоря, как можно научить человека побеждать свой страх, если он вынужден постоянно гнуться перед мерзавцами?

– Ты глуп, Макс. Человека не сложно сделать смелым, если он знает, за что он рискует жизнью.

– За десять долларов, которые ему вдруг не захочется отдавать Гейру Кингу?

– За свободу, Макс.

Мисс Абигайл на секунду прервала свой бессловесный монолог с Джоан и взглянула на шерифа. В этом взгляде было что-то недоуменное, учительское и растерянное, а когда молодая женщина перевела глаза на Макса, тот вдруг подмигнул ей в ответ.

– Все так, Гарри, – Макс притворно вздохнул. – Быть рабом среди людей, мягко говоря, не совсем здорово. Но, говоря о свободе, вы забыли про одного человека.

– Про кого же?

– Про самого себя, шериф. Вы – да и я вместе с вами – выбрали себе уютное и тихое место над схваткой. Мол, вре-

мя все расставит по своим местам. Но разве мы с вами и в самом деле местные боги, а не обычные люди? Вы наверняка уже вычитали в книжках, что самая трудная победа – победа человека над самим собой или, хотя бы, над обстоятельствами, которые часто окружают нас, как сеть. А как мы будем бороться с собой, шериф, если мы, по сути, вне игры?

– Такие рассуждения слишком часто становятся оправданиями для слабаков, – уверенно возразил шериф. – Что значит победа над собой и кто будет судьей в этой схватке, Макс? А что значат как какие-то там обстоятельства, если человек – не мямля, а именно человек – должен, просто-таки обязан, преодолевать их. И в первую очередь внешние обстоятельства, а не какие-то там придуманные им самим внутренние. – Шериф перевел взгляд на мисс Абигайль. – Совсем недавно я говорил вам о том, что не понимаю смысла молитвы, и вы, мисс, ловко поймали меня на том, что утром я все-таки молился. Bravo, мисс Абигайль! Вы нашли во меня те, так называемые, внутренние обстоятельства, о которых только что упомянул Макс. Но давайте рассмотрим, что за чувства заставили меня сделать это...

– Не чувства, а обстоятельства, – напомнила Абигайль.

– К черту обстоятельства, я не боюсь никаких обстоятельств! – взревел Гари Хепберн. – А если у меня возникают какие-то проблемы с этими чертовыми обстоятельствами, я вынимаю свой кольт. Теперь что касается моей утренней молитвы, о которой я благополучно забыл. Я просто бо-

ялся, понимаете?.. – Гарри Хепберн на секунду замер, словно признание в слабости поразило и его самого. – Да, я просто боялся, но опять-таки боялся не за себя, а за Джоан. Чарли постарался убедить меня, что в предстоящем деле с Гейром Кингом нет никакого риска для девочки, но Джоан все-таки только ребенок. Может быть, очень ловкий, очень смелый, но не совсем умный. Теперь ответьте мне, что такого унижительного в том, что я трусил за Джоан и просил за нее у Господа Бога, в которого искренне верю?

Макс перебирал тонкие ветви сухой яблони, с каким-то особым вниманием рассматривая их. Он с треском сломал пару веток и бросил их в костер.

Шериф внимательно смотрел на лицо Абигайль Нортон.

– Ну?.. – строго и уже с добродушной улыбкой спросил он. – Что же вы скажете, мисс Абигайль?

Молодая женщина чуть наклонила голову и потерла пальцем висок.

– Понимаете, в чем дело... – медленно начала она. Заметив, что Джоан внимательно смотрит на ее губы, пытаюсь уловить смысл сказанного, Абигайль высоко подняла голову: – Знаете, какая разница между вами и вашим помощником, мистер Хепберн?

– Не сомневаюсь, что эта разница есть, – кивнул шериф. – Но при чем тут какая-то разница между мной и Максом, если мы говорим о человеке вообще, об его свободе, трусости и об отношении к неким внутренним и внешним обстоятель-

ствам?

– Притом, что все люди разные, – на лице мисс Абигайль вдруг появилась тень грусти. – Заметьте, мистер Хепберн, я не говорю, что люди бывают плохими и хорошими, я говорю о том, что они разные. Сейчас я задам один вопрос вам и вашему помощнику Максусу, и вы многое поймете.

Шериф дернул плечом.

– Ну, задавайте...

Абигайль какое-то время молчала, глядя на свежие веточки в костре, которые бодро лизало пламя.

– Как вы думаете, мистер Хепберн, если бы все люди верили в Бога, так, как верите вы сами, это было бы хорошо или нет?

Гарри Хепберн выслушал вопрос с философским спокойствием.

– Да, – немного подумав и пыхнув табачным дымом из трубки, сказал он. – Я не сомневаюсь, что это было бы хорошо. Человеку не стоит забывать ни о своем разуме, ни о науке, ни о вере в Бога.

Абигайль посмотрела на Макса Финчера.

– А как думаете вы, Макс?

Очевидно, помощник шерифа успел подумать над вопросом и резко замотал головой:

– Нет! Пусть люди верят, но только не так как я.

– Перестань корчить из себя обиженного Иуду, – поморщился шериф. – Ты нормальный человек, Гарри, и ты за-

нимаешься полезным делом. Кстати, мисс Абигайл, что вы хотели сказать... нет, точнее, прояснить своим непонятным вопросом?

– Я хотела только подтвердить вашими ответами то, что люди разные, – молодая женщина улыбнулась. – И вы сейчас вы в этом убедились. Дело не в том, чего и почему боится человек, чего он хочет или к чему стремится. Очень часто человеческие желания зависят от обстоятельств, череды причин и следствий. А вот не зависеть от них умеет далеко не каждый...

Гарри заулыбался:

– Мудрено говорите, мисс... Но я не верю, что человек может постоянно быть выше обстоятельств. Подняться над ними, например, как подняться на высокую гору, человек может и должен. Человек обязан победить своего врага, построить железную дорогу и... я не знаю... ну, например, одержать победу на выборах и пройти в Сенат. Но не на небе же мы с вами живем, – Гарри жадно затянулся табачным дымом. – Например, я хочу счастья Джоан и сделаю все для того, чтобы ей не пришлось жалеть через год или два, что она вышла замуж за городского дурачка. Я хочу создать те обстоятельства, которые самой Джоан не нужно будет преодолевать каждый день – нищету и пьянство дурака-мужа. Надеюсь, вы понимаете меня? Возможно, я и совершу какой-то грех, поднимаясь на эту крутую «гору», но его совершу только я, а не Джоан. Вот почему я верю в человеческий разум

и терпение. Не только преодолевать обстоятельства, а создавать свои, новые и быть свободным, вот это и есть удел по-настоящему сильного человека. Я не думаю, что моей племяннице нравится мое решение относительно ее замужества, но я старше и умнее ее. Чтобы вы меня лучше поняли, я спрошу вас, а что такое человек, мисс? Только обезьяна с мозгами. Но именно этот мозг, а точнее говоря, разум первопричина всего!..

Гарри заговорил быстрее, потом еще быстрее и его взволнованная речь вдруг стала маловразумительной.

«Это с ним бывает, когда он слишком волнуется, – подумал Макс. – И это единственное, чего Гарри стыдится потом. Мол, опять в эмпиреи улетел... Впрочем, стыдится он только по одной причине – что его разглагольствования слышали другие. А если молчком и только в мыслях – это можно».

Мисс Абигайль, казалось, перестала обращать внимание на пылкую речь Гарри. Она порылась в дорожном саквояже и вытащила толстую тетрадку. Словно возникнув из воздуха, в ее руке появился карандаш.

Гарри мгновенно замолчал и удивленно захлопал глазами.

– Будете записывать за Гарри? – улыбнулся Макс.

– Нет, я только хочу написать письмо одному моему знакомому, – легко ответила на улыбку мисс Абигайль. – Надеюсь, в вашем городе есть почта?

– Почта есть в любом городе, мисс, – Гарри Хепберн подавил вздох облегчения. Он понял, что слишком увлекся раз-

говором, и, чтобы сменить тему, принялся выразительно, подавшись всем телом вперед, разглядывать саквояж гости. – Где вы купили эту забавную вещицу, мисс? Никогда не видел таких штук в наших местах.

– В Лилт-Сити. Там много таких.

– Разве? Надо бы заехать туда и...

– Через полтора часа Гейр Кинг будет здесь, – ни на кого не глядя, перебил шерифа Макс Финчер.

– Я напишу письмо за пять минут, Макс, – сказала Аби-гайль. – А потом вы возьмете лопату и поможете мне выкопать пару неглубоких ямок.

– На дороге внизу? – Макс кивнул головой вниз, под гору. Абигайль кивнула:

– Мистер Чарли Хепберн уже помог мне все устроить, но все-таки нужно поправить некоторые мелочи.

– Да уж, вы постарайтесь, – чуть помрачнел Гарри Хепберн. – Слова – словами, но я вас честно предупредил, что не допущу даже тени риска для Джоан.

Мисс Абигайль заполняла страницу мелким красивым подчерком. Джоан пересела и теперь смотрела на письмо через плечо молодой женщины. Судя по ее лицу, она была готова прыснуть от смеха. Макс Финчер закончив ломать сучья, отряхивал обшлаг штанины. Гарри курил и рассматривал уже совсем светлые, невесомые облака.

«Черт бы меня побрал, – с досадой подумал Гарри, – надо же, как она меня завела, а?!.. Умна, ничего не скажешь.

Наштупать слабинку в характере Гарри Хепберна не каждый сможет».

Гарри мельком взглянул на потупленное лицо Абигаиль.

«Да, любопытная, в умственном отношении дамочка, ничего не скажешь. Ведь даже я, Гарри Хепберн, почему-то уверен, что с ее «спектаклем» все будет хорошо. У этой заезжей красотки слишком умные и спокойные глаза, чтобы Гейр Кинг вот так, запросто, смог проскользнуть мимо нее. Кстати, она же в цирке работает... А там можно научиться многим забавным трюкам и фокусам».

Гарри вспомнил об обещании мисс Абигаиль, что в кульминационный момент Гейр Кинг и его люди не только не смогут приблизиться к Джоан ближе, чем на тридцать шагов, но и не будут смотреть в ее сторону.

«Вот он, главный фокус! – решил Гарри. – Интересно, как это все она собирается устроить?»

Гарри напряг свое воображение, но у него вдруг сильно защекотало в носу, и он чхнул.

– То, о чем вы сейчас думали, правда, Гарри, – засмеялся Макс.

Мисс Абигаиль закончила писать свое коротенькое письмо, вложила его в конверт, и, тоже улыбаясь, взглянула на шерифа.

– Я думаю, Макс угадал, шериф, – подтвердила она.

– А откуда вы знаете, о чем я думал? – проворчал Гарри.

– Вы думали о том, как я собираюсь провернуть «фокус»

на дороге, – ответила мисс Абигайль. – Но вы ошиблись. Никакого фокуса, как такового, не будет.

– Что, совсем не будет? – не без сарказма поинтересовался шериф.

– Точнее говоря, почти. И даже если сейчас мы трое – я, вы и мистер Макс Финчер – уйдем отсюда, Джоан сможет спокойно забрать деньги у бандитов.

Гарри открыл было рот, но не нашелся, что сказать.

– Тогда это не фокус, а простое колдовство, – серьезно сказал Макс.

– Нет, это простой расчет, основанный на отвлечении внимания и естественном поведении человека, – мисс Абигайль встала и взяла саквояж. – Идемте на дорогу, Макс, и захватите лопату. Обстоятельства, с которыми скоро столкнется Гейр Кинг, должны выглядеть естественно.

«А если любой человек – то есть вообще любой человек из нас – в сущности, маленький бог?», – вдруг подумал Гарри Хепберн, рассматривая спину своего помощника и дорожное платье мисс Абигайль. Мысль пришла ниоткуда и показалась шерифу странной и даже нелепой. Мысль тут же продолжилась, и Гарри подумал, что если есть маленький бог, о должен быть и Большой.

«А тогда что же делать со всеми этими обстоятельствами, о которых я тут только что плел?.. И что значат какие-то там обстоятельства, если Большой Бог просто – очень просто и очень искренне – любит маленького?»

Мысль была настолько неожиданной и необычной, что прежде чем спохватиться, Гарри успел подумать даже о Джоан и ее дружке-сапожнике.

«А может быть...»

«При чем тут это?! – резко оборвал Гарри противоположную для себя мысль. – Тебя что, опять занесло в эти чертовы эмпиреи, да?!»

Когда Абилай Нортон и Макс Финчер, уже взявший у нее саквояж, скрылись за желтоватой скалой, Гарри выругал себя за глупость, хотя так и не понял за какую именно. Потом он вдруг принялся читать молитву «Отче Наш», но тут же снова чертыхнулся и зачем-то обозвал мисс Абилай Нортон заносчивой актеркой.

Джоан положила руки на согнутые колени, оперлась на них подбородком и смотрела на угли костра. Гарри какое-то время наблюдал за задумчивым, вдруг ставшим неподвижным и серьезным, лицом племянницы и так и не решился расспросить ее о том, о чем говорила ей Абилай Нортон и что именно она писала в своем письме.

«Почему эта фокусница решила написать письмо именно тут, а не, допустим, на вокзале в Нью-Ричмонде за удобным столом? – собственные, казалось бы, вполне обычные мысли уже порядком начинали раздражать Гарри, и он сердито запыхтел трубкой. – Господи, да я зол, как сто чертей! – тут же признался себе он. – Наверное, это от неопределенности и – будь честен с собой, Гарри – опять-таки из-за страха. Ты си-

дишь без дела, чего-то ждешь и не представляешь, что будет дальше, потому что это «дальше» уже не зависит от тебя. Как она сказала?.. Мол, даже если мы трое уйдем отсюда, Джоан сможет взять деньги у Кинга. Ну, ничего себе, заявка!..».

Гарри полез в карман за кисетом и новой порцией табака. Джоан уловила краешком глаза легкое движение и подняла глаза. Спокойный и чистый взгляд девушки успокоил Гарри. Его сомнения и страхи отшатнулись в сторону, как дым от прикосновения ветра и там, за дымом, неожиданно блеснуло яркое, новорожденное солнышко.

Мысли Гарри вернулись к загадочному письму мисс Аби-гайль.

«Но как ты расспросишь Джоан, если не знаешь языка глухонемых? – не без нотки горечи подумал шериф. – Ведь ты так и не выучил эти идиотские пассы пальцами...»

Гарри действительно не знал языка глухонемых, потому что он был единственным человеком в городе, понимающим Джоан по выражению глаз и лица. Гарри мог даже спорить с племянницей, они оба очень тонко чувствовали нить этого спора и оба не удивлялись этому. Их частые разговоры, когда слышался только громкий, возмущенный голос Гарри, забавляли в городе многих людей, а кое-кто при этом и вертел пальцем у виска. Чарли Хепберн, не раз становившийся свидетелем таких словесных баталий дяди и племянницы, как-то сказал:

– Безусловно, Гарри хочет быть умным как сам черт, но

ему мешает его ангел-хранитель, которого, впрочем, сам Гарри откровенно недолюбливает.

Это была единственная критическая фраза, которую прилюдно высказал Чарли Хепберн о своем брате за много-много лет. И не исключено, что он пожалел о том, что произнес ее вслух. Дело в том, что набивая трубку, Гарри снова принялся читать «Отче Наш». Его «слышала» только Джоан, легко понимая едва заметные движения губ Гарри Хепберна.

6.

Всех трех фермеров из Большой Долины, на этот раз взявшихся сопровождать Гейра Кинга, звали Джоанами. Самый высокий из них Джон Вестон, был высок, худ, угрюм и немногословен; Джон Габби по прозвищу «Убери курицу» не был ни высоким, ни худым, ни угрюмым, но к словам (как своим, так и чужим) относился не менее критично, чем Длинный Джон. И только Джон Грег – неунывающий толстяк – любил поболтать, а за неимением собеседников (путешествие с Гейром Кингом здорово укоротило бы язык любого болтуна) часто объяснялся с лошадьми. Но на этот раз общение Джона Грега с одной из уже запряженных лошадей прервал пинок Гейра Кинга.

Грег резко оглянулся и, столкнувшись с мрачным взглядом главаря бандитов, виновато улыбнулся.

– Уговариваешь кобылу выйти за тебя замуж? – без вся-

кого выражения спросил Гейр.

Дакота Энн, стоявший слева от Гейра, захохотал. Улыбнулся даже верзила Джеб Лесоруб, отчего его лицо вытянулось и стало похоже на лошадиную морду.

«Не за себя, а за Джеба», – чуть было не ляпнул Джон Грег, но вовремя спохватился. Он почесал пятерней ушибленное место пониже поясницы и открыл дверцу дилижанса.

– Прошу вас, сэр, – как можно более вежливо пригласил бандита Грег.

Дилижанс был небольшим, всего лишь шестиместным, но за счет этого предоставлял путешественникам какие-то удобства. Пол устилал ковер, две скамьи были обиты кожей, а на них валялись мягкие шерстяные подушки. Если человек сидел на скамье один, при желании он мог лечь и даже вытянуть ноги, хотя и не на полную длину. Сверху, в потолок был врезан небольшой люк на случай слишком жаркой погоды, а, стекла в дверцах скользили вверх-вниз по узким щелям, при случае усиливая приток свежего воздуха.

Гейр тяжело опустился на скамью и тут же уставился в окно. Дакота и Джеб сели напротив.

– Ты что-то уж слишком хмур сегодня, Гейр, – заметил Дакота.

– А чему мне радоваться? – огрызнулся Гейр.

– Как чему? – удивился Дакота. – Дела окончены и мы уезжаем. Кроме того, мы здорово повеселились здесь, в Литл-Сити.

Гейр исподлобья взглянул на туповатого Дакоту и перевел взгляд на Джеба Лесоруба. Серо-желтое лицо гиганта, темные, почти черные круги под его глазами, и отекающая, словно налитая водой шея, делали его похожим на гоблина из жуткой сказки.

«Джеба убьет не пуля, он сам сдохнет меньше чем через полгода где-нибудь в таком же Литл-Сити, – подумал Гейр. – Может быть, он всегда так зол, потому что понимает, что смертельно болен и скоро его финиш?»

– Сначала нужно добраться до дома, а уже потом радоваться, – с кривой усмешкой ответил Гейр Дакоте. – Откровенно говоря, мне не дают покоя вчерашние последние слова нашего покойного друга Зака.

На лице Джеба Лесоруба появилось что-то болезненное, словно у него заныл зуб, а Дакота нервно заерзал на месте.

– Какого черта, босс? – возмутился Дакота. – Говорят, что умирающим мерещатся ангелы, черти и прочая хрень, ведь у них скисают мозги. Зак и ляпнул-то тебе эти слова только от зависти. Он, мол, отдает дьяволу душу, а его друзья еще здорово погодят. Что нам сделает этот дурак Гарри Хепберн и бывший поп?

– Ты забыл о братце Гарри.

– Согласен, Чарли поумнее, – кивнул Дакота. – Но шериф Нью-Ричмонда все-таки «Заумный» Гарри Хепберн, а не Честный Чарли.

– Чарли иногда любит вмешиваться в чужие дела, – подал

свой хриплый голос Джеб. – Я соглашусь с Гейром, что наша дорога на этот раз может оказаться не такой простой.

Дакота заморгал выпученными, лягушачьими глазами, не зная, что возразить.

«Покойник заговорил!» – Гейр смерил холодным взглядом Лесоруба

– И что ты думаешь по этому поводу, Джеб?

– Гарри Хепберн вряд ли начнет стрелять, а попытается придумать какую-нибудь гадость. Ну, что-то типа поваленного на дорогу бревна или неизвестно откуда взявшейся ямы. Он попытается выманить нас из дилижанса, а потом отнять деньги... – Джеб не договорил и хрипло закашлялся. В его выпуклой, широченной груди словно перекатывались наполненные кипящей жидкостью, дырявые пузыри.

Дилижанс резко тронулся с места. Послышался резкий голос Джона Грега, выкрикнувшего что-то не совсем приличное и проходящей мимо даме. От рывка дилижанса голова Джеба Лесоруба запрокинулась и ударилась о стену. Он вяло поднял руку и, морщась, потрогал затылок. Дакота улыбнулся, но тут же отвернулся в сторону, пытаясь скрыть улыбку, сулящую неприятности.

Гейр заметил движение Дакоты.

«Пожалуй, Джеб и трех месяцев не протянет, – решил он. – Дакота не такой уж дурак. Не знаю, как там с Гарри Хепберном, а вот с Лесорубом нужно быть осторожным, как с подыхающей змеей».

Не опуская руки, Джеб осторожно вернул голову в прежнее положение. Его лицо побледнело, а на скулах выступили красновато-синюшные пятна.

Джон Грег щелкал кнутом так, словно палил в воздух и дилижанс прибавил ходу.

Разговор не клеился. Дакоте надоело думать, и он устался в окно, Джеб устало закрыл глаза, а Гейр вдруг вспомнил странное утреннее состояние между сном и явью.

«Окликнули... Господи! Меня же тогда окликнули по имени! – вдруг припомнил он. – Я спал... спал и именно поэтому проснулся».

Гейр наморщил лоб, силясь припомнить подробности. Но их не было... Туманные воспоминания о странных секундах (или минутах?) между сном и явью словно приблизились к Гейру, но это был только туман – неосязаемый и неощутимый.

«Нет, все-таки окликнули и именно по имени! – Гейр потер лоб и удивился тому, как легко собирается в складки кожа. – Меня называли Гейр... Только Гейр. А потом...»

Рука Гейра наткнулась на нос. Он с силой потер и его, нос стал горячим. Желание вспомнить все, что случилось с ним утром, вдруг превратилось в жажду.

«Вот только в башке один туман... Туман. Влага... Вода... Пить хочется», – промелькнуло в голове Гейра.

Он потянулся к фляге с водой, висевшей на поясе, но вдруг понял, что не хочет пить. Мучившая его жажда была

какой-то другой. Она была реальной, как ключ в руках, но этот ключ не имел ни малейшего смысла, потому что не было замочной скважины, в которую его можно было вставить.

Гейру показалось, что от напряжения у него стала пухнуть голова. Он ощупал лоб, потом затылок и виски. Кожа была чуть влажной, а размеры головы вполне нормальными.

«А ключ от настоящего саквояжа я не забыл?!» – вдруг испугался Гейр.

Он рывком сунул руку в карман. Ключ был на месте. Гейр тут же забыл о нем и стал думать, не напоминал ли ему тот, утренний голос чей-либо другой, знакомый голос, но не смог вспомнить не то что оттенков того странного голоса, а даже сказать, кому бы он мог принадлежать – мужчине или женщине.

«Чушь!.. Бред! – начал злиться Гейр. – Может быть, это дура-мексиканка окликнула меня спросонья?»

Гейр тут же вспомнил, что, во-первых, ни одна «ночная бабочка» не разговаривает во сне, а, во-вторых, та, что была с ним, вряд ли знала его имя. Его называли Кингом, мистером Кингом и почти никогда иначе.

Джеб Лесоруб открыл глаза. Он насмешливо осмотрел Гейра с ног до головы и спросил:

– Потерял, что-нибудь?

Гейр в сердцах чуть было не ответил, что да, потерял, но вовремя спохватился.

– Все нормально, Джеб. Не переживай за меня.

– Пусть за тебя переживает твоя покойная мама. Что ты ерзаешь, так, словно сидишь на еже?

Гейр отвел взгляд в сторону.

– Башка трещит после вчерашнего.

Желтые глаза Джеба превратились в узкие монгольские щелочки.

– Спросить тебя хотел, когда Чарли Хепберн потащил вчера из кабака на улицу Зака Китса, ты видел это?

– Нет. Я стоял у бара, спиной к двери и болтал с Молли. Дакота подтвердит, он околачивался рядом.

– Мы не в суде, чтобы что-то подтверждать, – усмехнулся Джеб. Его тонкие, бледные губы едва заметно шевельнулись.

«Парень совсем осмелел, потому что давно понял, что ему нечего терять, – решил Гейр. – А грохнуть под конец дверью так, чтобы обрушилась крыша, может любой из моих ребят. Джеба не нужно было брать с собой в Литл-Сити...»

Его мысли снова вернулись к утреннему голосу, но после короткого разговора с Джебом, потеряли свою остроту.

«Да ну их к черту, эти глюки! – выругал себя Гейр. – Звали, не звали... Кому ты нужен-то? И мало ли что могло померещиться человеку на похмелье в адском бардаке? Будешь решать подобные мистические загадки, когда уберешься в Чикаго».

Гейр вдруг снова испугался, что потерял ключ от саквояжа. Он уже сунул руку в карман и только потом вспомнил, что всего минуту назад проверял его. Память еще ни разу в

жизни так не подводила Гейра, и он вспотел от волнения.

– На твоём месте я повесил бы ключ на шею, – не открывая глаз, сказал Джеб. – Карман место для колоды карт или пары долларов, но не для двадцати тысяч долларов.

«Тут Джеб прав», – молча согласился Гейр.

Но поскольку согласие с кем-то или чем-то было равносильно для Гейра бессилию, а бессилие – ненависти, Гейр Кинг стал думать о Гарри Хепберне и его брате Честном Чарли. Ненавидеть он умел и вскоре снова забыл о странном утреннем происшествии и голосе звавшем его по имени...

7.

Макс Финчер рыл небольшую ямку в метре возле дороги и не понимал смысла своей работы.

– Ещё вот здесь, пожалуйста, – Абигайль стояла в двух шагах от Макса и показывала на небольшой взгорок. – А потом прикройте ямки травой.

– Мисс, мы собираемся ловить кроликов? – пошутил Макс.

– Нет, мы будем ловить рыбку покрупнее, – улыбнулась Абигайль.

– Кажется, я начинаю понимать, – Макс отложил лопату в сторону и принялся маскировать первую яму травой. – Я рою яму для того, чтобы кто-то споткнулся?

– Угадали.

– А почему именно здесь, а не там? – Макс кивнул головой в сторону. – Почему вы уверены, что здесь кто-то пройдет?

Абигайль смотрела на груженную бревнами телегу на дороге. До нее было два десятка метров, а дорогу местами покрывала лужа почти не отличимая по цвету от глины.

Абигайль пожала плечами.

– Вы правы в том, Макс, что нельзя ни в чем быть уверенным...

– ... И поэтому я рою не одну яму? – быстро продолжил Макс.

– Снова угадали. Вы заметили, что люди почти всегда говорят «обстоятельства» и очень редко используют это слово в единственном числе?

– Да, действительно, – согласился Макс. Он налег на лопату, принимаясь за очередную ямку. – И мне интересно, сколько этих «обстоятельств» вам потребуется?

Абигайль ничего не ответила. Она присела на корточки и взяла в руки ком земли только что вывороченный лопатой. Еще влажный после недавнего дождя суглинок не крошился и хорошо держал форму.

– Состав земли тоже имеет значение для вашего «фокуса»? – спросил Макс.

– Скорее да, чем нет. Дорога влажная и скользкая. Это не так плохо для нас, – Абигайль подняла голову. – Макс, расскажите мне немного о людях Гейра Кинга

– Вы же видели их, – Макс вытер со лба легкую испари-

ну, оперся на лопату и не без удивления посмотрел молодую женщину. – Или вы плохо рассмотрели этих мерзавцев?

– Хорошо.

– А Чарли Хепберн рассказывал вам о них?

– Да.

– Тогда зачем вам знать и мое мнение?

Абигайль улыбнулась:

– Вам слов жалко, да?

– Ну, я, конечно, не Гарри Хепберн, хотя тоже люблю поболтать и...

– Тогда рассказывайте, – мягко прервала его Абигайль.

Макс отложил лопату, склонился над вырытой ямкой и вырвал пук травы в полушаге от нее.

– Собственно, мне и рассказывать-то нечего, – начал он. – Да и говорить о таких людях не особенно приятно. С Гейром будут двое. Первый – Джеб Лесоруб – громила двухметрового роста. Он «правая рука» Кинга, но сам Кинг чаще называет его «левой задней лапой». Верзила Джеб ничего не умеет делать толком: он плохо стреляет, плохо скачет на лошади и даже во время драки от него мало толку, потому что он неуклюж, как тупой слон. Почти в каждой потасовке ему достается чем-нибудь тяжелым по затылку и от этого он не становится умнее. Я слышал, что последнее время он стал плохо видеть, да и вообще здорово сдал. Скорее всего, в этом виноваты табуретки, которые слишком часто пляшут на его голове. Джеба выручает его злость. Я редко встречал людей

с такой способностью ненавидеть ближнего, при чем очень часто без причины. Второй тип, который сопровождает дилижанс – Дакота Энн. В свободное время он делает только четыре вещи: ест, спит, пьет виски или чистит свой кольт. Больше ничего. То есть Дакоту не интересуют карты, относительно мало женщины, а, допустим, пьяная драка в салуне для него не возможность размять кулаки, а пустить в ход свою пушку.

– Он хорошо стреляет? – спросила Абигайль.

– К сожалению, отлично. Чарли Хепберн вам об этом рассказывал?

Абигайль кивнула. Глаза молодой женщины и бывшего священника встретились.

– Чарли рассказывал мне и о вас, Макс.

Макс отвел глаза.

– Еще бы!.. Ведь я, наверное, часть той ловушки, которую вы собираетесь здесь устроить?

– Вы – нет, – женский голос прозвучал настолько дружелюбно, что Макс осмелился поднять глаза.

– Почему же нет? – чуть краснея, спросил он. – Насколько я понимаю, – Макс кивнул на груженую бревнами телегу, – сейчас мы создаем обстоятельства для будущего... как его?.. спектакля или фокуса. И я – одно из его действующих лиц.

– Да. Вы очень важное действующее лицо, но пока вы стоите за сценой.

– А почему пока?

– Потому что сейчас, как сказал бы Гарри Хепберн, вы только веская причина, которая позже может вызвать огромное следствие.

– Ого!.. Я польщен, мисс Абигайль. Разве этого мало для такого, как я?

– Очень мало, Макс.

Помощник шерифа грустно усмехнулся.

– Ну, да... Я всегда был слишком мелкой причиной, а следствия только сыпались на мою голову, как подковы из ведра.

– Чарли Хепберн придерживается другого мнения о вас.

– Чарли?!.. – Макс удивленно вскинул голову. – Вот чего бы я никогда не подумал. Честный Чарли почти не смотрит в мою сторону и едва здоровается при встрече.

– Тем не менее, он рассказывал мне о вас не меньше, чем о Гарри. А теперь, пожалуйста, закончите свой рассказ о Дакоте Энн, Макс.

Макс опустил на колени, чтобы замаскировать травой очередную ямку.

– Если бы Дакота был поумнее, он уже давно отстал от Кинга, но Дакота глуп и не сумеет организовать собственное дело. Три года назад он и еще двое ребят решили ограбить банк в Нью-Дели. Но когда они вошли в банк и объявили, что собираются начать карьеру грабителей, охрана банка почему-то оказалась за их спинами. Короче говоря, чуть раньше, когда Дакота и его дружки собирались с духом на ули-

це, охрана банка все поняла по их ромам и приготовилась к встрече гостей. Представляете, какую нужно иметь физиономию, чтобы не очень умные охранники обо всем догадались? Через год после суда Дакота сбежал с каменоломни и снова присоединился к Кингу.

Макс закончил с ямкой и выпрямился.

– Не видно ничего? – спросил он Абигайль.

Та осмотрела замаскированную ловушку и кивнула.

– Очень хорошо, Макс. Спасибо вам.

– Я и еще покапать могу, – Макс улыбнулся. – Я такой...

– Нет, хватит.

Макс положил руку на черенок воткнутой в землю лопаты. Он покачал его и не спеша положил на плечо.

– Скажите, мисс Абигайль, а почему и зачем умер Зак Китс?

Взгляд Макса Финчера изменился. Теперь он рассматривал красивое женское лицо, так, словно искал в нем что-то темное и дурное.

Абигайль спокойно выдержала прямой взгляд.

– А ведь вы боитесь женщин, Макс, – вдруг сказала она.

В любое другое время подобная реплика легко ошпарила Макса и заставила его покраснеть. Но на этот раз он только усмехнулся.

– Вам Честный Чарли это рассказал?

– Нет. О ваших отношениях с женщинами Чарли не сказал ни единого слова.

– Тогда мне все понятно. Вы собираетесь сменить тему разговора, а для этого вам нужно сбить меня с толка. Вы не хотите мне рассказать, почему умер Зак Китс, потому что причиной его смерти были вы?

Абигайль молчала. Усмешка Макса стала едва ли не по донкихотовски печальной.

– Скажите, мисс Абигайль, а вас не смущает то, что человека, пусть и преступника, убили без суда?

– Суд уже был, Макс.

– Где?.. Когда? И какой?..

Макс вызывающе, в упор, рассматривал красивое женское лицо. Он ожидал в ответ чего угодно – даже неожиданной от такой женщины грубости – но когда в глазах Абигайль сверкнули озорные и веселые огоньки, Макс растеряно заморгал.

– Вы задаете слишком много вопросов, Макс. В этом ваша самая большая ошибка. Вспомните, когда год назад вы спорили с Гарри о вере, вас убедили совсем не доводы шерифа, а те вопросы, которые вы задавали себе сами оставаясь наедине.

– А что я должен был задавать сам себе? – еще больше удивился Макс. – Ответы, что ли?..

– Думаю, что да. Понимаете, Макс, иногда человеку полезнее придумать ответ и только потом искать к нему вопрос.

– Как это?!

– Все очень просто. Если на вопрос есть только один от-

вет, вопрос перестает быть вопросом.

– Вы говорите странные вещи, мисс, – Макс отвел глаза.

«Она разыгрывает меня, как глупого мальчишку», – решил он.

– К нам Джоан идет, – буркнул Макс, переводя взгляд со своих грязных сапог на дорогу. – Кажется, пора готовиться к первому действию спектакля?

Абигайль помахала Джоан рукой. Та уже спустилась с горы и вышла на обочину дороги.

– По траве идет, чтобы следов не оставлять, – сказал Макс. – Умница! А мы тут вами натоптали как слоны...

– Тут тоже трава, а следы неподалеку от телеги ни о чем не говорят. Например, тут мог пройти возница, бросивший телегу, или шериф и вы, чтобы осмотреть местность в поисках засады.

Джоан собирала цветы. Иногда она останавливалась, наклонялась и ее тоненькая фигурка с длинными волосами становилась похожей на прибрежную иву.

– Я отведу Джоан на место, а вы идите к Гарри, Макс, – Абигайль осторожно тронула помощника шерифа за руку. Женский взгляд снова заметно потеплел. – Ну, идите же!..

– Вы скоро вернетесь?

– Через десять минут. Гейр Кинг привык видеть перед хижиной Джо три фигуры и не нужно, чтобы их стало меньше.

Макс немного подумал.

– Я вам уже говорил, мисс Абигайль, что у Джебба Лесо-

руба плохое зрение, у Кинга – может быть тоже не очень хорошее, а вот у Дакоты Энн глаза в полном порядке. Вы не боитесь, что он сможет отличить вас от Джоан? Например, вы выше ростом...

– Я сниму туфли.

– У вас не такие темные волосы, как у Джоан.

– Я надену косынку.

– И все-таки Дакота...

– Я буду стоять за вашим плечом, Макс, – мягко прервала Абигайль. – Девочке свойственно побаиваться бандитов и искать в ком-то защиту. Кроме того, вряд ли Дакота запомнил в лицо Джоан. Вы сами сказали, что его мало интересуют женщины.

– Можно еще вопрос, мисс Абигайль? – Макс виновато улыбнулся. – Почему вы не взяли Джоан сразу с нами, а ждали, чтобы Гарри сам послал ее к нам на дорогу?

– Потому что это должно было стать решением самого Гарри Хепберна.

– Но если, не дай Бог, что-то случится с Джоан, неужели вы думаете, что это вам как-то поможет?

– Разумеется, не поможет. Я просто хотела удостовериться, что если Гарри Хепберн решится сам послать к нам Джоан, то он не пальнет в воздух раньше времени.

Макс показал пальцем на саквояж неподалеку.

– Вы собираетесь подменить саквояж Гейра Кинга на свой?

– Не я. А у Джоан просто не будет времени, чтобы сделать все как-то иначе.

Макс кивнул и поплелся к горе. По пути он поднял глаза и принялся рассматривать Гарри Хепберна. Тот стоял на самом краю площадки и смотрел на Джоан. Даже с довольно большого расстояния Макс заметил, как сильно изменилось лицо шерифа – оно стало строже и старше.

«На Чарли очень похож, – механически отметил про себя Макс – Пожалуй, так он выглядит куда как лучше».

Макс на ходу сорвал цветок и поднес его к носу. Цветок пах медом и дождем.

«А ведь Абигайль все знает! – вдруг с ужасом и стыдом понял Макс. – Она знает все о моей толстухе Хари Монс, а поэтому она так и смотрела на меня... Поэтому и смеялась!»

Внутри Макса словно что-то оборвалось.

«Господи, да за что же так?!.. – простонал он про себя. – Знает, знает!.. Ведь это и есть тот ответ, к которому можно придумать только один вопрос: что случилось с Максом Финчером, после того, как он взял в руки кольт? У такого труса, как Макс Финчера была только одна дорога – в постель к «красотке» Монс и – да все черти меня побери! – это могла быть и не Хари, а Мэри или Лизи, но разве суть ответа от этого меняется, если не меняется толстуха, с которой спишь?!.. Гарри, Гарри, что б ты сдох, умник! Ты говорил о свободе и разуме, но почему на этой (Макс все-таки выпалил про себя неприличное слово) ... дороге свободы, разума и

света у меня вдруг оказался единственный выбор – постель Хари?!»

Макс тихо заснул. Он снова и снова вспоминал веселые глаза Абигаиль и мучился от этого еще больше.

«Хоть бы сказала мне, мол, ох, и идиот же ты... Нет, пожалела. Про ответ, который нужно найти раньше вопроса на-мекнула. Умная и добрая... – Макс сжал руку в кулак и с силой постучал себя по лбу. – А вот ты сволочь трусливая. Так тебе и надо!...»

8.

По крыше постучали кулаком, дилижанс остановился.

– Что там? – Гейра клонило в сон, он зевнул. – Дакота, посмотри.

Дакота сунулся в дверь и оглянулся уже через пару секунд.

– Телега на дороге, босс, – чему-то ухмыляясь, доложил он. – С бревнами. Возницы нет.

Гейр чертыхнулся.

– Пошли, – буркнул он Джебу. – Без нас там не разберутся.

Выйдя из дилижанса, Гейр бросил быстрый взгляд в сторону горы «Святоши Джо». Там, на крохотной площадке ближе к вершине стояли три хорошо знакомые ему фигуры.

– Старый дурак опять притащил с собой девчонку, – сказал Дакота. – Я слышал, что у нее появился ухажер и шериф стережет свою овечку как...

– Помолчи! – оборвал его Гейр.

Он подошел к телеге с бревнами. Длинное дышло лежало, уткнувшись концом в сырую землю метрах в десяти от дилижанса.

Гейр бросил недовольный взгляд на Джона Грега:

– Раньше остановиться не мог?

– На этой дороге все равно не развернешься, – толстяк Грег нервно перебирал вожжи. – Колесо вон... – Грег кивнул головой, показывая глазами за телегу. – Лежит.

– А я думал, стоит, – захохотал Дакота.

Гейр внимательно осмотрел колесо, телегу и даже бревно. Единственный план (а он и в самом деле был единственным в данной ситуации) созрел у него довольно быстро. Тем не менее, Гейр присел на корточки у телеги, закурил, и снова принялся задумчиво рассматривать три фигуры на горе «Святоши». Рядом остановился Джеб и начал ковырять ножом кору верхнего бревна. Сильный кашель прервал его занятие.

– Ты полагаешь, они что-то задумали? – спросил Джеб, наконец-то справившись с приступом. Он вытер мокрые губы, плюнул на землю и снова вытер губы.

Гейр молчал.

– Дай!.. – Джеб протянул огромную руку к самокрутке Гейра.

– От кашля поможет, что ли? – усмехнулся тот.

– Поможет, – Джеб взял самокрутку и жадно затянулся. – Нужно разгрузить телегу... – Он с наслаждением выпустил

струйку дыма. – Потом поставить колесо на место и вытолкать телегу с дороги.

Гейр устался на землю под ногами.

– Это единственный план, Джеб?

– Думаю, да.

– Именно это меня и тревожит.

– Можно обыскать эту чертову рощицу, если ты боишься засады.

Гейр поднял глаза.

– Суть в том, Джеб, что если даже засада есть, то мы вряд ли отыщем ее. Гарри Хепберн не такой уж дурак, чтобы устраивать дешевые фокусы и прятать в кустах парней с винчестерами. В чем-чем, а в засадах и прочих подлых фокусах умник Гарри кое-что понимает.

Верзила Джеб жадно курил, тоскливо, словно от этого зависела его жизнь, поглядывая на уменьшающийся окурок в огромных пальцах.

– А если предположить, что Гарри Хепберн тут вообще ни при чем? – спросил он. – Ты говоришь, что Гарри не дурак, а вот я не уверен, что у него хватило бы ума подставить нам брошенную телегу. Ну, спиленное дерево на дороге или обвал, это еще куда ни шло, а вот телега – слишком простое и слишком хитрое решение для Гарри.

– Сейчас проверим, – сказал Гейр и, что было силы, закричал: – Эй, Гарри, твоя работа? – Он ткнул пальцем за спину: – За каким чертом ты сделал это, Гарри?

– Это телега Филиппа Рассела из Фенигана, – ответил ему далекий голос Макса Финчера. – Добропорядочный мясник собирается строить новый загон для скота. Рассел обещал вернуться к следующему утру. Но его сын собирается жениться, я не думаю, что Рассел появится здесь даже послезавтра.

Пока Макс говорил, Дакота Энн внимательно рассматривал фигуру девушки за плечом Макса.

– Эта чертовка кажется здорово похорошела и превратилась в настоящую леди, — без особого удивления сказал он.

Гейр насторожился.

– А ты уверен, что это племянница шерифа?

Дакота передернул плечами:

– Не знаю. Бабы... То есть девки в этом возрасте быстро меняются. Ну, как курицы, босс. Вроде бы недавно была желторотым цыпленком, а потом вдруг глядишь, сидит на груди яиц как толстая корова.

– Коровы не сидят на яйцах, идиот, – повысил голос Гейр. – Позови-ка нашу деревенщину. Предстоит нелегкая работа, а я не собираюсь вкалывать за них.

Дакота повернулся к дилижансу и уже открыл было рот.

– ... Ты поработаешь вместе с ними, – продолжил Гейр. – Меньше чем вчетвером эти дурацкие бревна не выбросить из телеги.

Дакота закрыл рот. Он молча шагнул к дилижансу, по пути сбивая прутиком высокие головки цветов. Кое-где он за-

метил едва заметные проплешины в чуть смятом цветочном ковре, словно кто-то собирал букет. Но Дакота не обратил на них внимания.

«Тут, вообще-то и коров пасут, – решил он. – А Джеб Лесоруб был прав, когда говорил мне вчера, что Гейр Кинг – последняя скотина».

9.

Да, Гарри Хепберн отлично знал свой главный недостаток – излишнюю говорливость, которая всегда пробуждалась в нем каждый раз, если обстановка не требовала конкретных действий. В засаде, (в ожидании врага), за карточным столом (в ожидании нужной карты) и даже на городском совете (когда выступал кто-то другой, а не он сам), волнение Гарри могло прорываться в нем не одним десятком, а порой и не одной сотней слов. В засаде он шептал их шепотом, а на городском совете кричал в сторону мэра. Вместе с тем «слабинка» Гарри была такой уж неуправляемой. Однажды, когда за карточным столом был пойман на шулерстве Майкл Каро по прозвищу «Одноглазый», Гарри сначала молча положил перед собой кольт, а потом сказал игрокам, что Майкла никто не тронет. Начавшийся скандал вдруг утих, как по мановению волшебной палочки. Тогда Гарри поднял глаза и сказал Майклу, что тот может уйти, что больше никто в городе не подаст ему руки и что двери любого салуна

закрыты для него навсегда. Никто не стал спорить с решением Гарри и не только потому что на столе лежал кольт, а еще и потому что Гарри вдруг стал удивительно похож на своего старшего брата Чарли. У него были холодные, спокойные глаза, а чуть побледневшее лицо казалось высеченным из светлого, благородного гранита. «Одноглазый», благословляя Господа Бога и Гарри Хепберна, буквально испарился, и игра продолжилась. Но к ее финалу, Гарри все-таки разразился монологом о справедливости, терпимости ближнему и общественной морали. Причина была проста: Гарри вспомнил книжку, которую недавно читал, и в которой говорилось о морали, и решил, наконец-то, высказать свое мнение по этой, до философичности, сложной теме. Речь шерифа была горяча, малопонятна уставшим игрокам, но самое ужасное заключалось в том, что Гарри продолжил ее уже на улице, провожая до дома старика Авраама Бирна. Этой же ночью восьмидесяти пяти летний игрок-«патриарх» умер в кровати. В городе стали шептаться о том, а не стал ли Авраам Бирн жертвой «слабинки» Гарри и не уложил ли шериф в кровать уже бездыханное тело? Разумеется, последнее было почти (но все-таки не совсем) шуткой. И в этой шутке было столько яда, что уже на похоронах, чувствуя на своей спине чужие взгляды, Гарри Хепберн проклинал свою детскую несдержанность, дурацкую книжку, подставившую ему, как хитрый черт, не менее хитрую подножку и даже «Одноглазого» Майкла Каро.

Теперь, наблюдая за тем, что делается на дороге, Гарри жевал губами, а порой просто кусал их, чтобы проглотить ненужные звуки. Со стороны это всегда выглядело довольно забавно и как знать, если бы не эта слабость Гарри, его, может быть, и в самом деле называли «Умным» Гарри, а не «Заумным», а порой даже «Полоумным».

Так как обстановка внизу, возле дилижанса и брошенной телеги была еще довольно неопределенной, а расстояние до бандитов значительным, Гарри считал возможным обратиться к мисс Абигайль с вопросом не имеющим к главному делу никакого отношения:

– Вы не находите, мисс Абигайль, что логика просто убийственная штука? – в темных глазах шерифа вспыхнул огонек, чем-то похожий на отражение свечи в зрачках. – Знаете, я почему-то уверен, что многие умные люди сходят с ума именно из-за своей склонности к логическому мышлению.

Мисс Абигайль удивилась. Ее тонкие брови поднялись вверх, уголки губ дрогнули, а в глазах появилось что-то теплое и улыбочивое.

– Шериф, – прошептал Макс, – вы удивительно удачно выбирали время для своих казуистических вопросов.

– Нет, все-таки выслушайте меня! – почти с жалобой в голосе, воскликнул Гарри. – Как-то раз я прочитал в газете, что если количество кэбов в Лондоне будет расти так же быстро, как сейчас, то очень скоро улицы города окажутся под толстым слоем навоза. Понимаете, в чем тут логика? Люди при-

думали конные повозки, но конные повозки рано или поздно убьют наши города.

– ... Точнее, превратят их в большие навозные кучи, – не без ехидства, подсказал Макс.

– ... Так вот, мисс Абигайль, иногда мне кажется, что логика это тонкая прямая линия, уходящая к горизонту, – продолжил Гарри. – Причина вызывает следствие, следствие превращается в причину и вызывает новое следствие. Эти превращения похожи на цепь опутывающую жизнь. Знаете, о чем я думаю по подсказке этой чертовой логики? Рано или поздно, для того, чтобы избавиться от конных повозок, люди станут строить все больше и больше железных дорог...

– От паровозов меньше навоза, – снова вставил свое слово Макс.

– ... Но дороги будут становиться все длиннее, охватывать весь мир и однажды они пересекут океан. Корабли часто тонут, а паровоз на высоком мосту защищен от любого шторма. Корабль – тихоходен, а паровоз может развить гигантскую скорость до двадцати пяти миль в час. Разве это не логично, что рано или поздно паровоз победит теплоход? Теперь попробуйте представить себе земной шар опутанный, как паутиной, сетью железных дорог: сотни тысячи паровых машин будут носиться туда-сюда, извергая клубы черного дыма. Океан расчертят уже не воображаемые линии меридиан, а реальные железные дороги. Это будет железный мир, и я – Гарри Хепберн! – уже заранее ненавижу его за урод-

ство... Знаете, мисс Абигайль, по-моему, логика ценна не тем, что она подсказывает человеку, а тем, что она доказывает человеческому разуму его изначальную, скрытую болезнь. Прямая, рожденная логикой мысль, вдруг врезается в непродоходимую стену из железных дорог и разлетается вдребезги. Мысль – может быть самое драгоценное и важное, что может породить человек, – превращается в ничто, а ее итог – в откровенное уродство. – Лицо шерифа чуть побледнело, а в «свечной» блеск в его глазах вдруг вспыхнул лихорадочным светом. – Между нами говоря, и будь моя воля, я бы с великим удовольствием сорвал эту железнодорожную «прово-локу» с Земли, даже если вдруг сам земной шарик вздумал развалиться на части.

Макс снова хотел что-то возразить, но, взглянув на лицо шерифа, промолчал. Огонек в глазах Гарри уже не тлел, а горел фосфорическим светом.

«За Джоан очень сильно переживает, – вздохнул Макс и вдруг пожалел своего шефа: – Вот бедолага!..».

Шериф уже не смотрел вниз на дорогу. Он пыхтел трубкой, и, казалось, видел только ее и свой крупный, мясистый нос. Это могло значить только одно – и в это не хотел верить Макс, – что шериф Гарри Хепберн находится на пределе своего терпения.

Мисс Абигайль чуть опустила голову и поправила прическу на затылке.

– Вы улыбаетесь, мисс? – спросил Гарри. – По-вашему, я

несу полную чушь?

Абигайль подняла глаза. Они были спокойными, почти такими же, какие увидел Макс, когда спросил о причине смерти Зака Китса.

– Вы сказали, что логика это тонкая прямая линия, – тихо и четко произнося слова, начала Абигайль. – Иными словами, есть причина и есть следствие, которое рождает причина. Например, уходит время конных повозок и приходит время поездов. Но вы слишком упрощаете логическую цепочку. Уверяю вас, она не так скучна и однообразна, как это может показаться на первый взгляд. Очень часто человек не может повлиять на причину или следствие, как, например, вы не смогли повлиять на Гейра Кинга, чтобы он оставил в покое фермеров из Большой Долины. Но существуют еще сотни и сотни казалось бы крохотных обстоятельств, которые могут разрушить любую причину, какой бы огромной она не казалась.

– Но я их не вижу, мисс Абигайль!

– Вы их не видите, потому что они внутри нас всех, – Абигайль кивнула в сторону дороги вниз: – Как вы думаете, с чего начнет Гейр Кинг, чтобы освободить путь?

Шериф наморщил лоб. Волнение мешало ему думать, но напоминание о дороге (а значит и о Джоан!) вернуло его к действительности.

Гарри Хепберна тяжело сопел, морщил лоб и грыз чубук трубки. Вопрос Абигайль не показался ему сложным, но вол-

нение Гарри проходило слишком медленно.

Макс пришел на помощь шефу:

– Во-первых, Гейр Кинг сбросит бревна с телеги, – заговорил он. – Во-вторых, поставит колесо на место и столкнет телегу с дороги. Об этом не так трудно догадаться, мисс Аби-гайль.

– Примерно так все и будет. Но вы описываете действия, не учитывая обстоятельства, при которых они произойдут.

– А это имеет значение?

– Да, и не малое. Например, кто и как будет скидывать бревна с телеги?

Макс удивленно заморгал глазами, а лоб шерифа покрылся настолько выразительными морщинами, что стал похож на стиральную доску.

– А какая разница кто и как, мисс? – осторожно спросил Макс.

– Хорошо. Давайте сначала посмотрим, как поступит Гейр Кинг, а потом я вам кое-что объясню.

Абигайль перевела взгляд на дорогу. Макс послушно сделал тоже самое. Гарри Хепберн пробормотал что-то неопределенное, вытер со лба пот и на всякий случай ощупал кобуру с кольцом.

Между тем фермерам с помощью длинной лаги удалось приподнять край телеги и установить на место заднее колесо. Гейр Кинг что-то сказал и со стороны заднего и переднего борта к бревнам подошли четверо: три фермера Джона и

Дакота Энн. Они довольно легко подняли первое бревно и выбросили его налево, в сторону пологого ската. Следом полетело второе и третье. Джеб Лесоруб и Гейр Кинг наблюдали за работой. В левой руке Гейр держал заветный саквояж.

– В телеге восемь толстых бревен, – пояснила Абигаиль. – Но у фермеров и Дакоты не получится выбросить больше пяти. Слева хотя и пологий склон, но там есть бугорок, густые кусты и небольшое дерево в полутора шагах. Значит, бревна не покатятся вниз, а останутся на месте. Если бы за работу взялся здоровяк Джеб, может быть, им и удалось бы выбросить все бревна. А вот три фермера и Дакота не смогут поднять бревна достаточно высоко...

После того, как было сброшено пятое бревно, Гейр Кинг остановил работу и подошел к телеге.

– Он понял, что следующее упадет под колеса, – снова пояснила Абигаиль. – Теперь им вшестером придется толкать вперед не до конца разгруженную телегу. Как вы думаете, Макс, как они станут возле телеги, чтобы сдвинуть ее с места?

– А это тоже важно? – растерянно улыбнулся Макс.

Молодая женщина ответила ему невесомой и чуть лукавой улыбкой.

– С точки зрения точки зрения физики, то есть, какая обезличенная сила будет приложена к телеге, да, это не важно. Главное, сама величина силы. А вот с точки зрения обстоятельств, причин и следствий это имеет довольно боль-

шое значение. Например, бандит никогда не возьмет в руки оглоблю, потому что... как это сказать?.. – Абигаиль беспомощно взглянула на Макса.

– Потому что тащить оглоблю – лошадиная работа, – Макс легко сформулировал догадку Абигаиль в четкую мысль. – Любой бандит из шайки Кинга отлично понимает, что потом, в шайке, над ним будут смеяться. Но такие шуточки не прощают. Тот, кто возьмется сейчас за оглоблю, рано или поздно должен будет схватиться и за свой кольт, чтобы прекратить издевательства над собой.

Абигаиль кивнула.

Гейр Кинг обошел вокруг телеги. С высоты горы «Святоши Джо» можно было рассмотреть недовольное и немного растерянное выражение лица главаря.

– Телегу придется толкать назад и за оглоблю возьмутся фермеры, – снова заговорила Абигаиль. – Джеб Лесоруб станет слева от фермеров, а Дакота и Гейр – справа. Джеб слишком крупный тип, чтобы рядом с ним смог уместиться кто-то еще. Дакота займет место рядом с оглоблей, а Гейр справа от него.

Гейр Кинг остановился возле воткнувшейся в землю оглобли. Он переложил саквояж из левой руки в правую и почесал затылок.

– Пытаетесь угадывать, мисс? – подал чуть охрипший, но уже лишенный ноток волнения голос Гарри Хепберн. – А почему бы Дакоте и Гейру стать не так, как вы говорили?

– Этого не случится.

– Интересно почему, мадам? – Гарри сделал ударение на последнем слове и постарался придать своему голосу нотку сарказма.

«Гарри уже легче, – понял Макс. – По крайней мере, он не молчит и не смотрит в одну точку. Плохо только то, что он начинает придирается к Абигайль».

– Все очень просто, Гарри, – быстро вмешался в разговор Макс. – Такой человек как Гейр Кинг всегда держит правую руку свободной.

– Мол, а вдруг война и где моя железяка с патронами?

– Примерно так, – подтвердила Абигайль. – Поэтому Гейр Кинг станет справа. Торчать между оглоблей и Дакотой и упираться в борт обоими руками, это место скорее для обычного бандита, а не для главаря.

Когда бандиты и фермеры заняли свои места возле телеги, Гарри Хепберн чуть было не открыл рот от удивления – все произошло именно так, как и предсказывала Абигайль Нортон.

– Кстати, мисс, а где моя малышка Джоан? – спросил шериф. Хотя обращение «мадам» уже не прозвучало, тон вопроса Гарри смягчился лишь на едва заметную толику.

– Она далеко.

– Где?

– Не меньше, чем в пятидесяти метрах от бандитов.

– Вы можете показать мне это место, мисс?

В разговор снова вмешался Макс:

– Как показать, Гарри? Рукой, что ли?!.. – возмутился он.

Между тем Гейр Кинг поднял руку с зажатым в нем саквожем и погрозил им шерифу. Телега катилась тяжело и усилия шестерых мужчин, казалось, были на пределе. Гейр часто оглядывался на фермеров и что-то зло кричал им. Три «деревенщины» Джона упирались в оглоблю как могли, но их ноги скользили по еще мокрой от недавнего дождя земле.

– А ведь Джеб Лесоруб сачкует, – вдруг сказал Макс. – Посмотрите, посмотрите!.. Этот верзила только делает вид, что толкает телегу. Мне кажется, что он смог бы легко сдвинуть ее с тремя фермерами, а Дакота и Гейр Кинг ему совсем не нужны.

Макс вопросительно посмотрел на Абигайль.

Та кивнула:

– Джеб злится. Он болен и ему кажется, что кое-кто уже сбросил его со счетов.

– Гейр Кинг?.. Вы недаром ездили в Литл-Сити, мисс Абигайль. А вашей наблюдательности позавидовал бы сам Пинкертон.

Через полтора десятка метров телега остановилась, и фермеры сбросили еще два бревна.

– С последним бревном у них ничего не получится, – сказала Абигайль, наблюдая за тем, как Джеб Лесоруб оттолкнул в сторону Длинного Джона Вестона и сам взялся за конец последнего бревна.

Через минуту, после трех безуспешных попыток приподнять или сдвинуть с места самое толстое бревно, Джеб закашлялся. Кашель был настолько сильным, что он присел возле телеги. К нему подошел Гейр.

– Что он ему говорит, мисс Абигайль?

– То же, что и раньше. Что бревнам мешают кусты и взгорок. Бревна не скатываются под уклон, а лежат прямо возле колеи. Если сбросить последнее бревно, оно может скатиться под колеса телеги и вытащить его оттуда будет очень трудно.

– Какой бы сильной не была ваша логика, мисс, она все-таки не сможет сделать ваши ушки длиннее, – проворчал шериф. – Вы уверены, что Гейр сейчас говорит Джебу именно это?

– Определенные обстоятельства, рожают определенные слова, мистер Хепберн.

Гейр Кинг показал рукой вперед, а другой потрепал Джеба по плечу. Тот поморщился и отвел плечо в сторону.

– Метров через десять они смогут столкнуть телегу с дороги, – пояснила Абигайль. – Видите, вон там, у старой сосны, колея не такая глубокая и нет взгорка. Правда, развернуть телегу поперек дороги будет не так просто.

– ... Особенно с толстым бревном, – догадался Макс. – Скажите, мисс Абигайль, а не прибил ли его Чарли к днищу гвоздями?

Молодая женщина улыбнулась.

– У нас просто не было иного выхода. Это не очень хоро-

шо, потому что такой примитивный фокус все-таки можно заметить. Бревно прибили снизу к днищу.

– А зачем вам вообще потребовалось бревно в телеге?

– Сейчас увидите.

– Я и так вижу. Вам важно, чтобы телега не оказалась слишком легкой.

– Не только это, Макс.

Достигнув удобного места у старой сосны, Гейр и его люди принялись разворачивать телегу. Фермеры вывернули в сторону дышло, а Джеб зашел с левого борта. Дакоте и Гейр Кингу не нашлось места и, что бы не попасть под колеса, они отошли на несколько шагов назад. Фермерам пришлось несколько раз менять направление движения, выворачивая дышло то направо, то налево. Минут через пять телега наконец стала поперек дороги. Ее задние колеса (снова выполняющие роль передних) тонули в колее, а передние, стояли несколько выше, на каменистой, поднимающейся к горе обочине.

– Сейчас столкнут и все... – то ли безнадежным, то ли безразличным голосом сказал шериф Хепберн.

Люди возле телеги заняли свои прежние места. Гейр Кинг уперся рукой в борт одной рукой, Дакота двумя, Джеб Лесоруб – широченной грудью.

– Ниже оглоблю, балбесы! – донесся до Макса злой крик Гейра обращенный к фермерам. – Толкай сильнее!

Первая пара колес уже почти преодолела колею, как вдруг

Гейр Кинг упал, ударившись щекой о борт.

– Моя ямка сработала, – Макс самодовольно хмыкнул.

Гейр не спешил подниматься. Он поставил саквояж на землю, стал на одно колено и принялся тщательно исследовать ямку, в которую угодила нога.

– Бесполезно, – заявил Макс. – Он ничего не найдет и ничего не поймет. Никто лучше меня во всей округе не умеет делать фальшивые кроличьи норки.

– Чарли Хепберн действительно хвалил вас, Макс, – подтвердила Абигайль. – Говорят, что вы лучший охотник на лис.

– И защитник кроликов, – буркнул Гарри Хепберн.

Гейр Кинг наконец встал. Он дважды вытер рукавом потное лицо и огляделся по сторонам.

– Он устал, – сказала Абигайль. Ее взгляд стал неподвижным и холодным. – Кроме того, Гейр Кинг слегка подвернул ногу.

– И что из этого? – спросил Гарри. – Лучше бы этот бандит сломал свою чертову заднюю лапу.

– Это не входит в наши планы, мистер Хепберн.

Фермеры и бандиты принялись раскачивать телегу вперед-назад, чтобы колеса преодолели колею. Гейр как и прежде упирался в борт одной левой рукой, потому что в правой держал саквояж. Телега упрямо не хотела преодолевать колею.

– Все-таки она довольно глубокая, – заметил Макс и бро-

сил взгляд на застывшее лицо Абигаиль. – Кто-то неплохо рассчитал глубину этой колеи.

Гейр Кинг поставил саквояж на бревно в телеге. Саквояж маячил всего в десятке сантиметров от его лица и, скорее всего, Гейр видел только его и ничего больше.

– Давай!.. – гаркнул он. – Навались!

Дакота упрямо нагнул голову, и она оказалась между его рук. Джеб Лесоруб закусил нижнюю губу и подался вперед всем телом, налегая на борт телеги широченной грудью. Гейр толкал телегу вытянутыми вперед руками, не сводя глаз с саквояжа. Теперь желтый, легка потертый бок дорожной сумки был в полуметре от его носа.

Наконец передние колеса преодолели колею, и телега слегка накренилась налево.

– Давай еще! – взвыл Гейр.

Он наклонил голову, как и Дакота, едва ли не упираясь макушкой в борт телеги.

– Давай, не останавливайся!

Вторая пара колес с хода одолела колею. Телега подскочила и шестерым мужчинам уже порядком измученным тяжелой работой, вдруг показалось, что она стала легкой, как перышко.

– Пошла-а-а!.. – захохотал Дакота. – Вниз эту сволочь!

Телега покатила вниз, под уклон. Она ломала невысокий кустарник и неслась прямо на огромную ель метрах в сорока ниже по склону.

Джон Вестон и Джеб Лесоруб остановились и принялись разминать затекшие спины. Джон Габби и Джон Грег, все еще тяжело сопя, рылись в кисете с табаком. Дакота выделывал какие-то замысловатые кренделя ногами, но даже самый последний пьяница в самой последней забегаловке Литл-Сити не назвал бы это танцем. И только Гейр Кинг смотрел вслед телеге.

– Саквояж... – еле слышно сказал Макс.

Гарри Хепберн вдруг забыл о своей трубке, и она едва не упала на землю.

– Че-е-ерт!.. – простонал шериф и поймал трубку на лету.

– Я не вижу саквояжа, где он? – повторил Макс.

– В телеге, – бесстрастным голосом пояснила Абигаиль. – Когда телегу толкали через колею, она накренилась, и саквояж упал с бревна, на которое поставил его Кинг. Сейчас саквояж лежит на самом дне телеги.

– Гейр забыл о нем?!

– Это довольно простой фокус, Макс. Сначала саквояж маячил перед самым носом Кинга, ведь он боялся потерять его из вида. Когда Кинг нагнул голову и саквояж упал, это совпало с последним усилием. Как раз в эту секунду Гейр думал не о саквояже, а проклинал тяжелую телегу.

Катящаяся под откос телега заметно набрала скорость, ломая кусты, врезалась в низкий подлесок и исчезла в нем.

– Джоан там, – Абигаиль показала глазами на высокую ель левее. – У девочки будет достаточно времени, чтобы подме-

нить саквояж.

Джон Габби и Джон Грег наконец-то закурили, а Дакота Энн перестал выделывать ногами идиотские кренделя. Гейр Кинг устало махнул рукой в сторону дилижанса.

– Пошли, парни!..

Все шестеро не спеша направились к дилижансу, как вдруг Гейр Кинг резко остановился. Он мог поклясться чем угодно, что его вдруг окликнул тот самый, странный утренний голос. Голос смеялся... Он не сказал Гейру ни одного слова, а только засмеялся и тут же исчез.

Гейр посмотрел на свои пустые руки и медленно, словно с усилием, повернул голову в сторону подлеска, в котором исчезла телега. Потом он побежал вниз... Сначала Гейр бежал медленно и чуть хромя, но постепенно увеличивал скорость и довольно быстро перешел на огромные прыжки.

Пятеро мужчин сначала молча и с удивлением смотрели на него, а потом Дакота крикнул:

– Саквояж, в телеге забыли, лохи!

10.

– Джоан, – Абигайль показала глазами направо.

Гарри Хепберн и Макс едва успели заметить, как дорогу у моста быстро пересекла едва заметная тень и тут же исчезла в густых зарослях кустарника на их стороне.

– Девочка в безопасности.

– Ей не стоит появляться рядом с нами, – заволновался шериф.

– Я предупредила ее и Джоан подождет нас в хижине.

– Они идут!.. – Макс тронул Абигайль за руку.

Прикосновение оказалось неожиданным не для молодой женщины, а для самого Макса. Он вздрогнул и чуть попятился в сторону.

Из подлеска наконец-то вышли шестеро мужчин. Вперед шел Гейр Кинг с саквояжем в руках. Теперь его усталое и осунувшееся лицо было еще и бледным, как мел. Он метнул быстрый взгляд в сторону горы и что-то сказал, почти не разжимая губ.

– А если он поймет, что саквояж подменили, мисс Абигайль? – спросил Гарри.

– Гейр Кинг последние шесть дней просыпался в шести разных комнатах. И первое, что он делал, проверял деньги в саквояже, но не сам саквояж.

Макс хлопнул себя рукой по лбу:

– Эта чертова сумка что, каждый раз был не той, которую он видел вечером?!

Абигайль улыбнулась.

– Любой человек может относительно легко запомнить конкретную вещь. Но если эту вещь время от времени менять на другую, похожую, то запомнить, допустим, потертость на ее правом боку или трещинку на коже на левом, невозможно.

– Вот это и называется фокусом, – в голосе Гарри Хепберна наконец-то зазвучали оптимистичные нотки. – Но меня сейчас волнует другой вопрос, Гейр Кинг обязательно откроет саквояж. Будь на его месте Дакота, Джеб Лесоруб или даже я сам, мы все сделали бы то же самое. Вы понимаете меня, мисс Абигайль?

Молодая женщина пожала плечами.

– Ну, допустим, саквояж еще нужно суметь открыть.

Макс повеселел:

– Дырка в кармане, да? Вы заранее проделали дырку в кармане, и Гейр потерял ключ?

– Не так! Например, я просто заменил ключ на другой, – нашелся Гарри, которому вдруг тоже очень захотелось понять «фокус» раньше, чем он кончится. – Дырка, если ее не было раньше, может вызвать подозрения. Если Гейру пять или шесть раз меняли саквояж, то заменить ключ еще легче. Что скажете, мисс Абигайль? Я, надеюсь, прав?

– Не нужно ни дырки, ни другого ключа, – ответила женщина. – Вы забыли, что у Гейра Кинга сейчас другой саквояж, а значит он не сможет открыть его своим ключом.

Гарри Хепберн в сердцах чертыхнулся.

Макс Финчер засмеялся:

– Господи, как все просто! Ключ подходит не к каждому замку, на то он и ключ. А Гейру Кингу меняли саквояжи вместе с ключами. Кстати, мисс Абигайль, если вы нашли такой легкий доступ к телу Гейра и его баулу, не проще было бы

забрать у него деньги еще в Литл-Сити?

– К сожалению, нет. Во-первых, самую крупную сумму от фермеров из Большой Долины Гейр получил последней, а что самое важное, потеряв деньги, Гейр Кинг мог устроить настоящую резню в Литл-Сити.

– Верно, – кивнул головой Гарри. – И, честное слово, то, что я вижу сейчас внизу, похоже на чудо.

– Ну, допустим, чудо еще не кончилось, хотя Джоан уже в безопасности. Давайте посмотрим, что будет дальше.

– Интереснее смотреть, когда вы рассказываете, что именно будет, – Гарри Хепберн приложил ладонь к сердцу. – Мисс Абигайль, от всей души...

Слова кончились. Гарри сжал ладонь в кулак и стукнул себя по груди.

Выйдя на дорогу, Гейр Кинг остановился. Он опустился на одно колено, а на второе поставил саквояж. Дакота остановился рядом, но Кинг прогнал его. Он порылся в кармане и вынул ключ. Через пару секунд на лице бандита появилось недоумевающее выражение.

– Ключ не поворачивается в замке, – догадался Макс.

Гейр вытащил ключ из замка и осмотрел его.

– Я видел однажды такой, – сказал Макс. – Довольно хлипкая штучка, рассчитанная на женские пальчики или на руки доктора, – Гарри искательно заглянул в глаза Абигайль и вежливо спросил: – Ключ сейчас сломается, да?

– Или у него погнется борода, – сказала та. – Теперь

Гейр не уверен, что точно знает, в какую сторону нужно вращать ключ. Он слишком устал и слишком раздражен, чтобы вспомнить такие, казалось бы, ничего не значащие мелочи. Сейчас ему кажется, что он повернул ключ не в ту сторону, и это могло испортить непрочный замок.

Гейр снова попытался открыть замок, на этот раз рывком, трясая саквояж, и его правая рука взлетала вверх.

– Есть! – коротко сказал Макс. – Ключ переломился. Теперь остается последнее средство – нож. Распотрошить этот баул дело одной секунды.

Пятеро мужчин уже стояли возле дилижанса и смотрели на Гейра Кинга. На широком лице Джеба Лесоруба буквально светилась издевательская усмешка.

– Гейр потерял из виду саквояж примерно на минуту, – сказала мисс Абигайль. – Если он попытается сейчас открыть саквояж ножом, это будет признанием того, что он боится...

Шериф наконец-то вспомнил о своей трубке. Он сунул ее в рот и принялся чиркать спичками.

– Страх перед чем, мисс Абигайль?

– Страх, перед тем, что его вот так просто провели и подменили саквояж. С другой стороны, почти невозможно поверить в то, что тот, кто заменил саквояж, мог заранее поджидать телегу в подлеске.

– Ну, не знаю как там насчет всех этих психологических фокусов, – Гарри Хепберн выдохнул пышное облачко ды-

ма. – Но я согласен с вами, мисс Абигайль, в, так сказать, огрубленном понимании происходящего. Гейр попросту боится оказаться в дураках на глазах стольких свидетелей.

Гейр Кинг досадливо махнул рукой и ударил кулаком по саквяжу. Он встал с колена, но направился не к дилижансу, а к горе Святоши Джо».

– Он чертовски злится, – Макс прищурился, с любопытством рассматривая лицо бандита.

– Пусть злится, – из-за очередного облачка дыма ответил шериф. – Если этот стервец рассчитывает, что его брань останется без ответа, он глубоко ошибается. А вам лучше уйти отсюда, мисс Абигайль. Намечается чисто мужской разговор, а, кроме того, если Гейр подойдет ближе, он может увидеть, что вы – не моя племянница. Подождите нас в хижине вместе с Джоан. Теперь уже я даю вам слово, что никто не приблизится к вам ближе, чем на сто шагов.

Абигайль скользнула за спину Макса. Тот сделал шаг вперед. Недобро усмехаясь и не отрывая взгляда от Кинга, он положил руку на кобуру кольца.

– Как делишки, Гейр? – крикнул шериф. – Я думал, ты справишься с этой тележкой за пару минут, а ты чуть ли не полчаса катал ее по дороге.

– Если бы я был уверен, что это твои шуточки, Гарри, – Гейр кивнул головой назад. – Я бы пристрелил тебя.

– Клянусь, что не мои, – простодушно заулыбался шериф. – Я бы выдумал что-нибудь попроще и ты это знаешь.

– А как ты говоришь, зовут того типа из Фенигана, который бросил телегу?

Шериф на секунду замешкался. Он уже напрочь забыл всего пару раз произнесенное Максом Финчером имя, при чем в этой забывчивости было что-то похожее на то, как Гейр забыл в какую сторону нужно вращать ключ.

– Филипп Рассел, – мгновенно подсказал Макс. – Но я боюсь, что у тебя не примут заявления в суд, Гейр. Филипп бросил свою телегу, потому что у нее сломалось колесо. Как видишь, это уважительная причина.

Гейр Кинг усмехнулся.

– Из тебя получился бы неплохой адвокат, бывший святоша. По крайней мере, ты хорошо помнишь имена, и кое-что соображаешь в причинах, – Гейр поставил ногу на большой валун, швырнул саквояж на землю рядом и оперся на колено локтем. – Вам очень повезло, что я не верю ни в Бога, ни в черта и даже в то, что человек может играть обстоятельствами, как шашками на клетчатой доске, – Гейр вытащил из ножен ярко сверкнувший на солнце нож и, продолжая усмехаться, подкинул его. – Теперь я хорошо понимаю что, поставив меня в дурацкое положение, вы хотели сделать из меня испуганного дурака и это у вас неплохо получилось.

Какое-то время Гейр смотрел на саквояж, как смотрит мясник на растолстевшую свинью. Пальцы бандита нервно передирали рукоятку ножа.

– Забавно!.. – уже чуть тише сказал он. – Я уже не пом-

ню, когда кто-нибудь смеялся надо мной и, наверное, это... – Гейр задумался, подыскивая нужное слово, – не совсем привычно для меня, что ли? Говорят, у китайцев есть поговорка про человека, потерявшего свое лицо. Никогда не думал, что представляет собой моя физиономия, но сегодня я вдруг понял, как тяжело, а точнее, больно терять ее. Этот «скальп» слишком дорого стоит.

Гейр вложил нож в ножны и выпрямился.

– Так вот, господа законники, собственно говоря, у меня есть к вам одна маленькая просьба. Больше никогда и ни при каких обстоятельствах не появляйтесь на горе «Святоши Джо», если я и мои ребята находимся где-то поблизости. Вы хорошо поняли меня, шериф?

– Это угроза, Гейр? – лицо Гарри стало сердитым.

– Не только и не столько. Вам не нужны неприятности, мне – тоже. Если у вас есть ко мне какие-то вопросы, вы можете вызвать меня в Литл-Сити. А теперь до свидания, господа!..

Гейр Кинг снял шляпу и шутливо поклонился.

– Подождем, пока дилижанс уйдет, – тихо сказал Гарри Хепберн Макс. – Черт его знает, этого проходимца, может быть, у него не хватит терпения и он вскроет саквояж в дилижансе.

– Мало вероятно, шериф, – так же тихо ответил Макс, внимательно рассматривая спину удаляющегося Гейра. – Во-первых, Кинг не любит показывать деньги людям, считая,

что это может ввести в соблазн их шаткие души, а, во-вторых, он не даром упомянул китайскую поговорку. Я бы дополнил ее следующей мыслью: никогда не поздно потерять лицо, если чешутся руки.

Шериф протянул Максу кисет.

– Вы же знаете, я не курю, Гарри.

– А ты только понюхай, Макс, – заулыбался Гарри. – После такой переделки, за которой наблюдаешь как зритель, хотя рука так и тянется к кольцу, мужчине трудно без табака. – Гарри с наслаждением выпустил струйку дыма и замотал головой. – Ай, да Абигайль, ай, чертовка!.. Я уже забыл, когда целовал руки милашкам вроде нее, но сегодня я сделаю это с огромным удовольствием. Она показала нам сегодня самый настоящий цирк, Макс. Понимаешь?.. Самый что ни на есть настоящий!

11.

В хижине, за покосившимся столом, сидела только Джоан. Перед ней лежал розовый, продолговатый конверт.

– А подружка твоя где? – весело спросил племянницу шериф. – Мы проводили гостей и я готов, как истинный джентльмен, наговорить мисс Абигайль кучу комплиментов. Не знаю, будет ли большая драка в банде Гейра, но уже одно то, что сегодня он как лошадь, таскал телегу с бревнами, здорово позабавило меня.

Джоан молча показала глазами на конверт.

– Что это? – насторожился шериф. – Макс, там, кажется какая-то писанина, прочитай ее, я забыл свои очки.

Макс взял в руки конверт.

– Это вам, шериф.

– Читай, читай!.. – в глазах Гарри появилось беспокойство. Он осмотрел хижину, словно все еще искал глазами Абигайль.

«Ты еще за печку загляни», – подумал Макс.

Гарри и в самом деле подошел к печке, но не стал в нее заглядывать, а выдохнул в ее открытый зев облачко табачного дыма, затем выгнул шею и зачем-то попытался заглянуть в трубу.

Макс вскрыл конверт и пробежал глазами первые строчки.

– Ну?.. – нетерпеливо спросил Гарри.

– «Дорогой мистер Хепберн! – начала читать вслух Макс. – Наши довольно забавные разговоры о причинах, следствиях и обстоятельствах мне хотелось бы закончить, все-таки убедив вас в том, что философские категории ничего не стоят без веры или, если вам угодно, ее позолоты – доверия. Мне посчастливилось (точнее, повезло) оказать небольшую услугу вашему старшему брату Чарли и он решил, что я могу помочь и вам. Уважаемый и простодушный мистер Гарри Хепберн! Мне стоило большого труда не расхохотаться, наблюдая сначала за вашим недоверием, а затем

за желанием – именно за желанием переходящим в веру! – обмануть Гейра Кинга. Неужели вы и в самом деле поверили, что можно заранее рассчитать, как станут бандиты возле телеги, где именно они вытолкнут ее с дороги и как поведет себя Гейр Кинг? Теперь попробуйте поверить в прямо противоположенное: цирковые фокусы, не только долго готовятся, но, главное, сами артисты хорошо знают свои роли.

Я знаю, вы сможете поверить и в это. Ведь вам так и не пришла в голову простая мысль, что я заранее договорилась с одним из бандитов (с кем, вам уже теперь не сложно будет догадаться) и он помог мне поставить этот маленький спектакль. Именно для этого я и посетила Литл-Рич, хотя ваш брат Чарли был уверен (улыбнусь: опять это слово!) совершенно в другом.

Плату за ваш зрительский интерес я забираю себе.

Спасибо вам за все.

С уважением, Абигайль Нортон.

P.S. Уважаемый мистер Макс Финчер! Всегда буду вспоминать вас, а вспоминая, мысленно целовать в щеку, как брата. Вы удивительный человек, Макс. Уверяю вас, наблюдать за вами мне было не менее интересно, чем за Гейром Кингом».

Гарри спокойно выслушал письмо. Когда Макс опустил руку с листком бумаги и вопросительно посмотрел на шерифа, тот, не вынимая изо рта трубки, сказал:

– У нее примерно полчаса фора. Что наши лошади, Макс?

– Стоят внизу, у тропинки. Их было четыре, потому что вы привезли с собой дурацкое кресло-качалку. Но теперь их только три.

Помощник шерифа был слегка бледен и, судя по выражению глаз, растерян как юный пастор, впервые столкнувшийся с тяжким и еще неизвестным церкви грехом.

– Тогда какого черта мы еще здесь, Макс? – повысил голос шериф.

Гарри ни разу не взглянул на Джоан, хотя девочка попыталась привлечь его внимание. Шериф не высказал любимой племяннице ни слова упрека за то, что она так легко обменяла саквояж с деньгами на бесполезный конверт. Подойдя к ней как-то боком, чтобы не видеть ее лица, Гарри слегка подтолкнул племянницу к двери:

– Мы поговорим потом, Джоан, – в голосе шерифа не было ни досады, ни раздражения. – Она мне за все ответит. И мало ей не покажется!..

Лошади у подножья горы были на месте, но их ноги были опутаны сложными веревочными петлями.

– Еще пять минут фора, – констатировал Макс.

– Две, если ты достанешь свой нож! – рявкнул шериф.

– Вы же знаете, что моя Пегая не выносит вида ножа, после того, как пьяный бродяга ткнул им ее в шею.

Пока Макс возился с узлами веревки, фора, о которой говорил шериф, выросла на пятнадцать минут.

Дорога за горой «Святоши Джо» была узкой, а местами продиралась через высокие заросли кустарника. Гарри Хепберн часто оглядывался, боясь потерять из вида Джоан, то и дело сдерживая лошадь, и потерял еще верных десять минут. Только выходя к Совиному ручью, дорога становилась настолько широкой, словно исчезала вообще.

Гарри Хепберн немного успокоился. Он знал свою цель и уже решил, что достигнет (точнее, настигнет) ее в любом случае.

«Ошибка этой дамочки заключается в том, что она посчитала меня за сельского дурачка, – думал Гарри. – Что ж, теперь и я попробую доказать ей прямо противоположенное».

С каким именно бандитом заранее договорилась о своем «спектакле» Абигаиль Нортон Гарри Хепберн и Макс Финчер поняли сразу – это мог быть только Джеб Лесоруб. Дакота был слишком глуп, Гейру Кингу не зачем было воровать у самого себя деньги, а вот Джеб... Когда саквояж упал с бревна, на которое поставил его Гейр, он оказался на дне телеги уже перед носом Лесоруба. И если Дакота и Гейр, толкая телегу, опускали головы, как перегруженные мулы, то Джеб упирался в борт телеги могучей грудью. Он великолепно видел саквояж.

«Вот это-то и рушит весь фокус с неким фантастическим предвидением этой хитрой чертовки, черт бы ее побрал, – рычал про себя Гарри. – Но представление просто так не кончится!..»

У переправы через Совиный ручей лошадь Джоан вдруг стала на дыбы, не желая идти в воду. Возможно, она увидела змею, возможно, просто решила показать свой не до конца укрощенный нрав, но широкий ручей пришлось переходить, ведя лошадей на поводу. Гарри Хепберн потерял еще верных пять минут...

12.

Чарли Хепберн стоял посреди центральной площади.левой рукой он держал за повод свою лошадь, а правой еще издали помахал Гарри.

– Какого черта ты оставил мое кресло в хижине «Святоши»? – закричал он Гарри. – Я работал над ним целую неделю совсем не для того, чтобы в нем отдыхал какой-нибудь невымытый и пьяный бродяга.

Гарри остановил разгоряченного коня.

– Где она? – коротко бросил он.

Чарли делано удивился:

– Кто? – но его губы тут же стала растягивать улыбка. – Ты кого-нибудь ищешь, братик?

Макс и Джоан остановились чуть сзади Гарри. Горячая молодая и горячая лошадка Джоан нервно перебирала копытами. Макс поймал ее за повод и успокоил.

– Я убью эту цирковую стерву! – Гарри забыл о своих джентльменских манерах и, багровея лицом, добавил: – По-

вешу на центральной площади!

– Мисс Абигайль все-таки достала тебя? – Чарли захохотал. – Во-первых, я это знал, а, во-вторых, твоя привычка уместовывать, Гарри, может вывести из душевного равновесия даже святого. Теперь слезай-ка со своей лошадки и давай спокойно обо всем поговорим.

Гарри метнул на брата гневный взгляд.

– Ты... – начал он, но слова вдруг разом выскочили из его головы, и он повторил: – Ты!..

– Я, это я, Гарри, кто же еще? – миролюбиво подтвердил Чарли. Он нагнулся и поднял с земли стоявший у ног саквояж и показал его брату. – Если ты волнуешься о деньгах, Гарри, то, как видишь они на месте. Но главное, что час назад этот же саквояж вдруг оказался на пороге дома старого мерзавца Айка Деверо. Аик как раз возвращался домой после своего всегдашнего сидения за занавеской в пивной и – честное слово! – сошел с ума, увидев этот саквояж на пороге своего дома. У мисс Абигайль определенно есть художественный вкус: она положила саквояж на бок, так, чтобы были видны высыпавшиеся из него деньги. Представляешь картинку, братик?.. Саквояж лежит на боку и из него, как из какого-нибудь волшебного сундука течет золото.

Чарли сделал небольшую паузу, пока Макс Финчер слезал с лошади и помогал сойти Джоан. Улыбка на лице шерифа Чарли стала едва ли не по-домашнему добродушной. Что же касается Гарри, то он только хлопал глазами и смотрел на

брата так, словно видел его впервые.

– Так вот, – продолжил Чарли, когда Джоан перевела свой внимательный взгляд на его губы. – Айк Деверо действительно сошел с ума. Может быть, потому что никто и никогда вот так запросто не приносит и не ставит на порог чужого дома сумку с деньгами, а может быть потому, что... – Чарли хмыкнул, чуть нагнул голову и почесал кончик носа. – ... потому что когда исполняются главные мечты мерзавца, он вдруг понимает, что они не исполняются просто так. За них нужно платить. Я не знаю в деталях, что и как рассчитала мисс Абигайль, ведь ты знаешь, что она неохотно рассказывает о своих планах, но она рассчитала все очень точно.

Гарри Хепберн переводил недоумевающий взгляд с лица брата на саквояж и обратно. Глаза шерифа Нью-Ричмонда «тикали» как глаза механического кота в дешевых часах-хот-диках.

– Ты открывал саквояж? – с недоверием спросил он.

– Мисс Абигайль открыла его шпилькой за пару секунд. Я уже сказал, Гарри, что на пороге дома Айка Деверо саквояж лежал полуоткрытым.

– Я хочу сказать, деньги...

– Они целы до последнего доллара.

Гарри в сердцах плюнул и попал между ушей своей лошади.

– Так вот, – продолжил свой рассказ Чарли. – Все знают, что Айк боялся возвращения своего бывшего дружка Длин-

ного Гарриса. Иначе, зачем ему было подсматривать из-за занавески в салуне и ждать гостя? Но, наверное, было и еще что-то такое, что до конца не понимал сам Айк, и что беспокоило его только в кошмарных сновидениях, – Чарли поднял саквояж. – Мисс Абигайль посчитала, что это была вот эта сумка, которая оказалась на пороге дома Айка. Я хорошо помню, что у покойного доктора Коллинза была точно такая же... И когда Айк увидел саквояж, он понял, что за ним пришли – Длинный Гаррис или покойный доктор, уже без разницы – но пришли. Вот тогда Айк и съехал с катушек от страха и злости. Он выхватил свой кольт и принялся палить во все стороны. Он ранил случайного прохожего в руку и разбил два окна у миссис Брайн.

– А потом ты пристрелил его на законных основаниях, – оборвал речь брата Гарри.

– Пришлось, – Чарли снова заулыбался. – Я тут прогуливался неподалеку со своими ребятами, и когда мисс Абигайль ушла...

– Куда? – все-таки поинтересовался Гарри, хотя уже отлично понимал бессмысленность этого вопроса.

Чарли махнул рукой в сторону вокзала.

– У нее был билет на поезд. Мисс Абигайль Нортон уехала, Гарри. А я не стал спрашивать, куда. Главное, что Айк Деверо уже в аду. Не обижайся на меня, Гарри, но это было наше общее с тобой дело. Доктор Коллинз был прекрасным человеком, и было бы огромным грехом оставить его гибель

без наказания. Эти деньги, – Чарли протянул Гарри саквояж, – отдай ребятам из Большой Додины. Мисс Абигайль и не собиралась претендовать на них. Но не слишком спеши. Гейр Кинг еще должен устроить большую разборку в своей банде. Я уверен, что она будет. Такие вещи, как «цирк» мисс Абигайль, никогда не ставятся просто так...

13.

Чарли ушел проводить Джоан домой. Гарри и Макс остались на площади одни. Гарри Хепберн молча рассматривал свои сапоги, а Макс потупленное лицо своего шефа.

– Абигайль просчитала нас всех, Гарри, – наконец заговорил Макс. – Она угля даже то, что Джеб Лесоруб не скажет о забытом в телеге саквояже Гейру, потому что ненавидит его, предчувствуя свою скорую смерть. И именно Джеб остановил Кинга своей усмешкой, когда тот подумал, не вскрыть ли ему саквояж ножом. Ведь Гейр действительно боялся стать посмешищем. Помнишь, как говорила Абигайль?.. Есть причины и следствия, а есть обстоятельства, при которых они происходят. – Макс на секунду замолчал. Он почесал лоб, светло улыбнулся и сказал: – Нет, как она нас сделала, а Гарри?!.. А самое смешное то, что сейчас я чувствую себя абсолютно свободным. Да, нелепым, да, глупым и даже смешным, но все-таки свободным. Такое ощущение, что я долго сидел в грязной хижине «Святоши Джо», тупо смотрел в

грязное окно, и только теперь пинком выбил дверь, – Макс вытащил из кобуры кольт, взял его за ствол и протянул шерифу. – Я ухожу, Гарри. Надеюсь, Бог простит блудного сына и будет не очень строг со мной. Абигаиль права, вера может превратить человека в глупца, но сейчас я понял, что человек, если он хочет быть свободным, немислим без веры. Это очень узкая и трудная дорога, Гарри, но я хочу идти именно по ней. Лучше оказаться в дураках с верой в душе, чем с пустыми руками.

Гарри Хепберн усмехнулся и не поднял глаз.

– Я понял все, как только ты заговорил...

– Я боюсь, что ты не все понял, Гарри, – Макс сел на лошадь. – Но время удивительная штука, а «фокусы» мисс Абигаиль не кончаются просто так. Я почему-то уверен, что когда мы встретимся с тобой в следующий раз, ты расскажешь мне довольно занимательную историю.

Макс пришпорил коня. Какое-то время Гарри смотрел вслед своему бывшему помощнику, а потом вздохнул и погладил по крупу своего коня.

– Домой не хочется, – пожаловался он. – Когда у Джоан не хватает «слов», она начинает кидать в меня предметы. И чем старше она становится, тем чаще это происходит, а штуки, которые она в меня швыряет, становятся все тяжелее. Нужно поговорить с Чарли. Иногда Честный простак понимает кое-что лучше такого Умника как я...

Своего брата Гарри нашел на вокзале. Чарли сидел на лавочке на открытом перроне и дремал, сдвинув шляпу на лоб. Рядом с шерифом ошивались четверо его дюжих ребят. Двое из них внимательно изучали расписание поездов, а вторая пара бродила по перрону, лениво о чем-то переговариваясь.

Гарри сел рядом с братом.

– Что?.. – не поднимая головы, спросил тот. – Поезд идет?

– Ты кого-нибудь ждешь, Чарли?

– Так... Одного типа. В сущности, в своих мерзких наклонностях он почти не уступает Гейру Кингу, и мне, опять-таки не без помощи мисс Абигайль, стоило большого труда заманить его в твой город.

Гарри чуть было не уронил трубку, которую только что вытащил из кармана.

– Мисс Абигайль уехала, но ее дела идут дальше, уже без ее непосредственного участия? – не без иронии, спросил Гарри.

– Без ее, – легко согласился Чарли. Он выпрямился, сдвинул шляпу на затылок и сладко потянулся. – Это удивительная женщина, Гарри. Если бы она стала преступницей, то я, как честный человек, был бы вынужден пустить себе пулю в лоб.

– Зачем?

– Затем, что Честный Чарли всегда держит свое слово и

ловит бандитов. Ну, а поскольку честное слово, которое я рано или поздно был вынужден дать в отношении мисс Абигайль, так и осталось бы только словом, у меня не было бы другого выхода.

Чарли замолчал, всматриваясь в полосу рельсов уходящую за далекий поворот.

– Кажется, поезд идет, – шурясь, сказал он.

– Слушай, Чарли, я хотел поговорить с тобой насчет Джона, – быстро заговорил Гарри. – Во-первых, она не только моя племянница, а, во-вторых, я уже не знаю, что с ней делать.

– С ней ничего не нужно делать. Просто отдай ее замуж за Фрэнка Дарби.

– За пьяницу-сапожника? – уточнил Гарри.

Его трубка наконец-то пыхнула дымком, при чем вкус табака показался Чарли довольно ядовитым.

– Знаешь, братик, что сказала бы на твои слова мисс Абигайль?

– Что я домашний тиран?

– Нет, что ты гордец, каких свет не видел, – Чарли встал и принялся разминать спину, покачиваясь вперед-назад и держась руками за поясницу.

– Я – гордец? – искренне удивился Гарри.

– Именно ты... И хватит об этом.– Чарли сделал шаг вперед и невольно поморщился. – Вот чертовы дороги!.. Я проскакала сегодня всего-то сорок миль, а уже превратился в

старую развалину. Гарри, как ты думаешь, как скоро наши ученые умники изобретут маленькие паровозики, чтобы на них можно было безболезненно передвигаться по проселочным дорогам?

– К черту паровозики и дороги! – возмутился Гарри. – Давай поговорим о Джоан.

– Перестань быть заносчивым как английский лорд и все наладится.

– Значит, ты считаешь, что все проблемы только во мне? Чарли, уже успевший сделать целых четыре шага, оглянулся на брата. На его лице было самое честное выражение удивления.

– Конечно, только в тебе, Гарри. А в ком же еще? Мисс Абигайль так и сказала мне... – Чарли вдруг смутился и замолчал.

– Что она сказала?

– Ну, в общем, что ты... Ты только не удивляйся, хорошо? Короче говоря, она сказала, что ты похож на клубок перепутанной пряжи. Из этого клубка торчат десятки кончиков, но за какой из них не потянешь, клубок затягивается еще туже.

– А клубок пряжи и есть моя гордость?

– Господи! – Чарли засмеялся и воздел руки к небу. – Гарри, да перестань же ты мучить сам себя. Говоря твоим научным языком, любой человек хотя бы иногда должен быть и причиной и следствием своих поступков. И ну их к черту, эти запутанные клубки!.. Постарайся быть просто сво-

бодным человеком.

«Говорит как Макс, – подумал Гарри и не удивился этому. – Мисс Абигайль Нортон достала всех, кого только смогла достать».

15.

...Прибыл поезд и уже через пару минут парни Чарли подвели к нему высокого джентльмена в темных очках и остренькой, неумело приклеенной и съехавшей на бок, бородачкой. Джентльмена предусмотрительно держали за руки.

– А вот и Длинный Гаррис, – широко заулыбался Чарли. – Взгляни, Гарри, по-моему, он здорово изменился. Ты как считаешь?

Гарри Хепберн явно неодобрительно осмотрел Гарриса с ног до головы.

– Не знаю, – он пожал плечами. – Но физиономия у него такая же мерзкая. Зачем он здесь, Чарли?

Джентльмен сделал попытку вырваться и его успокоили ударом кулака в спину.

– Видишь ли, в чем дело, Гарри, шесть дней назад, сразу после нашего разговора в Фенигане, Длинный Гаррис получил телеграмму, что Аик Деверо умер. Разумеется, мистер Гаррис не смог бы вот так, запросто, поверить простой бу-мажке, но поскольку телеграмму подписал я, он все-таки поверил. А потом и решился!.. Правда, Гаррис всегда очень ак-

куратен в своих делах, и он решил выждать шесть дней, чтобы о смерти Айка успели подзабыть. Согласись, Гарри, ну не стал бы я околачиваться целую на вокзале, в надежде встретить старого убийцу. Это уже слишком. Но теперь – через шесть дней – мистер Гаррис все-таки приехал, чтобы поискать потерянное золото.

Гарри Хепберн немного подумал. В его мозгу промелькнуло имя Абигайль Нортон, а точнее говоря, ее улыбка.

– Ну, все это понятно, кроме одного, Чарли. Почему ты решил встретить Длинного именно сегодня?

– Я уже говорил, прошло шесть дней, Гарри.

– И что?

– Длинного Гарриса очень часто называли «шестеркой» Деверо. Явившись в Нью-Ричмонд именно на шестой день после смерти своего дружка, Гаррис, как бы... – Чарли зашелкал пальцами, с трудом подбирая нужные слова. – В общем, он... Короче говоря, это можно расценить как месть за унижение и страх перед Деверо, понимаешь?

– Это тебе Абигайль подсказала?

– Ну, разумеется! Кто же еще мог придумать такой фокус? – Чарли потрепал Длинного Гарриса по плечу. – Ну-ну, не расстраивайся, старина. Признаться, я не очень-то верил в эту идею, но чем черт не шутит?.. Правда, Длинный? Кстати, я нашел еще одного свидетеля убийства доктора Тима Коллинза.

Гаррис криво усмехнулся.

– Честный Чарли все-таки соврал и Айк Деверо жив? – сиплым от волнения голосом спросил он.

Чарли распрямил плечи и выкатил вперед широченную грудь. В его глазах блеснул горделивый огонек.

– Честный Чарли никогда не лжет! – едва ли не по слогам, четко произнес он. – Айк Деверо умер, мистер Длинный, но он умер не в прошлый вторник, а всего три часа тому назад. Ты зря ждал и высчитывал время. Впрочем, если бы ты смог простить своему бывшему другу его отношение к себе, как к «шестерке», возможно, тебе и удалось бы проскочить мимо меня.

Гаррис презрительно плюнул под ноги.

– Да пошел ты со своей дурацкой честностью, Чарли.

Его рванули за руки, развернули лицом к входу в вокзал и увели.

– Вот ведь мерзавец! – сказал Чарли, провожая долгим взглядом худую спину. – Хотя, нужно отдать ему должное, имея в перспективе хорошо намыленную веревку, он неплохо держится.

– Может быть, он просто устал?

Чарли с удивлением посмотрел на брата.

– Устал от чего?

Гарри впустил густейшее облачко дыма и его голос прозвучал из него, как из настоящего облака.

– Устал от всего, Чарли. Человек так устроен, что он должен сопротивляться окружающей среде. Он пашет землю и

строит дома, грабит на больших дорогах и теряет награбленное на финансовых спекуляциях, он растит детей и надеется, что они будут счастливее его. Но приходит время и человек вдруг понимает, как мало стоят все его усилия...

Чарли покачал головой, и в его взгляде на брата промелькнула улыбка.

– Возможно все и так, но зачем так уж надрываться, Гарри? Например, я не думаю, что мисс Абигайль прилагала какие-то особые старания, чтобы помочь нам. Мне вообще кажется, что все, что она сделала для нас, для нее самой было не более чем игрой. – Чарли нагнул лобастую голову и почесал затылок. – Но, охотно признавая всю чудесность этой игры, я, наверное, никогда не пойму, что пряталось там, за ней.

– Это только Макс Финчер и понял.

Взгляд Чарли замер на грустном лице Гарри.

– Он ушел от тебя?

Гарри кивнул.

– И Джоан тоже уйдет. Теперь я сижу на лавочке – одинокий и старый – и готов проклинать эту чертову мисс Абигайль Нортон.

Широкая ладонь Чарли легла на колено брата.

– Не расстраивайся так уж сильно, Гарри. В конце концов, кто сказал, что чего-то стоят только игры мисс Абигайль? А мы сами, Гарри? Тебе не кажется, что нас тобой рано списывать со счета еще не подписанного Господом Богом?

Письмо Чарли Хепберна написанное преподобному отцу Максу Финчеру спустя полтора года после описываемых выше событий:

«Святой отец Максимилиан, восхищен вами и не нахожу слов, чтобы выразить свой восторг. Слава о вашем великом чуде, совершенном в Нешвилле, наверное, дошла уже до самого Чикаго. Улыбаюсь, радуюсь и славлю Бога!.. Толпа, святой отец, толпа знает все во всех подробностях, и даже не будучи Нешвилле, я ясно вижу, как в светлом храме вы протягивали на руках маленькую, умирающую девочку к образу Божьему и как оттуда, сверху, к малышке вдруг потянулись солнечные лучи в виде Божьих дланей. Возликуй стадо, узревшее своего Пастыря! Ибо чудо есть взаимная радость, как земная, так и небесная и вы – преподобный Макс Финчер – творили не только радость во всех ее проявлениях, созидали не только чудо исцеления, преодолевающее цепкое и земное бытие, но и саму веру в Отца Нашего Небесного.

С другой стороны, уже хорошо зная ваше весьма ругательное (даже, я бы сказал, пренебрежительное) отношение к «нешвилльскому чуду», я хотя и доверяю тому, о чем чешет языками толпа, но подобно Фоме Неверующему, когда-то прикоснувшемуся к ранам Христа, вижу совсем иную картину спасения бедной девочки. Скорее всего, вам принесла до-

мой умирающую малышку какая-нибудь сердобольная прихожанка. Наверное, был уже вечер и на улице лил дождь... Прихожанка рассказала вам о пьянице-матери малышки и, я не сомневаюсь, что она смотрела на вас так же, как смотрел вышеупомянутый Фома.

Да, святой отец, чудо есть радость, вдохновение и свет. Но я почему-то думаю (и вижу!), как ты в одиночестве всю ночь метался с девочкой на руках по комнате и, шепча одну молитву за другой, искренне, до отчаяния, не знал, что тебе нужно сделать еще, чтобы спасти крошку. Ты не мог остановиться, и ходил-ходил-ходил потому, что тебе казалось, что если ты положишь девочку на койку, она тут же умрет, а если ты перестанешь молиться, она умрет еще быстрее. Ты ощущал ее тепло через свою ночную рубашку и с ужасом думал о том, что это крохотное тельце вот-вот станет холодным, чужим и отошедшим в тень от только что дарованной ему Господом жизни.

Я знаю тебя, Макс, ты не боишься смерти, но в ту секунду ты так отчаянно ненавидел ее, что был готов отдать свою жизнь, за жизнь чужого ребенка. Сколько же ты выдержал в ту ночь бестолковой беготни и неистовой веры, святой Макс Финчер?.. Четыре часа, семь или все двенадцать, и сколько раз ты прочитал «Отче Наш»: тысячу, две или – что уж совсем невозможно! – все пять?

Возрадуйся же, отче, ибо совершилось желаемое тобой! Короче говоря, передай привет крошке Катрин и тем пяти

ребятишкам, которых тебе вскоре натащили со всей округи. Знаешь, как тебя теперь называют?.. Святым отцом шести детей. И, пожалуйста, не оправдывайся тем, что, мол, ты только создал приют для сирот. Во-первых, сироты не спят в кровати начальника приюта, а тот не устраивается на ночь где-нибудь на дерюжке у камина, и, во-вторых, насколько мне известно, начальники приютов и не играют с детьми в лошадок, выдерживая на своем горбу счастливую и орущую толпу маленьких головорезиков.

Макс, Макс, святой Макс!.. Как же тебя перевернуло-то, а? Мне остается только улыбнуться твоему счастью, и уменю быть и святым, и доброй лошадкой. Совет старого шерифа: будь с детьми все-таки поостроже. Ну, хотя бы в том смысле, чтобы они научились отличать человека от лошади.

Покинув Нью-Ричмонд, ты словно забыл о нем, Макс. Между тем, я все-таки хочу тебе рассказать, чем закончилась вся эта кутерьма с бандой Гейра Кинга. Мисс Абигайль Нортон оказалась права: Гейр смог выдержать всего неделю, а потом его ребята безапелляционно (это новое слово я в суде недавно слышал) потребовали дележа денег. Если бы Гейр решил схитрить и как-нибудь по-тихому уладить это дельце, возможно, ему и удалось бы избежать большой стрельбы, но после встречи с мисс Абигайль, нервы его стали совсем ни к черту. Он никак не мог понять, как из запертого саквояжа, который исчез из поля зрения всего-то на минуту, пропали

деньги. Впрочем, как я понимаю, тут речь идет не столько о понимании, сколько о вере. Гейр, может быть, и хотел поверить, что засаду можно устроить таким образом, чтобы телега с саквояжем оказалась в нужном месте, в нужное время, но так и не смог. Ему мешало все: ухмыляющаяся физиономия Джеба Лесоруба, тупая уверенность Дакоты, что деньги никуда не пропадали, и даже сам саквояж, который Гейр рассматривал каждый вечер и никак не мог вспомнить, та ли эта штука, которую он купил в Литл-Сити, или какая-то сволочь все-таки ловко ее подменила. Но в Литл-Сити деньги-то были на месте!..

Стрельба в банде Гейра началась неожиданно, а потому и стала бессмысленной и кровавой. Говорят, что злой как черт Лесоруб, продолжал палить в разные стороны даже с дюжиной пуль в теле. Дакота убил восьмерых, но все-таки поймал и свою пулю, при чем точно в лоб. Раненный Гейр застрелился сам, видя, что если его бывшие дружки возьмут его в плен, ему придется долго (а возможно, очень и очень долго) отвечать на их дурацкие вопросы. Остатки банды Гейра попытались наладить деловые связи с ребятами Кривого Бена, но то ли Гейр Кинг заразил своих парней излишней подозрительностью, то ли им просто не повезло, но деловая встреча плавно перешла сначала в поножовщину, а потом и в стрельбу. В результате Кривой Бен и десяток его ребят покинули этот мир, и я не скажу, что они отправились в лучший. Но Бог им судья, святой отец Макс Финчер. По этому поводу,

у меня нет ни радости, ни сожаления. Во-первых, такая уж ли радость ловить вооруженных до зубов мерзавцев и рисковать хорошими ребятами, а, во-вторых, мне никогда не нравились наши суды, которые слишком часто заканчиваются хорошо намыленной веревкой. Суд суду – рознь. Стоит ли долго мучить человека, заранее зная приговор?.. Как сказала мне однажды мисс Абигайль, если вопрос имеет только один ответ, он перестает быть вопросом.

Теперь я немножко расскажу тебе о своем братце Гарри. Ты знаешь, Макс, он здорово изменился в последнее время, и особенно когда наша дорогая Джоан (теперь она миссис Джоан Дарби) наконец-то разрешилась двойней. Гарри счастлив, очень деятелен и, я бы сказал, даже суетлив, а его восхищение близняшками не знает разумного предела. Гарри готов вызвать на дуэль (или перестрелку без правил) любого, кто не согласится, что это самые чудесные, самые очаровательные и самые милые дети на свете. К моему удивлению, отношения с Фрэнком у него сложились почти отцовские, и Гарри выдает Фрэнку (увы, но издержки профессии сапожника общеизвестны) бутылку виски в неделю. Мистер Фрэнк Дарби совершенно свободен в своем выборе: он может выпить ее всю залпом или (приделав к ней соску, по совету Гарри) растянуть на пару дней. Хотя, честно говоря, я не замечал за мужем Джоан какой-то особенной, болезненной склонности к спиртному и почти уверен в том, что Гар-

ри мучают фантазии. Но если бы с Гарри произошло только это!.. Он почти забросил свою работу шерифа, возложив ее на Питера Донна, довольно шустрого, честного, но любящего пострелять без повода малого, а сам занялся – ты не поверишь – сапожным бизнесом. Уже сейчас в мастерской Гарри трудятся два десятка наемных работяг, включая нищую (точнее, бывшую нищую) вдову Хиншоу и ее старшего сына. Если Фрэнк Дарби занят непосредственно производством обуви, то Гарри возложил на себя развитие производства и, по его словам, «грандиозные перспективы». Не знаю, насколько удачно все это у него получится, но уже сейчас фирма Гарри кроме обуви делает детские куклы, резиновые мячики и даже мягкую обивку для кресел для крупной фирмы в Чикаго. Впрочем, обувь так и осталась самой главной сумасшедшинкой в голове Гарри, и он буквально одержим ей. Совсем недавно Гарри арестовал одну проезжающую через Нью-Ричмонд красавицу-леди, и она провела босиком целых три часа в компании не очень умного Питера Донна. А в это время Гарри изучал «устройство» (это его слово) модных женских башмачков. Судя по всему эта модель так понравилась Гарри, что леди стоило немалого труда доказать, что те мужские, растоптанные башмаки неопределенного размера, которые пытается вручить ей шериф, совсем не ее. Я боюсь, что если бы не вмешательство Питера Донна, Гарри все-таки удалось настоять на своем.

Тебя не утомило мое многословие, святой отец? Не сомневаюсь, что ты ждешь от меня парочки слов о мисс Абигайль Нортон, о которой до сих пор я упомянул только вскользь.

Увы, Макс, я почти ничего не знаю о ней. После того, как банда Кинга развалилась, я собрал с ребят из Большой Долины семьдесят восемь долларов в качестве награды за его голову и попробовал разыскать нашу героиню. Поиски, к сожалению, окончились ничем. Цирк Абигайль Нортон отбыл на север, а у меня слишком много дел дома, чтобы тратить месяц, а может и больше на его поиски.

Но мне удалось узнать кое-что о ней. Оказывается, тот профессор, перемножающий за пару секунд головоломнее цифры – ее отец, а акробаты – двоюродные братья. Как я понял, мисс Абигайль не может оставить этот уродливый цирк из-за жалости к отцу и братьям. И она тащит этот «воз» ничего не прося в замен... Удивительнейшая женщина! Ты можешь смело посмеяться надо мной, но я всегда вспоминаю мисс Абигайль в своих неумелых молитвах. В ней есть что-то такое, Макс, чего мы все либо лишены полностью, либо то, что еще осталось, едва теплится в нас. Нет, я имею в виду не ее «фокусы» там, на дороге, возле горы «Святоши Джо» и городе, а совсем-совсем другое... Я и сам толком не знаю что именно. Не хочу быть похожим на Гарри в его умствованиях, но иногда мне кажется, что в такие минуты меня одолевает тоска и по Богу, и по какому-то совершенно неведомому нам и куда более совершенному миру и человеку.

Знаешь, что я думаю?.. Мисс Абигайль помогла мне ради своего отца, а я помог Гарри, потому что все-таки люблю этого полудур... (зачеркнуто) доморощенного философа. Ты всегда старался помочь Джоан и Фрэнку, а Гарри (не говори ему об этом!) никогда не забывал вдову Хиншоу и ее детишек. Мы все связаны, Макс, понимаешь? Не в совершенстве человека тут дело, а в том, что если эта связь вдруг прервется, во что мы все тогда превратимся? В прах и в сыпучий песок?

И именно в мисс Абигайль я вдруг почувствовал, что этого не случится никогда. Могу споткнуться я, Честный Чарли, можешь разозлиться ты, святой отец, даже ласковая и терпеливая Джоан может замахнуться на Гарри веником, и только с мисс Абигайль не может произойти ничего подобного. Вот что я понял и почувствовал в ней, а не ее какие-то особенные «счетные» способности в создании той или иной ситуации.

Разве дело в этих ситуациях, причинах и следствиях, дорогой Макс?.. Сто раз нет! Мне уже за шестьдесят, я не трус и мне бы давно пора получить свою пару пуль, что, надеюсь, рано или поздно произойдет, потому что я не хочу умереть в постели. Но что я скажу Всевышнему, представ перед ним?.. Что я защищал слабых от сильных? Но это была моя работа. Что я никогда не врал? Но это была моя гордыня. И ты знаешь, Макс, а ведь я-то совсем не знаю своей настоящей цены, понимаешь?.. И если там, внутри моей души, спрятана монетка из чистейшего золота, честное слово,

я не знаю, где она лежит и что она из себя представляет. Да этого и никто не знает... Только глядя на мисс Абигайль, я вдруг понял, что эта «монетка» действительно существует. Она есть, Макс, есть!... Она была даже в покойном Гейре Кинге и пусть его хорошенько поджарят черти в аду именно за это – за то, что он потерял то, о чем толком никогда не задумывался. Но не задумывался по своей воле и по своему желанию.

Ну, в общем, это все, святой отец Макс.

Обнимаю тебя. Найдешь время, заезжай ко мне в Фениган или к Гарри в Нью-Ричмонд. Выпьем, поговорим, ну а молиться ты уже без нас будешь. Слишком слабы я и Гарри, чтобы стать рядом с тобой, Макс.

P.S.

Только смотри лоб не разбей, когда за нас, грешных, молиться будешь. Причин для такой травмы, дорогой и любимый Макс, увы, немало. Впрочем, я знаю, что ты давно уже разучился жалеть себя...

С уважением Чарли Хепберн».

Правда жизни

1.

Ограбление почтового дилижанса возле Форт-Стоктона получилось довольно загадочным по двум причинам: во-первых, из четверых охранников и двух почтовых служащих никто не выжил, и, во-вторых, это грязное дельце могла совершить не одна, а две банды. Например, шайка Ховарда Уэсли уже давно кружила возле Стоктона и, хотя была мелковата для крупного налета, всегда отличалась особой, только ей присущей наглостью. Правда, ребята Уэсли были не кровожадны, а одного из почтовых маклеров здорово пытали перед смертью. Бедный малый наверняка был готов выдать не только шифр дорожного сейфа, но и имя своей прапрабабушки, которого он, конечно же, не знал, но которое доподлинно припомнил бы. Да, Ховард Уэсли, как любой другой бандит не любил свидетелей, но его умелые ребята могли запросто вскрыть простенький дорожный сейф, не прибегая к бесчеловечным методам. Например, распотрошить железную коробку при помощи динамита, а на «закуску» всегда шел примитивный ломик или приклад винчестера. Банда Джо Мексиканца, месяц назад здорово потрепанная армейским отрядом полковника Дикса, тоже могла ограбить почта-

рей. Джо был крайне мстителен и после нанесенной ему синими мундирами обиды уже не видел особой разницы между почтой и армией США. Все они – и почтари, и вояки, – работали на правительство, Джо оскорбило именно оно, а этим и можно было бы объяснить ту звериную жестокость по отношению к раненому почтовому служащему.

Тут, правда, стоит заметить, что за неделю до ограбления дилижанса банда Джо сошлась на узкой тропинке с уже упомянутыми ребятами Ховарда Уэсли. На армейском языке такая битва называется «встречным боем» – банды попросту уперлись лбами друг в друга у моста через Совиный ручей. Обычно подобные бандитские разборки заканчиваются беспорядочной стрельбой и быстрым отступлением обеих сторон, но у раздраженного армейской трепкой Мексиканца Джо вдруг разыгралась гордость, и он решил преследовать своего конкурента. У Джо было вдвое больше людей, но половина из них – ох, уж этот бравый вояка полковник Дикс – была неопытными новичками, а когда ребята Ховарда Уэсли поняли, что их преследуют всерьез, им тоже пришлось вспомнить о своей бандитской чести. Джо – атаковал, Ховард защищался и, нужно заметить, выбрал для этого удачную позицию. Пока ребята Джо, вчерашние мексиканские крестьяне, взбирались на Индейское плато, по ним, как в тире палили из-за валунов стрелки Ховарда Уэсли. Ряды наступающих редели на глазах. Но Мексиканец никогда не стал главарем банды, если бы не умел извлекать из рукава пятого туза. Де-

сяток его наиболее опытных парней обошли стрелков Уэсли с тыла, и вскоре уже тем пришлось не столько выбирать мишени внизу, сколько нюхать землю у себя под носом под свист пуль. Джо уже торжествовал победу, но, черт возьми, Ховарда Уэсли тоже умел вынимать выше упомянутых тузов в нужный момент. Парней Джо тоже обошли и тоже с тыла, и хитрецам пришлось вдоволь нанюхаться пыли, при чем для большинства из них это стало последним земным воспоминанием. Короче говоря, не смотря на тупое упорство Джо, схватка закончилась вничью и обе банды уползли в свои норы зализывать раны.

Могли ли Мексиканец Джо или Ховарда Уэсли ограбить почтовый дилижанс после такого кровопускания? И да, и нет. Да потому что и Джо, и Уэсли понимали, что для того, чтобы их люди не разбежались или не устроили бунт в виде перевыборов главаря, им позарез нужно было успешное обстрепанное дельце. Пока парни не пришли в себя и не стали шепотом задавать друг другу так называемые правдивые, но каверзные вопросы, их необходимо было бросить в новую драку. Но тут вставал еще один вопрос: как заставить людей снова поверить в удачу, ведь половина из тех, кто недавно свято верил в нее, прямиком отправились на тот свет?..

Кто и как отвечал на эти вопросы не знает никто, а потому и дело с ограблением почтового дилижанса возле Форт-Стоктона получилось довольно темным. Но правда, – а ведь она всегда существует эта чертова правда – все-таки была.

Скрытая от людских глаз, как карта полковника Дикса с нанесенными на ней разноцветными стрелочками, правда манила к себе, но в отличие от карты, имела куда большую цену – пятьдесят тысяч полновесных долларов.

2.

Шериф Феликс Чалмерс был убежденным бандитом до тех пор, пока не понял, что он умеет значительно лучше продавать, чем грабить. Все началось с того, что Чалмерс стал перекупать у знакомых главарей их добычу в виде женских юбок, зонтиков, матрасов и прочей дребедени и продавать ее через скупщиков в Форт-Стоктоне. Через год Феликс послал к чертям городских перекупщиков, открыл в городке свой собственный магазинчик и мелкий денежный ручеек быстро превратился в толстую трубу, а город – в водокачку. Все шло хорошо, но до тех пор, пока жители Форт-Стоктона вдруг не вспомнили о нравственности. Дело в том, что кое-кто из них вдруг обнаружил в магазине Чалмерса свои штаны, другой горожанин свой, но, конечно же, уже опустошенный до донышка бумажник, а третий – юбку жены. Выкупать свои собственные вещи казалось многим не только унижительным, но и накладным делом. Короче говоря, нравственность вдруг встала на пути суровой правды жизни и сказала ей твердое, хотя и не лишенное меркантильности (то есть обычного жлобства), «нет». Чалмерс перестал появляться в

городе, а жаждущие справедливости горожане сожгли «контрабандный магазин». Казалось бы, все уладилось само собой: Чалмерс со своей бандой продолжал грабежи и спал на горе гниющих на сырой земле матрасов и юбок, а жители города время от времени отстреливали по паре его парней, когда дилижанс благополучно удирает от погони. Когда же погоня оканчивалась для последних не столь удачно, чтобы не шарить по карманам и не нервировать бандитов, горожане, как и прежде, отдавали деньги вместе со штанами. Короче говоря, нравственность торжествовала – ведь бандиты Феликса Чалмерса занимались исключительно бандитским делом и не пытались зашибить лишнюю денюгу с помощью хитрого круговорота вещей, – но, как это ни возмутительно, суровая и честная правда жизни все-таки потихоньку придушила ликующую нравственность.

Перепроизводство (если так можно выразиться) награбленного вынудило Феликса Чалмерса сбросить цены на матрасы, юбки и штаны. Теперь их продавали не в городском магазине, а на воскресном базаре из-под прилавка, и если покупатель опознавал в покупке свою бывшую вещь, ему отдавали ее почти задаром, и цена частенько приближалась к стоимости почтовой пересылки. Кое-кто из горожан, конечно же, возмутился такому факту, ведь получалось, что он вроде как путешествовал без штанов, фактически отправив их по почте, но молчаливое большинство горожан быстро сделало из возмутителей спокойствия таких же молчаливых субъектов

как и они сами. Нет, честная правда жизни не была жадиной, просто в отличие от своей крикливой подружки нравственности, она оказалась куда большее практичной, чем отвлеченные, высокие слова и кем-то придуманные пустые правила. Жители Форт-Стоктона в поте лица зарабатывали каждый доллар, и любой из них предпочитал потерять тридцать центов, если уж такая потеря неизбежна, чем весь доллар целиком.

Коммерческая удача подбодрила Феликса Чалмерса, и его ребята перестали грабить коренных обитателей Форт-Стоктона. Например, когда бандиты останавливали очередной дилижанс, то просили отойти горожан в сторону и уже потом, после грабежа остальных пассажиров, взимали с них что-то типа «дорожного налога», который очень быстро переименовали в «плату за защиту». Поверженная нравственность пала еще ниже, когда горожане, чтобы хоть как-то компенсировать пусть и не большие, но все-таки свои личные денежные потери, стали заниматься «контрабандой». Суть в том, что при случае они признавали чужие вещи своими, а в городе брали с их владельцев плату за услугу. Так рядовой обыватель, падший в нравственном отношении ниже бандита, ухитрился грабить уже ни кого-нибудь, а самого Феликса Чалмерса. Удивленный коварством горожан главарь приказал проверять их честность. Например, бандиты вскрывали чемодан и просили его хозяина, как говорится, «в темную» перечислить вещи, которые в нем лежат. Но если бы все было

так просто! Горожане быстро научились хитрить. Какой-нибудь начисто лишенный совести рыжий Билл не краснея заявлял, что, например, вот этот чемодан его просили передать «тетушке Белле с третьей улицы», вот тот «бабушке Джулии из борделя», и значит, он не может знать, что в них находится. Проверки часто заканчивали скандалами, при чем бандит тянул спорный чемодан к себе, а рыжий Билл, не менее упрямо, к себе. Иногда не выдерживала ручка чемодана, иногда сам чемодан, а когда, стоя над ворохом вывалившегося белья, бандит выхватывал кольт, тот же рыжий Билл грудью лез на ствол и продолжал доказывать, что «плата за защиту», которую он честно платит, распространяется хоть на сто чемоданов, которые он пожелает привезти в Форт-Стоктон. Увы и да!.. Феликс Чалмерс мог попытаться проверить честность горожан, но вот измерить их нравственность ему было попросту нечем.

Горожане нагнали все больше и больше, доходы Феликса Чалмерса падали и он искренне не знал, что ему делать с нарушителями. Негласный договор, заключенный им с жителями Форт-Стоктона, не имел силы юридического документа, а лишенная нравственности правда жизни оказалась жестокой не только к слабому, но и к сильному. Феликс все больше мрачнел и все позже ложился спать. Он подолгу и задумчиво рассматривал угли костра, а перед тем как уснуть частенько поминал черта.

Однажды явно зарвавшемуся рыжему Биллу все-таки

прострелили плечо и в знак протеста жители Форт-Стоктона сожгли только что построенный на рыночной площади новый магазин Чалмерса. Разозленный Феликс напал на город, но его жители уже привыкшие запросто спорить с бандитами на большой дороге, вдруг оказали яростное сопротивление. Они уже не ощущали мистического запаха страха и зуда в пятках, который чувствует любой обыватель увидевший перед собой бандита. В ребят Чалмерса палили из окон и подворотен все кому не лень – городские пьяницы, веселые девушки из борделя и даже двенадцатилетние детишки из воскресной школы во главе с пастором. Банде пришлось ретироваться, и Чалмерс удрал первым с пулей в правой ноге. Это было не единственное его ранение и о втором – ссадине на голове от ночного горшка, пущенного с дьявольской точностью с противоположенной стороны улицы – он предпочел сразу же забыть.

Банда тяжело переживала поражение и если бы Чалмерс не смог найти нужные слова, его ребята наверняка разбежались. Феликс говорил много и долго. Он вспомнил прежние удачные дела, бывшие и уже преодоленные трудности, а главное внушил приунывшим парням надежду. Свою речь главарь закончил тем, что списал неудачный штурм города на плохую разведку перед нападением. Но теперь, сказал Чалмерс, он проведет ее сам и завтра утром жители Форт-Стоктона пожалеют о своем бунте. Рядовые бандиты немного удивились концовке речи главаря, ведь Чалмерс предпочитал

отправлять в разведку наименее ценных ребят. Но Феликс заговорил снова и так убедительно, что когда он закончил свою речь и, хромая, направился к лошади, его парни точно знали, что завтра их ждет легкая победа и пир в Вальхалле... то есть в борделе.

Через час Чалмерс сидел в доме мэра Форт-Стоктона и беседовал с хозяином дома, его племянником рыжим Биллом и еще с десятком наиболее воинственно настроенных горожан. Феликс Чалмерс был спокоен, деловит и не выказывал ни тени страха перед реальной угрозой быть повешенным сразу или после беседы с горожанами. Он даже улыбнулся по этому поводу и задал, казалось бы, бессмысленный на первый взгляд вопрос: «А что будет потом, ребята?»

Первым причину спокойствия главаря бандитов понял мэр городка Эндрю Грей. Если большинство собравшихся отвечая на идиотский вопрос Чалмерса, говорили только о его могиле, на которую вскоре будут мочиться все местные собаки, то мэр вдруг подумал не о перспективах покойника, а о суровой и настоящей правде жизни. И когда рыжий Билл, откровенно злорадствуя, стал описывать жаркие мучки Чалмерса в аду, почему-то перемешивая их с не менее ужасным и неподвижным лежанием в мокрой могиле, Эндрю Грей поднял руку и сказал:

– Ну-ка, стоп, ребята.

Все посмотрели на мэра. Феликс Чалмерс многозначительно хмыкнул, сунул в рот сигару и прикурил от кероси-

новой лампы на столе.

– Я все понял, – сказал Грей. – Ты хочешь стать нашим шерифом, Феликс?

Чалмерс молча кивнул. Рыжий Билл, произносивший до этого свои мрачные пророчества стоя, рухнул на стул и забыл закрыть рот. До сегодняшнего дня шерифом города был он. Правда, жители почти не вспоминали об этом факте по двум причинам: услуги рыжего Билла стоили крайне дешево и значит на деле не стоили ни цента, а, во-вторых, никто так и не догадался потребовать от рыжего пройдохи большей смелости или честности, чем та, на которую был способен сам проситель. Правда жизни – а в Форт-Стоктоне уж если кто и был настоящим судьей и шерифом, то только она – не верила в благородных героев-одиночек, и если допускала их существование, то тут же напоминала о громадной цене на меткие выстрелы и бесшабашную смелость.

Гениальная догадка мэра вдруг перевернула мозги горожан, и они как по команде вдруг подумали о том, что Феликс Чалмерс – ловкий бандит и изворотливый бизнесмен – как нельзя лучше подходит для должности шерифа. Пусть как бандит Феликс был не смел, а, скорее, нагл, но деловая жилка могла сыграть роль крепкой узды для его деятельной и бесцеремонной натуры.

– Хорошо, – сказал Эндрю Грей, – но что нам делать с твоими ребятами, Феликс? Во-первых, нам не нужно столько шерифов, а, во-вторых, без тебя они вряд ли перестанут

заниматься своим грязным делом. Кроме того... – мэр на секунду замолчал, и по его тонким губам скользнула многозначительная усмешка. – Как бы это повежливее спросить, но...

– Тебе ничего не нужно спрашивать, Эндрю, потому что я знаю твой вопрос, – оборвал мэра Феликс Чалмерс. – Ты хочешь спросить, может ли шериф города иметь друзей-бандитов рядом с местом своей работы?

– Живых друзей, – сухо подтвердил мэр. – Знаешь, Феликс, например, я не верю, что кто-то из твоих ребят может уехать из наших мест навсегда. Начать дело в новом месте без хорошего главаря в наше время практически невозможно.

– Согласен, – кивнул Чалмерс. – Но у меня все-таки есть пара ребят, которых вы сможете взять на работу.

– А я? – вдруг пискнул рыжий Билл.

Уже смирившийся, при чем молча, с потерей своей не очень-то доходной должности, Билл все-таки не хотел полностью терять связи с законом. Иногда эта связь дарила Биллу пару лишних долларов, иногда она помогала ему обслуживаться без очереди в местном борделе, но больше всего рыжему Биллу нравилось приставать в пьяном виде к проезжающим красивым незнакомкам и представляться им с помощью короткой и мужественной фразы «я здешний шериф, МЭМ».

– Это хороший вопрос, – поддержал бывшего шерифа Эндрю Грей. – Как ты понимаешь, Феликс, рядом с тобой все-

гда должна быть пара наших местных ребят.

Чалмерс пожал плечами:

– Почему нет? Пара ваших парней, пара моих – не так уж много помощников для шерифа, – он взглянул на рыжего Билла и спросил: – Ты согласен, парень?

Рыжий Билл быстро кивнул, тут же успокоился и подумал о том, что, – вот, черт возьми! – совсем неплохо работать в компании с таким, как профессионалом как Чалмерс.

– А сколько ты хочешь за свою работу, Феликс? – спросил мэр.

К удивлению горожан Чалмерс назвал довольно скромную сумму.

– И все? – удивился кто-то.

Чалмерс широко улыбнулся. У бывшего бандита и будущего шерифа были хорошие, крепкие зубы и обаятельная улыбка. Не говоря ни слова, он смотрел на мэра.

Тот чуть поморщился и сказал:

– Ладно, ты заново отстроишь свой магазин в нашем городе, Феликс. Что же касается других твоих дел, я бы посоветовал тебе быть крайне осторожным и не нарушать закон.

– Ты только не удивляйся, Эндрю, но я совсем не собираюсь этого делать, – улыбка Чалмерса легко превратилась в усмешку. – Хотя с другой стороны, я уверен, никто из вас не будет возражать против моего маленького и – особо подчеркну – исключительно законного бизнеса.

Рыжий Билл вдруг повеселел еще больше, сообразив, что

он постоянно будет рядом с шерифом, а значит и участвовать в его делах.

«А ведь он не такой плохой парень», – пришел к окончательному решению Билл.

Этой же ночью банда Феликса Чалмерса исчезла. Пару дней спустя, кое-кто из городских жителей говорил, что слышал не один десяток выстрелов неподалеку от фермы Элтона Моу. Но сам Моу помалкивал, а метис Гарри Шульц и одноглазый Дьюк Коррис – единственные, оставшиеся а живых из банды Феликса Чалмерса и вдруг ставшие помощниками нового шерифа – тоже не спешили делиться с жителями Стоктона своими маленькими секретами. Два других помощника Рыжий Билл и его старый дружок Том Осли только пожимали плечами, выслушивая вопросы, а если к ним приставали в баре, надеясь, что спиртное развяжет языки двум здоровякам, те, не долго думая, пускали в ход кулаки.

Короче говоря, у Феликса Чалмерса сложилась отличная команда. Город явно поскупился на оплату услуг помощников шерифа, но парни не унывали и (кто об этом не догадывался?) связывали свои надежды с новым шерифом. Надежды не были беспочвенными. У помощников шерифа вдруг быстро появились деньги, но никто в радиусе ста миль не стал бы утверждать, что Феликс Чалмерс занимается какими-то темными делишками. Хотя, если уж быть честным до конца, никто не стал бы клясться даже здоровьем своего старого дворового пса, что таких делишек нет и в самом деле.

Правда жизни – тем более в местном масштабе и, черт бы ее побрал, правда настоящая, а не придуманная в виде назидательной и скучной морали – уже не раз доказывала людям, что человек несовершенен, и что к нему не стоит относиться слишком строго.

Но вернемся к ограблению почтового дилижанса возле Форт-Стоктона. Оно случилось настолько неожиданно, что на какое-то время – часа на два, не больше, —растерялся даже хладнокровный Феликс Чалмерс. Затем он собрал своих ребят и прочесал старую индейскую тропу, ведущую от места ограбления к лесу возле реки Иссури. Свежие конские следы были в наличии, но Феликс не спешил с выводами и убедительно оспаривал ту или иную версию своих помощников. Во-первых, это могли быть и не следы грабителей, во-вторых, было бы глупо прятаться возле самой горы Святоши Джо (а большинство следов вело именно туда) и, в-третьих, искать там грабителей было еще глупее, так как любой бандит постарался как можно быстрее покинуть ущелье рядом с горой очень похожее на мышеловку.

Феликс Чалмерс повел своих парней в обход горы Святоши Джо на запад, но следы вдруг пропали. Рыжий Билл сказал, что если следов нет, то бандитов все-таки стоит поискать в ущелье. Чалмерс только хмыкнул и, бросив на Билла быстрый, насмешливый взгляд, спросил, как давно во время тех или иных поисков, тот не получал пули в живот. Вопрос был задан таким тоном, что Билл невольно подумал не столько

о бандитской пуле вообще, сколько и о той, какая еще находилась в барабане кольца шерифа. Билл поежился и промолчал. Авторитет Чалмерса был непререкаем.

Парни уже начали подумывать о возвращении в город, но Феликс вдруг решил остаться на ночевку там же, за горой Святоши Джо, выбрав для стоянки широкий овражек, по дну которого тек хилый ручеек. Старые друзья Феликса метис Гарри Шульц и одноглазый Дьюк Коррис молча принялись за обустройство временного лагеря, и Рыжему Биллу с Томом Осли пришлось заняться тем же самым. Вскоре запыхал бездымный костерок и Билл и Томом приготовили незамысловатый ужин. Спали по очереди и дежурили по двое: сначала Гарри и Дьюк, а потом Билл и Том. Чалмерс лежал на попоне и рассматривал крупные, холодные звезды.

– Не спит, – шепнул другу Том. – Смотрит так, словно деньги считает. Черт бы побрал этого Феликса, Билл, но когда мы выбираемся за город, в глазах нашего шерифа появляется какой-то волчий блеск.

Билл отмахнулся и посоветовал ему говорить тише.

– При Чалмерсе мы стали жить не хуже, а куда лучше, – ответил Билл. – Этот крутой парень знает все ходы и выходы и никогда не ошибается.

– Интересно, что он задумал сейчас?

Билл пожал плечами.

– Не пытайся понять это, Том, – сказал он другу. – Просто будь настороже, чтобы мы с тобой не остались в дураках.

После столкновения с шайкой Мексиканца Джо у Ховарда Уэсли осталось всего шестеро ребят. Трое из них были обыкновенными бандитами, признающими только сон, еду, выпивку, стрельбу и половые развлечения. Трое других – двоюродные братья Алан и Микки Спенсеры и Ник Хадсон – появились на свет Божий явно за другими развлечениями, но жестокая правда жизни – снова она, что б ей пусто было – привела их на скользкую бандитскую дорожку. Коренастый и жилистый Ник Хадсон почти ничего не рассказывал о себе, а, глядя на его вечно хмурюю физиономию, расспрашивать его о чем бы то ни было, никому не хотелось. Но Ник не был трусом, однажды спас жизни Ховарду Уэсли, а при дележе добычи не нервничал и не кричал о том, что это именно он во время последнего дельца перестрелял больше половины врагов. Не имея в банде близких друзей, Ник, тем не менее, пользовался уважением, и никто из прочих ребят Уэсли никогда не провоцировал его на выяснения отношений по пустяковой или действительно важной причине. В последнем деле Нику Хадсону все-таки не повезло, и он получил пулю в бок. Кусок свинца прошил правую половину его живота, но Ник словно не заметил этого. Он только на минуту прекратил пальбу, положил на рану не совсем чистую тряпку, стянул ее ремнем от кольта и продолжил стрелять. Когда дело

было сделано, Ник легко встал, и только белое как мел лицо подсказало другим, что Ник ранен.

Что касается двоюродных братьев Алана и Микки Спенсеров, то они были едва ли не случайными людьми в шайке Уэсли. Если первого привела в уголовный мир тонкая художественная натура, отсутствие признания его таланта толпой бездарей, цистерна алкоголя и резкий, драчливый характер, то второго – неразделенная любовь, тот же алкоголь, хотя и в меньших количествах, и ощущение полной ничтожности своей и чужой жизни. В банде Уэсли братья держались друг за друга, в чем-то симпатизировали Нику Спенсеру а тот, если и отличал кого-то в круговороте бандитских рож, то только двоюродных братьев. Иногда, долгими и длинными вечерами, Алан пользовался терпимостью Ника и принимался рассказывать ему о мире богемы, в котором торжествуют только ничтожества. Ник слушал молча, иногда улыбался, скорее думая о чем-то своем, но это ни сколько не смущало Алана. Когда Ник уснул, Алан пытался продолжить свой монолог, обращаясь к Микки, но тот, как правило, засыпал почти одновременно с Ником Хадсоном. Алан вздыхал... Если они ночевали в поле, он долго смотрел на костер и вид пламени успокаивал его, а если они ночевали на какой-нибудь ферме или в гостинице, Алан ворочался в постели едва ли не до утра.

Почтовый дилижанс возле Форт-Стоктона ограбила банда Ховарда Уэсли. После боя с Джо Мексиканцем Ховард

понял, что его банде пришел конец потому что Джо, набрав новых людей из Мексики (а она была не так уж и далека), забудет про все дилижансы, поезда и беззащитные фермы до тех пор, пока не рассчитается за обиду. Тут-то Уэсли Ховард и сообразил, что ему нужно срочно покинуть здешние места. Но уйти с пустыми руками он не мог, а его торопливость и сделала последнее дельце непривычно кровавым и жестоким. Именно Уэсли, едва не потеряв контроль над собой, лично пытал бедолагу почтового служащего, надеясь вырвать у него шифр от замка сейфа. Уже потом Уэсли вдруг поймал на себе пару недовольных взглядов. Половине его ребят – двум братьям и Нику Хадсону, хотя последний и получил пулю в живот – не понравилась та спешка, с которой действовал Уэсли и гора трупов возле дилижанса. В перерасчете на доллары каждый труп стоил меньше семи тысяч долларов. Нет, конечно, никто бы не стал спорить, что семь тысяч – огромные деньги, но раньше Уэсли обделывал свои дела со значительно меньшим количеством жертв, а частенько их не было вообще.

Впрочем, проблем было невпроворот, бандиты спешили, но, как оказалось, охрана дилижанса не только продырявила бок Ника Хадсона, но и перестреляла половину лошадей. Уйти с добычей семерым на четырех лошадях можно было на вдвое меньшее расстояние, если бы лошадей было восемь. Уэсли умел извлекать выгоду из всего, то есть не только из побед, и подумал о том, что тот, кто будет его ловить – ше-

риф Форт-Стоктона, армейский отряд полковника Дикса и Мексиканец Джо – не зная о количестве лошадей Уэсли, наверняка обгонят его помимо своей воли. Именно поэтому Уэсли и выбрал старую индейскую тропу, ведущую в сторону Иссури. Все дело было в следах и следопытах, а на старой тропе первых было великое множество – ей пользовались все кому не лень, начиная от фермеров, и кончая незначительными, любительскими бандами. Уэсли придумал хитрость и против следопытов, он приказал время от времени освободить наполовину лошадей от груза. Отпечатки конских подков от перегруженной лошади сильно отличались от тех, если бы лошадь шла под одним седоком.

– А возле горы святоши Джо нам всем придется пройти пешком, ребята, – закончил свое очередное обращение Уэсли. – Там есть одно небольшое ущелье и не нужно привлекать к себе внимания, сворачивая в него.

Ник Хадсон напомнил главарю, что Змеиное ущелье у горы очень похоже на мышеловку. Во-первых, из него нет второго выхода, а, во-вторых, что немаловажно, спрятать там лошадей практически невозможно.

– Спрятать восемь лошадей, Ник, восемь, а не четыре, – оборвал Уэсли. – А мы сами ляжем на вершине этого чертова ущелья. Если нас найдут, что ж!.. Еще неизвестно, кто окажется в мышеловке. Мы немного постреляем вниз, чтобы успокоить ребят шерифа или полковника, а потом уйдем через скалы.

– Как далеко мы уйдем без лошадей, Ховард?

– А будет ли кому нас преследовать, Ник, после нашей пальбы? – вопросом на вопрос ответил Уэсли. Ему, наконец, удалось взять себя в руки, и он широко и белозубо улыбнулся: – Суть в том, ребята, что мышь первой занявшая мышеловку может хорошо подготовиться к встрече с незваной подружкой. Мы спрячем наши деньги там, в ущелье и дальше тронемся налегке. Я знаю одно местечко, в котором их не отыщет сам дьявол до Страшного суда.

Ник Хадсон поморщился и ничего не сказал в ответ. Против плана Уэсли не стал возражать никто, а сам Уэсли понял, почему этот план не нравится Нику Хадсону. Бедолага был ранен и путь пешком был для него самоубийством.

– Ничего страшного, Ник, ведь мы рядом с тобой, – подбодрил главарь Хадсона. – И совсем не обязательно, что мы столкнемся с парнями Феликса Чалмерса или стрелками полковника Дикса.

4.

Если бы человеческим мыслям можно было бы найти некий денежный эквивалент, то, составляя свой план, шериф Феликс Чалмерс рассчитал все до последнего цента. Когда семеро бандитов во главе с Ховардом Уэсли приблизились к выходу из неглубокого овражка, в который, постепенно мелея, превращалось Змеиное ущелье, он приказал от-

крыть огонь. Целый рой пуль снял с коней троих и только Ховард Уэсли, Ник Хадсон и братья Спенсеры успели спрыгнуть и залечь в небольшой ложбине. Их ответный огонь был слаб и не прицелен.

Через минуту шериф приказал прекратить пальбу и обратился к бандитам:

– Послушай, Ховард, кончай палить впустую, – гаркнул он вниз. – Поднимай лапы и выходи.

Ожидая ответной реплики, шериф весело подмигнул своим ребятам.

– А что ты хочешь мне предложить, Феликс? – ответили снизу. – Почетную капитуляцию?

– Если в эту процедуру, которую ты имеешь в виду, входит пара зуботычин и десяток пинков, то да.

– А четыре выстрела в затылок? Я очень сомневаюсь, Феликс, что тебе нужен судебный процесс над пойманными бандитами и небольшая премия в сто долларов.

– Ты прав, Ховард, сто долларов – слишком маленькие деньги для таких бравых ребят, как мы, – Феликс Чалмерс засмеялся. – Подумай сам, мы все-таки нашли тебя, как бы ты не запутывал следы. Я сразу понял, что вы потеряли половину лошадей, и что ты рассчитываешь только на то, что погоня обгонит тебя. Подумай сам, мои знания и опыт стоят значительно больше, чем какая-то сотня долларов.

Уэсли снова задумался.

– А с чего это ты взял, Феликс, что дилижанс ограбил

именно я?

– После драки с Мексиканцем у тебя было два выхода: либо добить его и всех его многочисленных подонков, либо сваливать отсюда и как можно быстрее. Кроме того, я уже видел труп почтаря. Мексиканец Джо работает куда более изощренно и иногда его жертвы живут целые сутки. Деньги у тебя с собой, Ховард?

– Разумеется, нет. Глупо таскать с собой большие деньги, когда тебя ловят три банды, включая государственную полковника Дикса и твою городскую. Я спрятал деньги, Феликс и ни Бог, и ни черт не отыщет их.

– Я знаю, где ты их спрятал, Ховард. Змеиное ущелье не такое уж большое.

– Иди и поройся между валунов. Лет через пять, когда у тебя вырастет борода и станут слезиться глаза, ты станешь похож на сумасшедшего старателя Габриеля Нуньяса.

Упомянутый Уэсли психически больной старик был всеобщим посмешищем в Форт-Стоктоне. Он утверждал, что в окрестностях города полно золота и скелетов. А когда какая-нибудь добрая душа подносила старику стаканчик виски, золото, о котором говорил старик и скелеты, превращались в горы и вырастали до небес.

Феликс Чалмерс поморщился.

– Хорошо, я дам тебе честное слово, Ховард. В конце концов, после того, как деньги окажутся у меня, зачем мне ваши трупы?

– А если нас позже поймают ребята полковника Дикса? – не смотря на свое отчаянное положение, Уэсли коротко хохотнул. В хриплом смешке было столько отчаянной злости, что Феликс Чалмерс поморщился еще раз. – Подумай сам, шериф, что мы потеряем, если расскажем Диксу о нашей с тобой встрече? Ведь нам все равно не удастся избежать веревки.

Феликс Чалмерс выругался. Он окинул внимательным взглядом позицию противника и понял, что перестрелка может затянуться. Между тем где-то неподалеку шляется отряд полковника Дикса. Пальба возле горы святоши Джо, которая всегда пользовалась дурной славой, могла привлечь его внимание.

– Ты хочешь, чтобы я выплатил некую компенсацию, что ли? – наконец крикнул вниз шериф. – Хорошо, я согласен заплатить каждому из вас по тысяче долларов и провести до границы штата.

– Я должен поверить тебе на слово?

– А как же еще, Ховард? Не могу же я разоружить своих ребят и подставить наши лбы под твои пушки.

Ник Хадсон подполз к главарю и толкнул его в бок. У него было белое, без кровинки лицо и сухие, потрескавшиеся губы.

– Надо поговорить, Ховард, – тихо сказал он.

– О чем? – шепотом спросил Уэсли.

– Нам пора выбираться из этой ямы, и я знаю, как это сде-

лать.

Уэсли кивнул.

– Слушай, Феликс! – крикнул он вверх. – Мне нужно подумать и посоветоваться с ребятами. Дай мне полчаса.

– Только пять минут, Ховард, – быстро ответил шериф. – Я даю тебе пять минут, а потом ты встанешь и поднимешь руки.

Уэсли уже не слушал шерифа. Он жадно смотрел в большие и тусклые глаза Ника Хадсона.

– Чем ты хочешь нас порадовать, Ник?

– Не всех, – криво усмехнувшись, ответил Хадсон. – То есть я хочу сказать, что мы выберемся отсюда не все.

Уэсли все понял и коротко спросил:

– Кто останется прикрывать нас, Ник?

– Я. Но каждый из вас даст мне слово, что моя доля добычи будет отдана одной женщине в Мексике... Ее зовут Изабелла Рохес и она живет в Росарито вблизи Ногалеса. У нее есть маленькая дочка Камила. Их легко найти...

Боль в животе заставила Ника Хадсона опустить глаза. Он тихо застонал.

– Я даю слово, Ник, – торопливо сказал Уэсли.

– Запиши имя и адрес.

Уэсли с ловкостью ужа перевернулся на левый бок и достал из бокового кармана пачку бумаги для самокруток. Пока он выводил неровные строчки красным карандашом, Ник Хадсон облизывал сухие губы и жадно, словно от этого зави-

села его жизнь, смотрел на руку Уэсли.

– Изабелла Рохес?.. – спросил Уэсли.

– Да. Напиши еще две записки и отдай их Майклу и Алану. А потом пусть каждый из вас вытащит свой чертов нож, располосует себе палец и поклянется на крови, – прохрипел Хадсон. – Если же кто-то из вас нарушит свою клятву, то... – глаза Хадсона дико сверкнули, – ... честное слово, в аду я запишусь в черти и вернусь сюда за своим долгом.

Когда клятва была произнесена, явно нервничающий Алан Спенсер посасывал кровоточащий палец, а Майкл, стараясь не смотреть на Хадсона, то и дело вытирал ладонь пучком травы, Хадсон сказал:

– Теперь о деле, ребята. Первым выстрелом я сниму одного из парней Чалмерса. Этот малый очень любопытен и то и дело высовывается из-за валуна. Не сомневаюсь, что он закричит, а значит все взглянут в его сторону. У вас будет примерно пять секунд, чтобы добежать вон до той ложбинки, – Хадсон привстал и показал рукой направление. – Дальше вам придется ползти. Ты знаешь, что я неплохо стреляю, Уэсли. Пока меня не ранят или не убьют, у ребят Чалмерса почти не будет шансов хорошо прицелиться.

Алан Спенсер наконец-то вытащил изо рта кровоточащий палец, а Микки отбросил запачканный пучок травы. Никто из них не смотрел на бледное и искривленное болью лицо Хадсона. Все думали о шансах на жизнь, а лицо Хадсона уже олицетворяло собой маску смерти...

В поисках грабителей полковник Дикс быстро дошел со своим конным отрядом до самой Иссури. Пристрелив на берегу, на всякий случай, пятерых занятых рыбалкой индейцев, полковник понял, что его поиски закончились ничем. Грабители ушли не по старой индейской тропе, а обхитрили его, пропустив погоню вперед. Этот ход был опасным, но, судя по всему, хитрость удался бандитам.

Полковник повел свой отряд назад, приказав солдатам внимательно осматриваться по сторонам. Шанс найти бандитов, пусть и крохотный, все еще был.

– Ага, найдешь их тут, среди ложбин, бугров, оврагов и кочек, – тихо, себе под нос, буркнул лейтенант Коллинз. – Здесь словно сам черт по земле валялся.

Возле горы Святоши Джо до слуха полковника долетели далекие, частые выстрелы. Он остановил коня и прислушался. Выстрелы стихли, но это только еще больше насторожило полковника. Его отряд рассыпался редкой цепью и, охватывая гору с трех сторон, осторожно тронулся вперед.

Людей обнаружили в овражке западнее горы Святоши. Они были заняты жутким делом – пытали привязанного к дереву человека – и совсем не думали о том, что происходит за их спинами. Полковник какое-то время, сильно щурясь, внимательно рассматривал лицо пленного и, хотя оно было

залито кровью и опущено вниз, он узнал этого человека.

– Ник Хадсон, – пробормотал полковник. – Значит, дилижанс ограбил все-таки Ховард Уэсли. Признаться, если бы я не был уверен, что это работа Мексиканца Джо, я бы не стал так спешить к Иссури. Эй, лейтенант Коллинз!..

Лейтенант подъехал и приложил руку к козырьку.

– Окружить овраг двойной цепью. Их, – полковник кивнул на дно оврага, – всего трое, но это очень склизкие ребята шерифа Чалмерса. Не думаю, что сейчас шериф защищает закон и поэтому они обязательно попытаются смыться. Брать только живыми, понятно?

– Есть, сэр, – лейтенант приподнялся в седле и снова козырнул.

Разворачивая коня, он задел локтем морду лошади полковника и та шарахнулась в сторону.

– Стоять! – рывкнул лошади полковник.

Лейтенант оглянулся:

– Что-нибудь еще, сэр?

– Живыми, лейтенант, брать мерзавцев только живыми, – повторил полковник. – Мне очень хочется посмотреть, как Феликс Чалмерс будет плестись к виселице. У меня с этим пройдохой старые счеты.

6.

Связанных Феликса Чалмерса, рыжего Билла и Дьюка

Корриса усадили на землю возле дерева, к которому все еще был привязан человек.

– Этот тоже дохлый, – осмотрев Ника Хадсона, доложил сержант (а по совместительству и санитар) Джон Коул. – У него старая – примерно двухдневной давности, сильно воспаленная рана в паху – и еще две свежих пулевых: одна в кисть левой руки, другая по длинной касательной вдоль правой ноги.

Красный от возмущения Феликс Чалмерс рванул связанные за спиной руки и громко крикнул:

– Какого черта, полковник? Вы что, с ума сошли?! Вы только что убили помощника шерифа при исполнении служебных обязанностей!

Полковник Дикс разминал спину, стоя к дереву спиной. Закончив несложные физические упражнения – наклоны и приседания, – он сунул в рот трубку. Солдаты, как и их командир, включая лейтенанта Коллинза, тоже старались не смотреть на обезображенный труп, привязанный к дереву и два других рядом с ним.

– Продолжайте, сержант, – спокойно сказал полковник.

– Этому человеку оставалось жить не больше суток, сэр, – снова заговорил сержант Коул. – Впрочем, если бы он вовремя обратился к врачу, то худшего удалось бы избежать.

– Как долго его пытали? – оборвал сержанта полковник. – И что вы можете сказать о самих пытках?

Сержант нервно передернул плечами:

– Ребята очень старались, сэр, – он нагнулся и поднял с земли окровавленный шомпол. – Например, они зондировали его старую рану этой ржавой железякой.

– Ложь! – снова подал свой возмущенный голос Чалмерс.

– ... А еще ему жгли ему пальцы, сэр.

– Нецивилизованные индейские штучки, – усмехнувшись, буркнул полковник.

– Тут можно составить список на целую страницу, сэр, – закончил сержант. – Но будет лучше, если этим займется врач.

– Хорошо, сержант.

– Этот гад убил Тома Осли! – крикнул Рыжий Билл, бледный от волнения, со все еще перекошенным злобой лицом. Теперь он мало напоминал прежнего спокойного деревенского увальня.

– А вы так зверски пытали его именно за это убийство? – снова усмехнулся Дикс.

– Послушайте, полковник, я просто не смог удержать своих людей, – стараясь говорить спокойно, заявил Чалмерс. – Развяжите нас, мы не собираемся убегать.

– Не уверен, – трубка полковника пыхнула дымом. – Вы придете в Форт-Стоктон именно так – связанными по рукам и ногам, как бандиты.

– Вы что, разорви вас сатана, забыли, что я шериф?!

– Нет. Но я хочу напомнить жителям Стоктона, что когда-то вы были довольно успешным бандитом. И я ни капли

не сомневаюсь, что это именно вы ограбили почтовый дилижанс.

– Повторяю, вы сошли с ума.

– К твоему сожалению нет, Феликс. И я сделаю все, чтобы доказать судье, что все было именно так, как я тебе сказал.

– Но тогда зачем мне пытаться парня из банды Ховарда Уэсли?

– Конечно же, из-за денег, Феликс, – усмешка полковника стала снисходительной.

– И где тут логика?

– А логика очень проста. Ты ограбил дилижанс вместе с Уэсли, а потом он решил удрать от тебя. Тебе удалось захватить одного его человека, и ты решил узнать, где прячется мерзавец Уэсли.

– Полный бред, – поморщился Чалмерс.

– Но судья все-таки сможет в него поверить, если речь пойдет о бывшем бандите Феликсе Чалмерсе.

С лица Рыжего Билла вдруг ушли возбуждение и злость, оно побледнело больше, а глаза стали большими и жалкими, как у обиженного ребенка.

Полковник заметил эту перемену и хитро подмигнул Биллу:

– Ну, теперь тебе все понятно, сынок? Такова суровая, но справедливая правда жизни, рыжий.

Как ни странно, но Рыжего Билла заперли в камере-одиночке. Его отупевшие после спавшего возбуждения мозга были пусты, как гильза после выстрела и Билл легко уснул. Ночью ему приснился странный сон – он беседовал с покойным Ником Хадсоном и они над чем-то смеялись. Билл перебинтовывал обожженную руку Ника, бинт был очень длинным, путался и вдруг, обвив шею Билла, стал с силой сжимать ее. Билл проснулся в холодном поту.

Днем ему передали записку от Феликса Чалмерса. В ней было только одно слово «Молчи!» Судя по всему, главарь собирался взять юридическую защиту своих товарищей в свои руки и надеялся на свой изворотливый ум. Билл несколько раз перечитал единственное слово и задумчиво потер шею.

Ближе к вечеру заключенного посетил мэр города Эндрю Грей.

– Ну, как дела, малыш? – улыбаясь, спросил он. – Как сидится?

Билл буркнул в ответ что-то неопределенное и с тоской посмотрел на решетчатое окно. Эндрю Грей, по стариковски кряхтя и проклиная «чертову спину», присел рядом.

– Поговорить нужно, – просто сказал он.

Билл кивнул. Он понимал, что ему действительно нужно с кем-то поговорить о своих делах, а поскольку Феликса Чалмерса не было рядом, да и вообще главарь ограничился только одним словом на измятом пяточке бумаги, он был готов

говорить с кем угодно.

– Как ты думаешь, что есть правда, малыш? – начал Эндрю Грей.

Билл задумался, но в опустевшей еще с вечера голове не появилось ни одной мысли.

Старик чуть заметно улыбнулся:

– Ты всегда был таким, Билл: здоровым, как лесоруб и тупым, как старый топор. Бог дал тебе силу, но не наделил остротой ума. Запомни на всю жизнь: правда это то, что рано или поздно всплывает наружу.

Билл механически кивнул. Он боялся сказать что-то не то, а еще больше боялся, что старик обидится, встанет и уйдет. Вчерашняя дикая злость и возбуждение ушли, и уже теперь он почти не понимал, что происходит вокруг.

– Так вот, – продолжил Эндрю, – вчера и всплыла такая правда: оказывается, Феликс Чалмерс и его дружок Дьюк Коррис до смерти замучили Ника Хадсона...

Старик оборвал фразу и принялся сворачивать самокрутку.

Билл сглотнул слюну и с трудом сказал:

– Вообще-то это был я, сэр. Дьюк Коррис только помогал мне, а Феликс смотрел и ухмылялся. Он дурной человек, сэр... – нехорошее предчувствие вдруг сжало сердце Билла холодной тоской и он громко, с чувством, добавил: – Просто сволочь!

Старик-мэр кивнул:

– Это хорошо, что ты все понимаешь, Билл.

Билл искренне удивился, потому что до последней секунды был уверен в обратном. Он снова открыл было рот, но Эндрю перебил его.

– Подожди, сынок, не спеши, тем более что ты уже сказал все, что нужно, – Эндрю заерзал на скамье и, морщась, почесал спину. – Окружной судья Снайпс уже в городе. Он спешит в Вашингтон по каким-то своим делам и постарается разделаться с вами как можно быстрее. Ты понимаешь, что тебя ждет, если судье удастся доказать, что Феликс Чалмерс ограбил дилижанс либо вместе с Уэсли, либо по его наводке, а потом, когда Уэсли обманул его, решил взять в «работу» одного из его парней? Что касается полковника Дикса, то он всегда ненавидел Чалмерса: и когда тот был бандитом, и когда вдруг стал шерифом. Он-то и подаст дело так, что именно Чалмерс был центром всего.

– А так ли много фактов будет у судьи Снайпса? – осторожно усомнился Билл.

– Ты хочешь рискнуть и в суде упереться рогами в гробовую доску ради Чалмерса?

Билл не ответил на вопрос и снова стал разглядывать решетчатое окно. Они молчали целую минуту, а потом Эндрю глубокомысленно изрек:

– Моя крошка Мэгги передавала тебе большой привет.

Билл невольно вздрогнул и скосил глаза на старика. «Крошке» Мэгги Грей – дочери мэра – было двадцать во-

семь лет. Это была красивая, высокая блондинка, о непостоянстве характера которой в городе уже давно ходили нехорошие слухи. Мэгги чуть прихрамывала на левую ногу, но никогда не стеснялась этого. А еще она не стеснялась первой заговаривать с мужчинами, охотно смеялась над их глупыми и грубыми шутками и никогда не опускала глаза, когда ее случайные собеседники смотрели ей в лицо или откровенно рассматривали ее фигуру. Мэгги терпеть не могла только одного мужчину в Стоктоне – старого, сумасшедшего «старателя» Габриеля Нуньяса. Тот всегда шлялся за ней по городу, пытался заговорить и, не смотря на откровенную грубость Мэгги, никогда не прекращал своих попыток.

– Тебе пора жениться, Билл, – сурово сказал старик-мэр.

Рыжий Билл откинулся спиной на стену и низко опустил голову, чтобы Эндрю не увидел его кривой усмешки.

«Ах, вот оно что!..», – было написано на его скривившейся физиономии.

– Да, – сказал старик, не глядя на Билла. – Все так, Билл.

Билл чуть было не спросил, а не задумал ли хитрец-мэр выдать замуж свою темпераментную дочку уже тогда, когда он определил его в помощники к новому шерифу, но сдержался. Ухмылка на его полном лице погасла, выдав на прощание откровенно кислую гримасу.

– Знаешь, в чем ошибся Феликс Чалмерс? – продолжил Эндрю Грей. – Он полагал, что люди простят и забудут его прошлые делишки. Дурак!.. – старик презрительно плюнул

и растер плевков ногой. – Я тебе уже говорил о том, что такое настоящая правда, Билл, она рано или поздно она напоминает о себе. Феликс думал, что у нас бараньи мозги, но человек – даже если он и в самом деле настоящий баран – всегда вспоминает правду, когда волк прячет свои клыки. Как там написано в Библии?.. Кажется, что месть агнца возгорится вскоре и не будет ничего ужаснее на всей земле.

Перед мысленным взором Билла на мгновение промелькнула сумасшедшая картина: крохотный барашек впивается длинными клыками в горло волка и валит его на землю. Билл мотнул головой, отгоняя ужасное видение.

– Правда, она такая, Билл. Если ты совершил грех, то возмездие рано или поздно догонит тебя.

«Это он снова о Мегги, – догадался Билл. – Мол, если ты будешь бить ее за мелкие грешки, то я тебя повешу. Вот ведь чертова правда, а?!...»

8.

Ховард Уэсли нашел пристанище в борделе «Белые цветочки» в Биг-Роут у одной из своих старых любовниц Сьюзи Ллойд. Впрочем, Сьюзи в свои тридцать пять ни с какого бока не выглядела старой, а скорее даже наоборот, молодящаяся хозяйка веселого заведения не устала вкушать радости жизни, сохраняя при этом холодный рассудок, трезвый расчет и неутомимую жажду наслаждений.

– Забудьте все, ребята, – обратился Уэсли к Алану и Майклу Спенсерам. – Забудьте подлеца и ренегата Феликса Чалмерса, дурака-мэра Эндрю Грея, свирепого полковника Дикса и даже сумасшедшего Мексиканца Джо. Наши приключения окончились и здесь, – Уэсли обвел рукой небольшую и не очень опрятную комнату, которую им предложила Сьюзи Ллойд, – мы сможем неплохо отдохнуть и расслабиться.

– Как долго мы тут будем отсиживаться, Ховард? – хмуро спросил Алан. – Неделю или больше?

После того, как банда знаменитого грабителя сократилась до трех человек, а деньги были надежно спрятаны, Алан вдруг начал подумывать о том, что Уэсли, возможно, захочет сократить банду еще больше – до себя одного.

– Может быть, неделю, а может быть и больше, – с безразличным видом пожал плечами Уэсли. – Нужно чтобы шум стих, а потом мы заберем свои деньги.

– А если этот шум не успокоится через месяц?

– Тогда мы будем сидеть здесь столько, сколько потребуется.

Уэсли откупорил бутылку виски, разлил спиртное по стаканам и поднял свой:

– За нас, ребята.

Первым, жадно и быстро, выпил виски Майкл, вторым не спеша – Уэсли и только потом – Алан. Он недопил свой стакан, и в нем осталось на треть желтоватой жидкости.

– Что так, Алан? – удивился Уэсли.

– Желудок побаливает, – соврал Алан и поморщился. – Последний год этот чертов мешок для слюны и еды здорово меня беспокоит.

– Пройдет, – бодро заверил его Уэсли и похлопал по плечу жадно жующего ветчину Майкла. – Учись жить и верить у своего братца. Я прав, Майкл?

– Наверное, – бездумно буркнул тот. У Майкла был усталый вид и большие, темные круги под глазами. Уж если кто и производил впечатления нездорового человека, то это был Майкл, а не Алан.

Уэсли еще раз наполнил стаканы. Майкл снова жадно выпил и снова впился зубами в кусок мяса. Уэсли, усмехнувшись, отхлебнул только половину, зачем-то хитро подмигнул Алану, и принялся за еду. Алану тоже хотелось есть, но после того, как он ложно обвинил свой желудок, ему приходилось сдерживать свой аппетит. Он ел медленно, словно нехотя, тщательно пережевывая грубую пищу.

– У тебя по рукам слюна течет, – вдруг сказал Уэсли.

Алан вздрогнул и посмотрел на грязные кисти своих рук. Уэсли захохотал.

– Кончай придуриваться, Майкл! Кого ты боишься?.. Меня? Но я не Феликс Чалмерс и я никогда не делал подянки своим ребятам. Яд, донос или пуля в спину – не мои грешки.

Алан почувствовал, что краснеет.

«Не умею хорошо врать, – с горечью подумал он. – А провести такого пройдоху, как Уэсли смог бы только сам сата-

на».

Вскоре к гостям присоединилась хозяйка заведения. Она весело шутила, часто подносила ко рту рюмку, но мало пила, а еще меньше ела. Весело сверкая влажными, серыми глазами, она без конца обводила томными взглядами лица мужчин. Захмелевший Алан Спенсер видел в этих глазах тяжелую ласку, похожую на глухую, бархатную штору.

«У нее все наоборот почему-то...», – подумал он, но хмель сбил его с мысли и он не до конца понял ее.

Сьюзи засмеялась и обняла Уэсли. Ее рука скользнула по его груди.

– Что ты делаешь сегодня ночью, Ховард? – улыбаясь, спросила она.

– Сплю, – Уэсли усмехнулся. – Сплю с этой... как ее?... С блондинкой в розовом.

Алану померещилось, что Уэсли показал Сьюзи глазами на Майкла.

– С Элен? – переспросила Сьюзи и перевела спокойный и оценивающий взгляд на жующего Майкла.

«Вот же черт, – подумал Алан, – а случать нас, как собак, зачем?»

Несмотря на хмель, к нему вернулось глухое чувство, нет, не страха, а настороженности.

– С Элен, – подтвердил Уэсли и скользнул быстрым взглядом по помрачневшему лицу Алана. – А кого ты посоветуешь Алану? Парня одолевают мрачные мысли. Наверное, у

него и в самом деле побаливает желудок и нужно сделать так, чтобы горячая любовь перевернула ему все кишки.

– Рекомендую ванну и двух мулаток: Марди и Лору. Эти девочки способны оживить даже покойника.

Упоминание покойника, пусть даже с шансами на оживления в ванне, еще больше насторожило Алана. Отвечая отказом, он отделался шуткой и, не выдержав недоумевающего взгляда Сюзи, опустил глаза.

– С парнем действительно происходит что-то не то, – с явно притворным сожалением вздохнул Уэсли. – Не исключено, что у него заболели мозги, а не желудок.

– С мозгами у нас хорошо стравляется Карина, – живо откликнулась Сюзи и весело засмеялась. Темная, плюшевая штора в ее глазах колыхнулась, и Алану показалось, что из-за нее вдруг брызнул яркий, ослепляющий свет. – Карина может запросто вылечить любой вывих в извилинах.

«Так я и поверил, что тут у вас лечебница, а не бордель», – подумал Алан.

Сюзи приблизила свои светящиеся глаза к его лицу.

– Ну, что же ты хмуришься, парень?

Алан видел только эти жадные глаза неземной, чарующей красоты.

«Ведьма, что ли?!..» – удивился он и даже отшатнулся, но в его удивлении было больше восхищения, чем страха.

– Ну-ну, милый, – прошептала Сюзи и положила ему руку на колено. – Расскажи мне, что с тобой?

Рука женщины была маленькой и теплой. Острое желание с такой силой обожгло Алану низ живота, словно ему опрокинули на колени кипящий чайник. Он бездумно потянулся к стакану виски. Выпив его залпом, Алан сказал громкое «уф!» и засмеялись все, включая Майкла.

«Так легче», – решил Алан. Мысль снова была неопределенной, непонятной, но уже далекой и совсем не страшной...

Проснувшись рано утром в комнате Сьюзи, он не удивился. Только лицо владелицы веселого заведения показалось ему старше и не таким красивым. В нем вдруг снова вспыхнуло желание.

«Значит, Уэсли передумал, – успел решить Алан, вспомнив, что вечером Ховард «рекомендовал» Сьюзи Майкла. – А это значит, что никакого четкого плана в отношении меня и Майкла у него нет».

Алан стащил с женщины одеяло. Сьюзи лежала на спине совсем голая. У нее было тело двадцатилетней девушки. Если бы не постаревшее за ночь лицо, она могла бы показаться совершенством.

– Если у тебя проблемы с желудком, ковбой, – не открывая глаз, и с улыбкой, сказала Сьюзи, – тебе нужно выпить виски.

– Шутишь? – удивился Алан. – С утра?

– Я не шучу. Если у тебя язва, то спиртное хорошенько прижжет ее, прочистит твои кишки, а заодно и голову. Ты

очень сильно нервничал вчера.

Алан подумал, что женщина, пожалуй, права. Например, во время вчерашней вечеринки не стоило сводить брови к переносице и всем своим видом выказывать Уэсли некие подозрения.

– Где бутылка? – хрипло спросил Алан.

– Не видишь?.. На столике.

Алан взял бутылку и надолго припал к ее горлышку. Еще через пятнадцать минут он отпал от Сьюзи и уткнулся разгоряченным лицом в подушку.

– Расскажи мне об Уэсли, – попросил он.

Женская рука погладила его по спине. Сьюзи молчала.

– Расскажи! – потребовал Алан.

В его голосе не было угрозы и, даже прозвучав грубо, этот вопрос был, скорее, похож на мальчишеский каприз.

– Ах, ты, дурачок!.. – засмеялась в ответ женщина.

9.

Через четыре дня Ховард Уэсли, Алан и Майкл Спенсеры узнали о суде над Феликсом Чалмерсом и его старым дружкой Дьюком Коррисом. Судья Спенсер действительно спешил по своим неотложным делам и без особых формальностей приговорил обоих к повешению. Недостатка в свидетелях не было. Среди горожан нашлось не мало таких, кто был готов выступить в суде и, хотя такие свидетели в подав-

ляющем большинстве случаев говорили не по существу дела, именно они придавали торопливому процессу вид некоей законности. Феликса Чалмерса проклинали не только устно, но и в местной газетке, которая увеличила свой тираж в несколько раз. В конце концов, добровольцев-свидетелей стало так много, что судья Спенсер был вынужден мягко напомнить им о наказании за лжесвидетельство. Но это ни сколько не охладило пыла горожан. Они отлично знали, что Феликса Чалмерса повесят, а возможность поучаствовать в расправе над ним, казалась им слаще виски.

Суд не слушал ни доводов адвоката Чалмерса, ни его самого. Город торжествовал. Еще совсем недавно горожане, казалось бы, довольные тем, что им удалось поставить бывшего бандита на «путь истинный», вдруг возненавидели «спасенного» ими всей душой.

– Какая тонкая игра людских страстей, – уже после процесса иронично, заявил судья Спенсер мэру Эндрю Грею. – Да, конечно, рано или поздно, но Феликс Чалмерс должен был проиграть эту партию, но чтобы с таким грохотом?.. Тут дело даже не в том, что от любви до ненависти всего один шаг, а, пожалуй, и в том, что любить бандита-шерифа в силу необходимости, держа в уме риск потерять на большой дороге свои штаны, это все равно что надевать эти же штаны через голову. Человеческий рассудок рано или поздно побеждает такую любовь, какой бы нравственной она ему не казалась. Иногда мне жаль нашего Господа Бога, Эндрю. Он, все-

могущий и добрый, попытался научить терпимости людей к сердцам которых ближе штаны, чем небесная любовь. Кстати, чуть не забыл тебя спросить, Эндрю, что ты собираешься делать с Рыжим Биллом? Если я не повесил парня, за ним должен кто-то присматривать и, ты уж извини, нести ответственность за его будущее.

Эндрю Грей заверил судью, что этот «кто-то» уже есть, поскольку Рыжий Билл женится на его дочке.

Судья Спенсер немного подумал, улыбнулся и спросил:
– Может быть, все-таки гуманнее вздернуть Билла рядом с Чалмерсом, Эндрю?

Мэр принял шутку и улыбнулся, а не обиделся. Процесс переоформления собственности бывшего шерифа (основу которой составлял городской магазин), еще не закончился и Эндрю Грей спешил угодить по ничего не стоящим мелочам всем, кто мог встать на его пути к цели. Дочери мэра попросту неприлично было выходить замуж без хорошего приданого, а деньги, как и скомканные ворованные штаны, о которых упоминал судья Спенсер, могли легко заткнуть глотку любому моралисту, если бы тот вдруг решил вспомнить бурное девичество новобрачной.

Феликса Чалмерса и Дьюка Корриса вздернули на рассвете следующего дня. Толпа горожан, собравшаяся на площади, испуганно ахнула, но уже через минуту стала расходиться, тихо беседуя о своих повседневных делах. Только два человека – мальчишка-газетчик и сумасшедший «старатель»

Габриель Нуньяс – пытались расшевелить толпу. Но жителям Стоктона вдруг стала неинтересна местная газетенка, а на всегдашнюю проповедь старика Нуньяса, что, мол, вокруг города стало еще больше скелетов и еще больше золота, никто, как и прежде, не обратил внимания.

– Ну, я же вам говорил, – потирая руки и широко улыбаясь, заявил Алану и Майклу Спенсерам Ховард Уэсли. – Одним сукиным сыном стало меньше. А когда полковник Дикс доберется до Мексиканца Джо и они хорошенько намнут друг другу бока, мы можем забрать свои деньги и убраться подальше.

– Может быть, рискнем сейчас? – хмуро спросил Алан.

– Мне надоело рисковать своей шкурой, парень, – отмахнулся Уэсли. – Тем более что дело уже сделано, и нам нужно лишь немного отдохнуть в прекрасном обществе.

Еще не закончив фразу, Ховард шлепнул ниже поясицы стоящую рядом с ним Сьюзи. Та засмеялась и поцеловала его в макушку.

На столе появилась бутылка виски, и Уэсли разлил спиртное по стаканам.

– За нас!.. – коротко бросил он, поднимая стакан.

Майкл выпил молча, а Алан только пригубил из стакана. Потом он посмотрел на брата и пришел к выводу, что обилие спиртного и еженощные любовные утехы привели его едва ли не в первобытное состояние. Лицо Майкла сильно опух-

ло, посинело, а глаза стали бессмысленными и водянистыми, как у лягушки.

«Все-таки Ховард нарочно это делает, – подумал Алан. – Справиться с таким слизняком, в которого превратился Майкл, сможет даже гном. Нас уже не двое, я остался совсем один».

Ночью Алан снова и снова расспрашивал Сьюзи об Уэсли. Молодая женщина была умна и наблюдательна, а Алану было интересно все: привычки Уэсли, его слабости, места, в которых он может скрываться, и даже где, с кем и как он провел свое детство.

– Ты боишься его? – наконец спросила Сьюзи.

– Да, – честно признался Алан. – И так сильно, что уже не опасаюсь, что ты расскажешь Ховарду о моих расспросах.

– Почему? – женщина улыбнулась.

– А зачем тебе это делать, ради денег?.. Но я уже заметил, что ты не жадна. Ради любви?.. Но ты не любишь Ховарда, ты любишь слишком многих, и я не думаю, что Уэсли занимает в твоей жизни особенное место. Ты просто любишь жизнь...

– Ах, угадал, ковбой! – Сьюзи захохотала. Ее смех, чуть хриплый, но все-таки не лишенный чисто женской мелодичности, нравился Алану.

Он привстал на локте.

– Ховард явно хитрит, Сьюзи и мне не нравится это. Посмотри, во что превратился Майкл благодаря его заботам.

– У твоего брата просто сдали нервы.

– Раньше я не замечал за Майклом такой слабости, как нервы. А теперь из него выжали все мозги и волю.

– Ладно, ладно... – Сьюзи повернулась на бок, обняла Алана за шею и уложила на спину. – Ты мне нравишься, и, кажется, кое-чем я смогу тебя порадовать. Во-первых, насколько я знаю, у Уэсли нет слабостей. Он почти не пьянеет, может не спать сутками и у него никогда не дрожат руки.

– Спасибо, успокоила, – вырвалось у Алана.

Сьюзи поцеловала его в нос.

– Но одну вещь я все-таки заметила... Он плохо видит, когда смотрит вверх. Однажды я окликнула его с балкона, когда Ховард стоял внизу, он поднял глаза и не узнал меня. Говорят, что есть такая болезнь, которое сужает поле зрения глаз. Теперь вспомни сам, не замечал ли ты, чтобы Уэсли отказывался от какого-то своего дела, если ему пришлось бы стрелять вверх?

Алана подумал.

– Нет, не помню, – неуверенно сказал он. – Но, например, в Змеином ущелье он то и дело палил вверх...

– Ховард прицеливался? – перебила женщина.

– Не обратил внимания... Не до того было.

– Но он стрелял быстрее обычного?

Алан снова задумался:

– Да, пожалуй.

– Вот видишь, – Сьюзи поцеловала Алана в лоб, как ребенка. – Значит, он стрелял не целясь.

– Но тогда почему он выбрал дорогу именно через это ущелье?

– Не знаю... А разве у вас был другой путь?

Алан потер лоб и ему показалось, что он ощутил теплоту недавнего поцелуя Сьюзи.

– Я плохо знаю эти места и... – наконец обреченно сказал Алан.

Он не договорил, Сьюзи заткнула ему рот поцелуем. Женские губы были жадными и сильными.

«Значит, Уэсли плохо видит, когда он смотрит вверх, – чуть позже и уже усыпая, подумал Алан. – Хотя, очень даже может быть, что Сьюзи лжет. Но зачем?.. Я такой же ее клиент, как и Ховард».

Мысли путались, и он скоро уснул.

10.

Через неделю полковник Дикс все-таки нашарил возле Иссури банду Джо Мексиканца. Но схватка, которой так жаждал полковник, сложилась для него не так успешно, как он планировал: во-первых, Джо снова не жалел своих людей, а, во-вторых, многие его парни, отлично понимая, что главарь посылает их на верную смерть, вдруг продемонстрировали солдатам мужество средневековых фанатиков. Битва между грабителями и защитниками закона скоро стала похожа на резню. Первым дрогнул полковник Дикс. Джентль-

мен, но все-таки не рыцарь, он дрался не за средневекового короля, а переизбираемого Президента Штатов и получал за это зарплату, которой, в случае своего боевого упрямства, мог запросто лишиться. Отступление солдат едва не превратилось в бегство. Полковник Дикс получил пулю ниже пояса и спасся только благодаря коню, которому, в свою очередь, шальная пуля задела бок, но это дало полковнику лишней шанс, потому что раненного коня не нужно было подгонять единственной шпорой.

– Дикс попробует взять реванш и это будет скоро, – уже после прочтения газетной статьи, прокомментировал сражение Уэсли Ховард. – В противном случае, он может лишиться своих погон.

– И как долго нам наблюдать за их драками? – осведомился у главаря по-прежнему нетерпеливый Алан.

– До тех пор, пока солдат Дикса и бандитов Мексиканца не станет раз в десять меньше, и они забудут об ограбленном дилижансе.

Алан усмехнулся.

– Но тогда нужно втянуть в это побоище горожан Стоктона. Они никогда ничего не забывают, а место, где мы спрятали деньги им примерно известно. Хватит и двух стволов, чтобы устроить для нас хорошую засаду.

Уэсли задумался, по его лицу скользнула тень. Вскоре, встав из-за стола, уставленного бутылками, он ушел в ком-

нату Сьюзи.

– Думать пошел и, наверное, лежа, – тихо сказал Майклу Алан. – Слушай, Майкл, тебе тоже пора вспомнить о своих мозгах.

Когда Майкл молча потянулся к стакану, Алан грубо выбил его из рук.

– Прекрати, скотина! – крикнул он.

Какое-то время Майкл тупо смотрел на лужицу виски на столе и тихо сказал:

– Ты знаешь, а я ведь очень устал, Алан.

– Устал от виски? – съехидничал Алан.

– Нет, от всего... Я никогда не был хорошим бандитом и всегда заливал это понимание, – да и, честно говоря, все остальное – виски, – Майкл поднял больные глаза на брата. – Я вижу, что ты побаиваешься Уэсли. Возможно, так и нужно делать в нашем теперешнем положении. Если я тебе мешаю – брось меня, плюнь на деньги и удирай отсюда.

Алан нагнулся к уху брата и горячо зашептал:

– Да, я боюсь получить пулю в спину от Уэсли, но я никогда не брошу тебя. Теперь подумай о том, что пятьдесят тысяч не делятся на три без остатка, и мы можем оказаться в этом остатке, Майкл. Мне кажется, Уэсли терпит нас только потому, что боится нарваться на засаду один. Ему пока нужны лишние глаза, стволы и уши.

Майкл расслаблено откинулся на спинку стула. Его слегка повело в сторону, он резко выпрямился и чертыхнулся.

– Боюсь, что от моих глаз и ушей Уэсли будет мало проку.

– Тогда ему может пригодиться твоя тупая, безголовая фигура. Ты можешь принять на себя десяток пуль, пока Уэсли будет удирать с мешком денег.

Майкл закрыл руками лицо и с силой потер его широкими ладонями.

– Как же все надоело!.. – простонал он.

– Ты всегда был большим ребенком, Майкл, – не без горечи и, переходя на шепот, быстро заговорил Алан. – Тебе действительно не стоило связываться с ребятами Уэсли. Тебе нужно было просто найти другую девку, а не эту продажную вертихвостку Джилли, нарожать с ней кучу детей и жить где-нибудь на тихой ферме, – круглые глаза Алана вдруг стали недобрыми, и он стукнул кулаком по столу: – Интересно, какая сволочь придумала эту дьявольскую штучку – любовь?

– Я однажды слышал, будто это был Бог, братец.

Алан улыбнулся, обнажая желтоватые зубы.

– Ты наивен, Майкл. Например, опытная прачка никогда не стирает тонкое белье вместе с грязными ковбойскими штанами. В какой мир бросил Бог свою любовь, Майкл?.. Оглянись по сторонам. Нечистый таз с бельем просто райское местечко по сравнению с тем местом, где мы живем. Кто твой Бог: дурак или душевнобольной меланхолик? Если Он создал любовь, то почему Он не позаботился о мире, в котором она будет жить? Представь, что выпал свежий снег, и он прикрыл все: разбитый дилижанс, трупы наших ребят

в Змеином ущелье и даже такой город, как Форт-Стоктон. Скажи мне, Майкл, эта чистота будет правдой или она только скроет страшную правду?

– А что такое правда, Алан?

– Правда, это то, что ты видишь своими глазами, Майкл. Правда, это истинная и подлая суть всего происходящего. Правда это то, что ты вставляешь в барабан своего кольца и от правды с противоположенной стороны тебя не спасут дурацкие чувства к смазливой вертихвостке. Правда всегда бывает или горькой, и грязной. Возьми двух человек, и даже между друзьями и братьями ты найдешь трещину. Это тоже правда, Майкл, уже не только горькая, но и ужасная, как у нас с тобой.

– И сверху Бог сыплет белым снегом? – усмехнулся Майкл.

Алан кивнул:

– А выживает тот, кто знает правду, Майкл. Ты согласен со мной?

В ответ Майкл только пожал плечами и уставился на бутылку виски...

Через час вернулся Уэсли. Следом за ним шла Сьюзи Ллойд. Повеселевший Уэсли Ховард сел за стол, смахнул лужицу виски рукавом куртки и потянулся за бутылкой.

– Есть выход, ребята, – сказал он. – Честное слово, Сьюзи умна как сам дьявол.

Молодая женщина скорчила недовольную гримаску, но так ловко, что ее личико тут же похорошело. Алан не заметил на нем прежних морщинок – глаза Сьюзи светились легким и веселым лукавством.

– Пусть жители Стоктона найдут клад в Змеином ущелье, – продолжил Уэсли. – Только тогда они перестанут искать его, а заодно и нас.

– Ты с ума сошел, Ховард! – возмутился Алан.

Уэсли захохотал.

– Ты молодец, Сьюзи. Алан никогда не был дураком, но он поверил. А значит, поверят и остальные.

Уэсли плеснул виски в два стакана и, мельком бросив Майклу: «А тебе пора отдохнуть от этой дряни, парень», поднял свой стакан:

– За финал всей этой истории, ребята.

– Может быть, ты все-таки расскажешь, что вы там придумали? – Алан кивнул на дверь спальни Сьюзи.

– Конечно, расскажу, – легко согласился Уэсли. – Все очень просто...

Пока он говорил, Алану не давала покоя двоякое чувство: он почти верил Уэсли, внимательно рассматривая его повеселевшее и вдруг ставшее добродушным лицо, но ему не давала покоя мысль, что правда жизни – черт бы ее побрал! – не может быть такой прямодушной и честной.

«Например, сейчас, в эту минуту, Сьюзи не похожа на проститутку, но разве она перестала ей быть? – размышлял

про себя Алан. – И с чего это вдруг Уэсли стал волновать хронический алкоголизм Майкла?.. Да-а-а, густой снежок пошел, ничего не скажешь».

11.

Лора Уайт приехала в Форт-Стоктон рано утром и напрямик направилась в городскую мэрию. Пожилая женщина сильно хромала, опираясь на палку, а по ее когда-то красивому, а теперь покрытому потом и дорожной пылью лицу, гуляла глумливая усмешка.

– Что тебе, Лора? – едва взглянув на женщину и не поздоровавшись, недовольно проворчал мэр Эндрю Грей.

– Дай мне выпить, – ответила женщина низким и хриплым голосом. – Я устала как старая собака, Эндрю.

– Тут не салун, – старый мэр все-таки извлек из своего рабочего стола початую бутылку виски и поставил на стол. – Зачем пришла?

– Соскучилась по тебе, мой шаловливый мальчик. Лейлей, и не жалею свое дерьмовое виски.

Когда-то Лора работала в заведении Сьюзи Ллойд, но десять лет назад шальная пуля, выпущенная нетрезвым ковбоем, здорово покорежила ей колено. У Лоры всегда было много клиентов, а наиболее дорогих из них она называла «мальчиками». Среди «мальчиков» часто встречались извращенцы, но, во-первых, Лора умела хранить чужие тайны, а, во-

вторых, еще более ловко она извлекала из них выгоду.

Старик-мэр уже было собрался нагрубить неожиданной гостье, но Лора со стуком поставила пустой стакан на стол.

– Ховард Уэсли умер, – сказала она.

Мэр тупо уставился на Лору.

– Что-что? – с удивлением переспросил он.

– Уэст умер, – повторила Лора и зло улыбнулась. – Его притащили ко мне домой двое незнакомых ребят на следующее утро после пальбы в Змеином ущелье. Уэст был ранен в живот и, как это ни странно, он сильно страдал.

– Почему странно? – неожиданная новость и странная улыбка Лоры сбили мэра с толка. Он часто моргал глазами и смотрел на женщину так, словно видел впервые.

– Потому что негодяи никогда не мучаются. Как правило, они стреляют первыми и остаются в живых, а чтобы убить их, нужен целый рой пуль и желательно с разных сторон. Поэтому они умирают быстро и без мук, – Лора посмотрела на пустой стакан, перевела взгляд на мэра и перестала улыбаться. – Те парни ушли, а Уэст остался. Он надеялся выжить и просил привести врача. Но в нашем шелудивом Биг-Роуте, который в три раза меньше вашего паршивого Форт-Стоктона, есть только коновал и вечно пьяный аптекарь.

Мэр понемногу пришел в себя и в его взгляде, неотрывно следившем за лицом Лоры, появилась тень интереса.

«Конечно, она врет, – решил Эндрю Грей. – Но зачем она это делает?»

Лора продолжала говорить:

– ...Когда Уэсли понял, что он все-таки умрет, он заплакал, как мальчишка. Честное слово, мне было легче терпеть его, когда он бредил. Уэсли совсем размяк и в самый последний день попросил у меня Библию.

«Точно, врет!» – засмеялся про себя старик-мэр.

– ... А потом, прежде чем наконец-то откинуть свои грязные копыта, Уэсли рассказал мне, где он зарыл свой клад, – Лора протянула руку к пустому стакану. – Плесни еще немного своего пойла, Эндрю. Каким бы мерзавцем не был Уэсли, мне больно вспоминать его последние минуты.

Мэр и не подумал взять в руку бутылку.

– Ты знаешь, где Уэсли спрятал свои деньги, Лора? – без выражения спросил он.

– Да.

– И именно с этой новостью ты пришла ко мне?

– А к кому мне идти еще? – удивилась Лора. – Дилижанс ограбили возле вашего города, и у вас еще нет шерифа. Насколько я знаю, в вашем городе кончились дебилы, желающие подставлять свои жалкие мозги под бандитские пули.

– И ты предлагаешь мне забрать деньги Уэсли?

Лора усмехнулась.

– Вообще-то, у покойников не бывает собственности, Эндрю, – женщина сама взяла бутылку и плеснула виски в стакан. – Пока это ничьи деньги. Но ничьи только пока.

– А почему ты сама не забрала их?

Лора подавилась виски.

– Эндрю, ты совсем ополоумел?! Где ты видел, чтобы одинокая, немолодая дама с больной ногой ползала по ущелью в поисках клада и сдвигала с места здоровенные валуны? Кроме того, ты забыл о банде Джо Мексиканца, о такой же, если не хуже, шайке полковника Дикса и своих добрых и милых горожанам. Последние, насколько я знаю, готовы перерезать глотку за один доллар или бутылку виски.

«Ну и язва!..» – подумал старик-мэр.

Мысль тут же оборвалась. Эндрю Грей никак не мог сообразить, как уличить Лору Уайт во лжи, но так, чтобы не ошибиться в своих расчетах. Ведь если она действительно что-то знала, это могло бы здорово пригодиться в поисках денег.

– Подожди, не кричи, Лора. Итак, ты знаешь, где клад?

– Я уже говорила об этом.

– А где тело Уэсли?

– На нашем городском кладбище. Ты можешь легко откопать его, правда, я не гарантирую, что труп хорошо сохранился.

– Прежде чем сунуться в Змеиное ущелье, я возможно сделаю это. А какую сумму называл Уэсли?

Лора пожала плечами.

– Он произнес только два слова « мои деньги».

– Странно...

– Что же тут странного? Уэсли больше бредил и только три или четыре раза приходил в себя так, что мог отличить

меня от очередного адского привидения. Эти репетиции ухода на тот свет страшно затянулись, и меня уже тошнило от них. Ты ведь сам знаешь, сколько натворил Уэсли.

– Подожди! Ты говорила, что те двое неизвестных ребят бросили его у тебя?

– Ну и что?

– А то, что никто из ребят Уэсли не отказался бы от его денег.

Лора задумалась. Ее взгляд потух, а на лбу и щеках обозначились морщины.

– Слушай, Эндрю, ведь сам дьявол не разберет этих бандитов, – в конце концов, сказала она. – Я не знаю, о чем договорился Уэсли со своими ребятами до того, как он оказался у меня дома.

– Ты хочешь сказать, что бандиты честно, – Эндрю Грей с кривой усмешкой подчеркнул слово «честно», – поделили деньги между собой?

– А почему бы и нет, если они спрятали деньги до того, как их положили мордами в грязь, когда они пытались выбраться из Змеиного ущелья? Тогда Уэсли не был ранен, а спорить с ним никогда не было охотников. Он мог спрятать свои деньги уходить налегке. Про остальных я ничего не знаю. Кстати, сколько человек было тогда в банде Уэсли?

– Шестеро.

– Пятьдесят тысяч на шесть... – Лора подняла глаза к потолку и принялась шевелить губами. – Восемь... остает-

ся еще две тысячи... Значит, примерно по восемь триста на брата. Но, конечно, Уэсли отгрел себе больше.

– А сколько собираешься отгрести себе ты, Лора?

– Пару тысяч, не меньше, – быстро ответила та.

Мэр хитро прищурился:

– А не многовато ли будет за обыкновенный донос?

Лора взяла в руки стакан, задумчиво взвесила его на руке и с удивительной ловкостью запустила им в Эндрю.

– Сам ты иуда! – закричала она. – Это ты всегда доносил на всех, а не я. Я рассказала о мертвом Уэсли, а ты, тогда, двадцать лет назад, сдал Хиггинса и Блейка всего за двести долларов, а потом вложил их в свою избирательную компанию здесь, в Форт-Стоктоне.

Пытаясь увернуться от брошенного в лицо стакана, старик-мэр невольно потянулся к кольцу в приоткрытом ящике стола. Лора заметила это легкое движения и, привстав, резко двинула стол от себя всем телом. Ящик уперся в живот мера и, закрываясь, сжал руку Эндрю как капкан.

Лора наклонила к застывшему мэру красное от гнева лицо.

– А еще ты застрелил Майкла Хедли в спину, – глаза Лоры вдруг повлажнели. – Помнишь?!.. Ты сдал это не из-за денег, а потому что всегда завидовал его удачам. Ты называл Майкла своим другом, он верил тебе, а ты его предал. Знаешь, чему я удивлена больше всего?.. Оказывается, для тебя все-таки есть еще что-то в жизни, что сильнее денег. Пусть

это только зависть, но для такой шелудивой и холодной овцы без мозгов, как ты, зависть это то, что делает тебя похожим на человека.

Эндрю Грей испугался. Страх был противным, потным и плотным, как кусок старой ваты. На какое-то мгновение он почувствовал щиплющий ноздри дым костра, запах свежее испеченного мяса и увидел широкоплечую фигуру на берегу мелководной реки. Майкл Хедли стоял к нему спиной и швырял камешки. Они забавно прыгали по воде, но все-таки не достигали не такого уж далекого, противоположенного берега реки.

«Убью!.. – решил про себя старик, с ужасом глядя в широко распахнутые, полубезумные глаза Лоры Уайт. – Будь ты проклята, гадина!»

– Ты слышишь меня, Эндрю? – склонившееся лицо Лоры едва не коснулось потного лба Эндрю Грея.

– Слышу. Отойди от стола и, пожалуйста, отпусти мою руку, – глухо отозвался старый мэр. – Я согласен, что нам с тобой глупо ссориться по пустякам... – мэр запнулся и быстро добавил: – Я имею в виду те две тысячи, о которых ты говорила.

Лора отвернулась. Она встала, отошла от стола и едва ли не полминуты смотрела в окно. В это время Эндрю Грей с тоской разглядывал свой колыт. Тогда, двадцать три года, назад на берегу мелководной речушки пуля ударила Майкла Хедли в спину, когда тот начал поворачиваться лицом к сво-

ему другу. Время не властно над человеческими привычками и когда Лора Уайт стала так же медленно поворачиваться к столу, Эндрю Грей, едва не схватил колыт. Только диким напряжением воли, ему удалось удержать руку.

«Нельзя, – сказал он про себя. – Здесь нельзя. Вспомни о дочери».

Алан Спенсер был прав. Правда жизни – черт бы ее побрал! – пусть даже если она приукрашена кружевами, любовью и другими разноцветными бирюльками, никогда не сможет стать ни открытой, ни честной.

«Как Лора обо всем узнала, а главное, почему так долго помнила и молчала? – продолжал размышлять про себя старик, уже пытаясь улыбнуться госте. – Я слышал, у нее что-то было с Майклом, но у Лоры «было» со всеми. Проклятая проститутка!..»

– Садись и давай поговорим обо всем спокойно, Лора, – сказал мэр. – Чтобы наша сделка была честной, я должен позвать свидетелей, и ты повторишь им свой рассказ. Ты согласна?

Лора села и кивнула. Ее лицо уже казалось уставшим и безразличным.

«Знала, помнила, молчала, но так и не поумнела», – с облегчением подумал старик-мэр.

Лора Уайт действительно привела жителей Стоктона к кладу Ховарда Уэсли. Он был спрятан под увесистым камнем в самом конце Змеиного ущелья. Точнее говоря, камень был частью длинного карниза над песчаным дном ущелья и только очень внимательный взгляд смог бы увидеть две трещины, превращающие часть карниза в камень. Двое крепких парней ломами сдвинули камень и все увидели потрепанную сумку в небольшом углублении. Рыжий Билл, стоявший за спиной старика-мэра с таким шумом сглотнул слюну, что несколько человек подняли глаза и, кто с удивлением, а кто с откровенной насмешкой, взглянули на него. Через пару дней здоровяка Билла ждала свадьба, которой он не очень-то желал, но альтернативой бракосочетанию с легкомысленной красоткой была крепкая веревка с петлей на конце.

Толпа из трех десятков человек придвинулась ближе к кладу. Одного из парней с ломом толкнули, он выронил тяжелый инструмент, кто-то вскрикнул от боли, но об этом тут же забыли. Все смотрели на сумку.

– Все-таки есть, – с облегчающей радостью, сказал кто-то.

– Брехня! – сказал сумасшедший старатель Габриель Нуньяс и плюнул на сумку с кладом. – Ховард Уэсли никогда не отдавал и не отдаст свои деньги.

Рыжий Билл толкнул несчастного локтем и, нагнувшись, поднял сумку. Клад сначала осмотрели, – в нем были только золотые монеты, – а потом пересчитали.

– Десять тысяч пятьсот долларов, – подвел итог Эндрю

Грей. – Хотя, кое-что мы должны Лоре...

Все посмотрели на Лору Уайт. Та кивнула головой и усмехнулась.

Старик-мэр почесал затылок:

– Но не маловато ли десяти тысяч для клада Уэста, Лора?

И не много ли ты запросила у нас за свои услуги?

– Мы уже обсудили эту тему, Эндрю, – спокойно ответила женщина. – Вспомни, что я говорила: умирая, Уэст говорил о «своих деньгах», но не обо всей добыче.

– Она врет, – сказал Габриель Нуньяс. Он смотрел на деньги, и в его широко распахнутых, безумных глазах не было ничего, кроме презрения. – Она всегда врет.

На физиономии Рыжего Билла выступили нездоровые, красные пятна. Он повернулся к Нуньясу и ударил его по лицу.

– Заткнись! – рявкнул он.

Нуньяс упал, его глаза обессмыслились. Секунд через пять, когда в них проступило удивление, сумасшедший вытер кровь с разбитых губ. Он посмотрел на свою ладонь и спросил:

– Что это?

В толпе слабо хихикнули:

– Это виски ударило тебе в башку, Габби.

Билл сделал шаг к упавшему и хотел ударить его ногой.

– Не трогай его, – Эндрю Грей толкнул зятя в кулаком в спину. – Вот что, ребята, – уже обращаясь к толпе, добавил

он, – как вы видите, нам есть о чем поговорить.

– В первую очередь мы поговорим о моей доле, Эндрю, – сказала Лора.

Старик хитро усмехнулся.

– А тебе не кажется, что мы должны вернуть эти деньги их хозяевам, Лора?

– Но ты обещал, Эндрю.

Фразу Лоры почти никто не слышал. Жители Стоктона заволновались, вдруг узнав, что деньги не будут делить, а просто отдадут.

– Кому ты собираешься их отдавать, Эндрю? – возмутился длинный парень в клетчатой рубашке, из которой, как из хомута, торчала длинная, тонкая шея. – Тех ребят, что были в дилижансе, перестреляли, а банк, которому деньги якобы принадлежали, отказался от них. Это грязные деньги, Эндрю, которые получили с помощью какой-то махинации на строительстве железной дороги. Все знают это и даже сумасшедший Нуньяс.

Толпа одобрительно зашумела. Единодушие горожан порадовало мэра, но он все-таки поднял руку:

– Тише, тише! – от крика у старика выступили синие жилы под скулами. – Все не так просто, как вам кажется.

– А стоит ли усложнять? – усмехнулся длинный. – Кто вообще, кроме нас, знает, что мы нашли деньги? И кто подтвердит, что они принадлежали Уэсту? Может быть, сам покойник Уэст?

– Она может, – Эндрю Грей кивнул на Лору.

Толпа замолчала, рассматривая напряженное и злое лицо Лоры.

Когда пауза слишком затянулась, женщина твердо сказала:

– Либо вы заплатите мне две тысячи долларов, либо я пойду к судье.

– Есть и третий вариант, мадам. Вереvoчная петля, в которой сдох наш бывший шериф, еще свободна, – сказал длинный. Он пнул ногой камень, словно выбивал скамейку из-под ног висельника.

– Только попробуй! – крикнула Лора. Крик, вытянул ее шею так, как будто ее уже тянули вверх с помощью только что упомянутой петли. – Запомни, щенок, из одной петли можно легко сделать и две.

Репутация Лоры Уайт была не столько плохой с моральной точки зрения, сколько отчаянно скверной если эту репутацию вдруг кто-то решил рассматривать со стороны правды жизни. Ну, конечно же моральные законы обещали Лоре в загробной жизни исключительный ад, но до него еще было далековато, а вот с другой стороны никто не сомневался, что Лора сильная женщина и она способна постоять за себя в любой самой крутой ситуации.

– Хватит болтать ни о чем, – Эндрю Грей задрал руку. – Вы все знаете, что я никогда никого не обманывал. Я даю слово, что мы честно разделим деньги...

Взгляд Эндрю натолкнулся на лицо Лоры. В женских глазах горел нехороший огонек.

– Бери сумку и пошли, – буркнул старик-мэр Биллу Эндрю. – Договорим обо всем в городе. Тут плохое место для споров.

Лора шла впереди толпы рядом с Эндрю Греем и Рыжим Биллом. Жители Стоктона с нескрываемой ненавистью смотрели на спину женщины, приведшей их к кладу.

– Целых две тысячи долларов!.. – перешептывались они между собой. – Интересно, а за что она должна получить такие деньжищи? За то, что приютила подыхающего бандита? Но за это и в самом деле нужно вешать, а не платить.

– Если бы не ее хромая нога, и если бы она сама, без нашей помощи, смогла взять эту сумку, – тихо продолжил общую мысль длинный парень в клетчатой рубашке, – Лоре полагаюсь бы уже не одна веревка, а две. Во-первых, за укрывательство и, во-вторых, за кражу.

– И в самом деле, если мы не вздернем эту старую ехидну, то где же правда? – не без горечи спросил кто-то.

– Дурак ты, – откликнулись сзади. – Лору можно повесить только за Ховарда Уэста, но тогда всплывет сумка с кладом. Короче говоря, умник, если ты даже узнаешь, где правда, то лучше помолчи.

Мэр Эндрю Грей тоже думал о Лоре Уайт.

«Лора не будет молчать, – уже не сомневался старик-мэр, вспоминая ее последний взгляд. – Теперь, чтобы как следу-

ет позабавиться и отомстить, она расскажет обо мне все, и припомнит всех покойников. Конечно, у старой стервы нет никаких доказательств, но ее слова будут действовать на людей как залежалый змеиный яд: может быть и не быстро, но верно. Господи, за что?! Гадюка тихо лежала в своей норе, но вдруг выползла наружу и принялась жалить всех подряд...»

Поразмыслив, Эндрю Грей пришел к выводу, что во всем виноваты деньги. Но золото оживило сердце не только Лоры Уайт. Оно оживило и горожан Форт-Стоктона, которые, потихоньку проклиная Лору, уже с недоверием посматривали и друг на друга.

13.

Алан Спенсер сидел за столом и с помощью патронов выкладывал сложную, похожую то ли на ежа, то ли на дикобраза, фигурку. Майкл спал на кровати у окна. Он ровно и громко храпел. Уэст раскачивался на стуле, положив ноги на стол.

– Они поверили нам, Алан, – сказал Уэст. – Скоро мы сможем уйти отсюда.

Алан, не поднимая глаз, кивнул. Уэст какое-то время рассматривал фигурку из патронов. У него были пустой взгляд, словно он высматривал пока невидимую цель.

Майкл вскрикнул что-то нечленораздельное сквозь сон и перестал храпеть.

Алан взглянул в сторону брата и окликнул его:

– Майкл.

Майкл тяжело заворочался и через пару секунд снова захрапел.

– Не волнуйся, он дышит, – улыбнулся Уэст. – Кстати, Алан, как ты, надеюсь, понимаешь, нам нужно заплатить за услуги Сьюзи.

– Сколько?

– Четыре тысячи хватит. Еще я заберу свои десять, которые подарил этим дуракам из Форт-Стоктона, и тогда у нас останется тридцать шесть, то есть по двенадцать тысяч каждому.

– А откуда взялись те десять тысяч в Змеином ущелье, Ховард?

– Моя старая заначка на черный день. Иногда такие деньги спасают жизнь. Я вот помню однажды в Сан-Себастьяне, лет пять назад... – начал Уэсли.

В комнату вошла Сьюзи Ллойд.

Ховард оборвал свой рассказ и спросил:

– Как там Лора?

– Напилась и спит. У нее что-то с нервами, – Сьюзи немного подумала и, словно сожалея о чем-то и покачала головой: – Никогда не видела ее такой раньше такой злой.

Уэсли белозубо улыбнулся:

– И поэтому тебе пришлось накачать ее спиртным?

– У меня нет другого лекарства, – Сьюзи села на стул ря-

дом с Уэсли и игриво обняла его за шею. – Тебе не скучно, дорогой?

– А ты также ненасытна, моя милая? – Уэсли отстранился от женщины. – Вопрос не кстати, почему злится Лора?

– Она сказала, что две тысячи за ее работу – слишком мало.

Уэсли расхохотался:

– Какую работу? Твоя подруга что, сошла с ума? Съездить в Форт-Стоктон и посетить с кучей ребят в Змеиное ущелье это не работа, а прогулка.

– Я согласна, но Лора вернулась очень расстроенной.

– Тут причина злости не в двух тысячах. Интересно, что Лора стала бормотать себе под нос после пятого стаканчика виски? – усмехнулся Уэст.

– Ну-у-у, я не знаю... – протянула Сьюзи. – Точнее, я не совсем поняла. Кажется, это очень давнее дело, в котором замешан мэр Стоктона. У Лоры довольно тяжелый характер и она не умеет забывать обиды.

Лора взяла один патрон из кучи на столе и приложила его к фигурке, которую выкладывал Алан.

– Это длинный хвост твоего ежика, – пояснила она.

Уэст встал.

– Ладно, вы тут веселитесь, а я пойду, посмотрю, что происходит вокруг, а заодно подышу свежим воздухом.

– Не выходи на улицу! – крикнула ему в спину Сьюзи. – Тебя могут узнать.

Уэст ничего не сказал и громко хлопнул дверью.

– Он на чердак пошел, – усмехаясь, пояснил Сьюзи Алан. – Ховард даже кресло туда утащил. Сидит, курит и смотрит на дорогу.

– Там же пыльно, – Сьюзи ответила на мужскую ухмылку мягкой, почти добродетельной улыбкой.

– А еще холодно, – согласился Алан. – Но, Уэст называет эту дымовую и пыльную смесь «свежим воздухом».

... Через полчаса, когда обнаженная Сьюзи лежала в кровати рядом с Аланом и бездумно рассматривала потолок, она вдруг сказала:

– У меня нехорошее предчувствие, Алан. Странно, но весь день мне кого-то жаль: то приبلудную кошку с двумя котятками, то спящего посреди улицы пьяницу, то бедняжку Лору.

Алан протянул руку к женскому лицу и осторожно погладил его.

– Ты плакала сегодня? – удивился он.

– Да... – Сьюзи растеряно улыбнулась. – Странный день! Я ничего не боюсь, но знаю, что скоро случится что-то нехорошее... То есть... Не так... Случится что-то большое, понимаешь?

– Нет, – честно признался Алан. – Но случится все-таки плохое или хорошее?

Сьюзи думала целую минуту.

– У некоторых вещей нет цены, – наконец сказала она.

– Например?

– Ну, например, если я уйду со двора, сколько будет стоить моя тень, которая останется на этом дворе?

14.

... Не помогало даже виски, и к полуночи старый мэ́р Эндрю Грей вдруг понял, что попросту сходит с ума. Спасительный сон не наступал, маленькая, жесткая подушка под головой была уже мокрой от пота, а в довершении всего, низкая штора не защищала глаза от яркого лунного света. Старика-мэра душила ненависть к Лоре Уайт. Он ворочался в кровати, замирая на минуту или две, но потом, издав очередное сдавленное ругательство, рывком руки поднимал одеяло и переворачивался на другой бок. Лежать на правом боку было удобнее, но тогда ему в глаза бил яркий лунный свет, а лежать на левом мешала глухая и жутковатая темнота. Эндрю никак не мог понять, какая ненависть страшнее: та, что была светлее, то есть подсвечивалась луной через закрытые веки или та, что была черной, как не имеющий дна колодец. Вчерашние, еще недавно казавшиеся очень важными, мысли о магазинчике Феликса Чалмерса, который можно было бы легко прибрать к рукам и о скорой и долгожданной свадьбе дочери растекались масляными, невесомыми пятнами и превращались в насмешливое лицо Лоры.

«Сволочь!.. Гадина! Наглая потаскуха!»

Эндрю устал. Но мысленные ругательства продолжали течь как кровь из глубокой раны и остатки здравого смысла – «Да плюнь ты на это!..» или «Все пройдет, забудь» – были слишком слабы, чтобы зажать эту дьявольскую рану. Кроме того, Эндрю всегда плохо контролировал свои эмоции, если выпивал больше полбутылки виски.

На какое-то мгновение ему все-таки удалось отстраниться от своей ненависти, и он с тоской подумал: ««Может, мне испугаться, а?» Эндрю Грей прожил много лет и по опыту знал, насколько спасительным может быть чувство страха. Он, может быть, и прожил так долго только потому, что во время прислушивался к инстинкту самосохранения. Но сегодня инстинкт молчал, и Эндрю в который раз потянулся к бутылке виски.

Он сел, отхлебнул прямо из горлышка и посмотрел на свои босые и белые ноги.

«Да-да... Так и чокнуться не долго, – думал Эндрю. – А, казалось бы, с чего вдруг?.. Конечно, неприятно, когда за твоей спиной вдруг станут болтать всякую чушь, но, по большому счету, это все равно что безобидный собачий лай, а не вой волков. Вот только...»

Эндрю сделал еще один глоток из бутылки. Мысль оборвалась и Эндрю шурясь, посмотрел на яркую луну за окном. Ровный мертвый свет проник в его мозг и залил его, как вода заливают прибрежные камни.

«Убью!..» – подумал Эндрю и, еще не понимая полностью содержания этой мысли, улыбнулся. Ему стало легче. Тьма ушла, а лунный свет показался ему едва ли не солнечным. Бессонная ночь словно провалилась под пол, и наступило освобождающее утро.

«Что тут такого?.. Убью и все», – снова подумал Эндрю и засмеялся от облегчения.

Он встал и удивился легкости и быстроте своего тела. Ненависть исчезла, и Эндрю, расхаживая по комнате, принялся спокойно обдумывать убийство Лоры Уайт.

«Лучше ножом... так меньше шума. Потом поджечь все... Именно поджечь. Вот только где Лора прячется? Не у своей ли подружки Сьюзи? – старик остановился и потер лоб, собираясь с мыслями. – А если... нет, наверняка там. Она же боится за свои две тысячи долларов. Значит, она там».

Эндрю подсчитал время на дорогу до Биг-Роут и обратно. Он мог легко успеть обделать свое дельце к утру.

«Деньги у Лоры наверняка с собой, – размышлял Грей, собираясь в дорогу. – Что ж, тогда не придется платить из приданного дочери за магазин покойника Чалмерса, – старик хихикнул. – Один покойник не обязан платить другому, если речь идет о живых людях».

Уже садясь в седло, Эндрю Грей вспомнил о пожаре, который он собирался устроить после убийства. В чертовом Биг-Роуте наверняка нельзя было найти ни сена, ни керосина, а уж, тем более, ночью и в нужном количестве. Эндрю при-

хватил еще пару лошадей из конюшни и направился на центральную площадь. У него, как у главы города отвечающего за пожарную безопасность, были ключи от керосиновой лавки Джо Миллера, а что касается сена, то плотно набитые тюки всегда лежали рядом с гостиницей для фермеров.

Улицы городка были пусты и темны. Но во многих окнах еще светились огоньки, и Эндрю Грей легко догадался о причинах внезапной бессонницы горожан. Дело в том, что только те из них, кто был в Змеином ущелье, получили по триста долларов из клада Ховарда Уэста, остальные же – а их было большинство – не получили ни гроша.

«Сейчас учитель Боб Дорн наверняка записывает свою завтрашнюю речь, что, мол, нельзя забывать об интеллигенции во время дележа шальных денег, – старик Эндрю хитро подмигнул единственному фонарю возле магазина Чалмерса. – А умелец-кузнец Арни Фишер думает о том, как бы полвечее сказать так, чтобы все поняли, что деньги нужно было делить с учетом той пользы, которую приносит человек городской общине. Ах, хитрецы, ах, проходимцы!.. Завтра в нашей церквушке проповедь пастора Генри Адамса наверняка будет продолжена выступлениями возмущенных горожан, закончится грандиозным скандалом и парой выстрелов в воздух. Впрочем, я не против того, чтобы переделить нашу добычу, – мэру стало так весело, что он чуть не расхохотался. – Во-первых, мне не достанется меньше, а, во-вторых, никто кроме меня не умеет так ловко соглашаться с двумя

людьми, которые говорят совершенно противоположенные вещи. Это-то есть самая настоящая политика».

Эндрю Грей погрузил на двух запасных лошадей две большие канистры керосина, связав их веревкой, и шесть тюков сена. Работа оказалась не столь легкой для пожилого человека, и мэр решил перекурить перед дорогой. Оглядывая свою поклажу, он подумал было о чрезмерном объеме горючих материалов, но вести одну канистру, не используя в качестве противовеса ее вторую, было затруднительно. Что же касается сена, то его меньший вес не мог гарантировать, что поклажа не свалится в дороге из-за ветра.

«Главное, хватит для адского пламени, в котором сегодня искупается проклятая Лора Уайт», – заключил про себя мэр.

Он аккуратно погасил окурок о подошву сапога и забрался на лошадь.

Как это ни странно, но ночной поход мэра не остался незамеченным. Бывший старатель и теперешний городской сумасшедший Габриель Нуньяс внимательно следил за Эндрю Греем, устроившись в одной из пустых бочек рядом с кузницей городского умельца Арни Фишера. В отличие от остальных горожан бедолага Габриель не получил во время дележа денег Уэста ни цента. Все сочли, что Нуньяс и так не может пожаловаться на свою судьбу: сердобольные горожане каждый день подносили ему в салуне пару стаканчиков виски, кормили и даже дарили обноски. Но, тем не менее, обделен-

ный золотом Габриель страдал не меньше мэра. Ели Эндрю Грей хотел по дешевке купить магазин Чалмерса и ненавидел Лору Уайт, потому что боялся потерять свою должность из-за сплетен, то Габриель тоже боялся, но совсем другого – он боялся перестать быть святым в глазах жителей Форт-Стоктона. Лишенный дома, семьи и здравого рассудка Габриель Нуньяс верил в единственное, что он придумал сам – свою святость. И кто знает, может быть, это и было его настоящим сумасшествием. Основным занятием Габриеля Нуньяса было шатание по городу и выкрикивание бессмысленных фраз. В девяти случаях из десяти его пророчества были дикими и даже страшными, и только лишь если Габриель заранее разнюхивал о свадьбе, из его воплей вдруг исчезали деспотические, требования всеобщего духовного покаяния низведенного до нюхания пыли у его ног. К Габриелю прислушивались только по большим церковным праздникам, сторонились в будние дни и почти никогда не обижали. Легкий пинок или затрещина от взрослого человека или гнилое яблоко в спину от ребенка, разумеется, в счет не шли. Сам Габриель никогда не обижался на такие мелочи. Настоящий святой, по его убеждению, и должен был быть чуть-чуть гонимым. Но теперь, нагло лишенный при всех законной доли добычи из клада Уэста, Габриель Нуньяс страдал не столько из-за золота, сколько из-за потери своего «святого авторитета». Да, святой мог и должен был быть гонимым, но только не откровенно презираемым в серьезных дележках. А между тем,

там, в Змеином ущелье никто обратил на него внимания, хотя Габриель, как ему казалось, характеризуя клад Уэста, нашел удачное, загадочное и колкое словцо «брехня».

– Дурак!.. – обиженно сказал вслед удаляющемуся мэру Грью Габриель.

Когда цоканье копыт стихло, он задумался над тем, зачем потребовались мэру керосин и сено глубокой ночью. Воображение услужливо нарисовало Габриелю небольшой костер и веселый пикник возле реки. Недавно он видел такой, даже подошел к нему вплотную, и веселые молодые люди дали ему кусок яблочного пирога. Габриель попросил виски, ему дали и его под веселый женский хохот.

Габриель заворочался в бочке, устраиваясь поудобнее. Последнее воспоминание было приятным, но мэр уехал один, без веселых женщин, а количество керосина, которое он захватил с собой, говорило, скорее всего, о деловой поездке, а не о пикнике.

«Будет большой костер, – догадался Габриель, – очень-очень большой».

Мысль была приятной и теплой, но именно она и разбередила недавнюю обиду Габриеля. Он вдруг понял, что его последнее пророчество – «брехня!» – можно выполнить и без участия Господа Бога, если жители Форт-Стоктона потеряют больше, чем они нашли сегодня днем.

По большому счету Габриель не умел страдать, ненавидеть или таить злые мысли. В его груди попросту возникала

тупая, ноющая боль и он либо кричал на своего обидчика, пытаясь вместе с криком выдохнуть эту боль, либо уходил и где-нибудь в уединении бился головой о землю, стараясь заменить внутреннюю боль обыкновенной физической.

Когда Габриель вдруг представил себе пылающий Форт-Стоктон, его боль ушла, хотя он не кричал и не бился головой о землю.

«Как хорошо и тепло!..» – подумал он, заморожено рассматривая огромный, до неба, костер.

Габриель наверняка бы уснул, но тут вышел Арни Фишер и прогнал его из убогого убежища – бочки. Арни был недоволен тем, что после визитов Габриеля бочки воняют мочой, а еще больше тем, что золото Уэста ловко проскользнуло сквозь пальцы такого умельца, как он. О последнем Арни, разумеется, не говорил вслух, но, судя по тону его хриплого и злого голоса, золото волновало его значительно больше бочек.

Когда Арни ушел, Габриель обнаружил, что Эндрю Грей забыл закрыть керосиновую лавку. Что касается тюков с венном возле кособокой гостиницы, то и их не стало меньше после отъезда мэра.

Габриель припомнил слова Арни, в его груди возникла тупая, ноющая боль, и она прошла только после того, как он принялся за работу. Он таскал тюки с сеном сначала к зданию мэрии, потом к гостинице, а потом просто к домам. Ему потребовалось три часа, чтобы справиться с нелегкой рабо-

той и еще полчаса, чтобы полить сено керосином.

Когда город запылал, Габриель уселся на землю возле опустошенной керосиновой лавки и, широко улыбаясь, принялся любоваться огнем. Никогда в жизни он не видел ничего более красивого и завораживающе жуткого.

«Бог!.. – подумал он. – Я – Бог!»

Первые людские крики «Пожар!» заглушили выстрелы – в город ворвалась банда Мексиканца Джо. Опытный бандит уже знал о находке жителей Форт-Стоктона и решил забрать у них свою долю, а точнее говоря, все. Правда, Мексиканец планировал нападение на утро, но когда в городе вспыхнул пожар, бандит быстро сообразил, что это очень большая удача.

Растерянные и сонные жители не могли понять, что им делать: тушить пожар, отстреливаться от бандитов или просто убежать из горящего города. Но пожар был огромным, улицы полны бандитами и даже узкие тропинки, начинающиеся на задних дворах, ярко освещались победным пламенем пожара. Еще совсем недавно люди лежали в теплых постелях и думали о золоте Уэсли. Одни усыпали довольные недавней дележкой добычи, другие думали о том, как бы увеличить кусок своей добычи, а третьи, оставшиеся ни с чем, проклинали более удачливых. Когда город запылал, кое-кому показалось, что из-под земли вырвалось не адское пламя, а ожившее и ставшее безжалостным золото Уэсли.

Бессилие противника пробудила в Джо Мексиканце са-

мую дикую свирепость. Он палил без остановки во все стороны и, если даже не видел цели, продолжал стрелять по темным или освещенным изнутри пламенем окнам...

15.

Жителям Биг-Роута повезло значительно больше. В их городишке тоже случился пожар, но куда меньший – уже под утро загорелся знаменитый бордель «Белые цветочки».

Алан Спенсер проснулся как от толчка. Сильно пахло гарью, а за окном отсвечивали красные отблески пожара. Сюзи лежала рядом с ним и смотрела широко открытыми, удивленными глазами на переливающийся красным потолок.

– Что это? – еще не придя в себя, хрипло спросил Алан.

Сюзи ничего не ответила, и Алан тронул ее за руку на голой груди. Рука женщины была неживой и холодной, как лед.

«Умерла?» – обожгла его холодная мысль.

Алан вскочил и на несколько секунд забыл о пожаре. Он сорвал с постели одеяло, но не увидел крови. Лишь из-под левого локтя руки Сюзи, застывшей на груди, виднелось большое, синюшное пятно.

«Сердце... Глупо как!»

Алан бросился в коридор, и его догнала шальная мысль: «Оказывается, у бедняжки Сюзи тоже было сердце».

Уже в коридоре Алан услышал испуганные женские кри-

ки, долетающие с первого этажа борделя. Послышался звон разбитого стекла. Чей-то бас, проклиная все на свете, требовал свои штаны. Алан ударил плечом в дверь напротив и легко выбил замок. Майкл спал прямо на полу, уткнувшись носом в перевернутую тарелку. Он не поднял голову ни после крика, ни после удара ногой под ребро.

– Че-е-ерт! – простонал Алан.

Он с трудом приподнял брата и, пятясь, потащил его в коридор. Едва дверь открылась, языки пламени обожгли затылок Алана. Пожар поднимался вверх подозрительно быстро.

Алан захлопнул дверь и метнулся к окну. Вверх поднималась только одна правая узкая половина рамы, вторая была заколочена наглухо, и ему пришлось выбивать ее ногой.

«Где Уэст?!..» – Алан снова попытался поднять Майкла. Тот промычал что-то, оттолкнул его руку и встал сам. Но Майкл двигался и соображал слишком медленно, и Алану все-таки пришлось тащить Майкла к разбитому окну. Тот слабо упирался и осматривался вокруг округлившимися, бессмысленными глазами.

Из щели под дверью показались первые языки пламени. В комнату повалили клубы белого дыма.

– Майкл, нужно прыгать, – крикнул в ухо брата Алан. – Это пожар, ты понимаешь меня?

Майкл оттолкнул руку брата и слабо выругался. Привалившись спиной к стене и нагнув голову, он что-то искал у себя в карманах. Алан ударил брата по лицу, а когда тот под-

нял глаза, ударил еще раз.

– Алан!.. – донеслось снизу, сквозь треск пожара.

Алан мельком взглянул вниз. Темные фигуры, среди которых он узнал Ховарда Уэста, толкали к окну телегу с сеном. Один ее край уже горел, рослый парень с вилами в руках выхватывал из общего вороха пламени его большие куски и отбрасывал их в сторону.

– Прыгайте, живо! – заорал Уэсли.

Мокрая повязка – защита от дыма – скрывала его лицо, и были видны только злые глаза.

Алан схватил Майкла за плечи и толкнул к окну.

– Давай же!.. – прошипел Майкл в ухо брата. – Давай, иди-от.

Воздух уже обжигал легкие. Когда Майкл – невероятно медленно, как казалось Алану – стал одной ногой на подоконник, Алан живо схватил его за вторую и рванул вверх. Уже через секунду он прыгнул следом в черно-кровавую бездну. Когда Алан съехал спиной по высокому стогу на телеге и, едва устояв на ногах, выпрямился, он сразу увидел перед собой глаза Уэста. Мокрая повязка на лице главаря, усыпанная соломенной пылью, как пудрой, сделала его по-клоунски смешным.

– Ты что? – удивился Уэст, увидев улыбку Алана.

– Я так... Повезло нам, да?

Уэст кивнул.

– Шагай за лошадьми, – грубо сказал он. – Нам пора уби-

раться отсюда.

Прежде чем уйти, Алан стащил с телеги Майкла. Тот все еще плохо понимал, что происходит вокруг, и то и дело трогал затылок, на котором у него обгорели волосы.

Конюшня была в трех десятках шагов от борделя. Обеспокоенные пожаром лошади били копытами землю и тревожно ржали. Выводя последнюю лошадь – кобылу Уэсли, – Алан едва не сцепился с толстяком, столкнувшись с ним в воротах конюшни. Басистый толстяк был возбужден не меньше лошадей и шел так, словно не видел никого вокруг. Алан ударил его кулаком в мягкое, покатое плечо и гаркнул:

– Не видишь, куда прешь, хомячище?!

Толстяк ответил еще большей грубостью и потянулся за кольцом. Он оборвал свое движение только тогда, когда увидел возле своего толстого брюха ствол кольца Алана.

– Что, нашел свои штаны и стал смелым? – спросил Майкл.

Ему вдруг стало смешно. Он засмеялся и ткнул стволом кольца в лоб толстяка. Тот побледнел и присел. Алан обезоружил толстяка, что бы тот не пальнул ему в спину, и все так же смеясь, сказал:

– Пошел вон, идиот.

Тем временем Майкл глотнул из фляжки Уэсли и немного пришел в себя. Его первым усадили на лошадь. Следом тронулся Уэсли, а за ним Алан.

– Куда мы, Ховард? – спросил он в спину Уэсли.

– К Горькому ручью, – коротко ответил тот.

– Не слишком ли далеко?

– Нас там никто не ждет, Алан, – Уэсли оглянулся и подмигнул. – Мы всегда должны быть там, где нас не ждут. Я не испортил тебе настроение? Я гляжу, ты здорово повеселел, а?..

Алан ничего не ответил. На самом деле веселая физиономия главаря вдруг оборвала его беззаботное настроение.

... Уже вечером, сидя у костра, Алан рассказал Уэсли о смерти Сьюзи.

– Нелепо все как-то получилось, – закончил он. – Умереть во сне от разрыва сердца и тут же сгореть в пожаре.

Известие о смерти Сьюзи Ллойд Уэсли принял совершенно спокойно.

– Я не вижу тут никакой нелепости, Алан, – Уэст задумчиво шевелил веточкой угли костра. – Сьюзи раньше жаловалась на сердце, ну а сгореть в огне, так ли уж плохо? – он криво усмехнулся. – По крайней мере, человек не будет гнить в земле.

– Она сильно изменилась за последние два дня, – неуверенно сказал Алан.

Теперь, после смерти Сьюзи, ему хотелось думать о ней только хорошее.

– Сьюзи перестала пить и приставать к мужикам? – съехидничал Уэст.

– Нет, не то... Она стала мягче, что ли... Ну, как ребенок, понимаешь?

На лице Уэста снова появилась ухмылка:

– Я не ничего такого не заметил.

– Наверное, она чувствовала, что скоро умрет.

– Если это действительно так, Сьюзи прыгнула бы в стакан с виски и предпочла утонуть. Я ее слишком хорошо знал, Алан. Не ищи чистые простыни в старом, грязном комодке на заброшенном чердаке.

Алан поморщился.

– Кто знает, Ховард. Ведь любой человек, в сущности, довольно сложная штука и... не знаю как сказать...

– Хватит говорить! – оборвал его Уэст. – Завтра нам нужно забрать свое золото, а тебя вдруг потянуло на дурацкую философию, – Уэст оглянулся и окликнул: – Майкл, ты не спишь?

– Нет, – донеслось из темноты. – Меня знобит, что-то...

– Я тебя не о здоровье спросил, – отрезал Уэст. – Теперь слушайте оба. От Горького ручья до Змеиного ущелья примерно двадцать пять миль дрянной дороги. Десять миль тянутся вдоль Иссури, а пять по Желтому плато. На реке мы можем столкнуться с рыбаками-индейцами, а на плато будем как тараканы на пустом кухонном столе. Это не очень здорово, но не так уж опасно, если мы будем быстро двигаться. Я не уверен, но вполне возможно, что кто-нибудь в Биг-Роут узнал меня во время пожара. А это значит, что нас мо-

гут искать.

– С той повязкой на физиономии даже я тебя не узнал, – подал голос Майкл.

– Как раз с такой повязкой меня слишком часто видели раньше, – быстро возразил Уэст. – Но повторяю, если мы будем двигаться быстро, нам почти ничего не грозит. Потому что никто вовремя не сообразит, где нужно устроить засаду.

– А если нас будут ждать в самом Змеином ущелье? – спросил Алан. – Нас там видели раньше, а ущелье хорошее место для тайника.

– Ты забыл, что достопочтенные жители Форт-Стоктона уже забрали оттуда мой тайник?

В темноте, за спиной Алана, завыл койот. Он вздрогнул и резко оглянулся.

– Все примерно так и будет, – по тонким губам Уэста скользнула хитрая улыбка.

– Что именно? – спросил Алан, возвращая взгляд на лицо вожака.

– А то, что те, кто ищет наш клад, будут глазеть в сторону Форт-Стоктон, – ветка в руках Уэста, которой он шевелил угли костра, вспыхнула, и он швырнул в огонь. – Теперь наш «клад» там. Мы оставим лошадей в миле от Змеиного ущелья и войдем в него по руслу ручья. Даже если какой-нибудь идиот и затаится в скалах наверху, он будет поджидать нас на обратной дороге с добычей. Но мы уйдем другим путем – там есть одна хитрая козья тропка, о которой знаю только

я, и когда-то знала парочка покойников-индейцев. На самом верху нам придется карабкаться по почти вертикальной стене, но там все-таки можно пройти.

– Не там ли твои знакомые индейцы стали покойниками? – съязвил Алан.

– Нет. Но это долгая история и нам пора спать. Завтра у нас долгая дорога.

– О, Господи! – простонал в темноте Майкл. Он закричал, с трудом поворачиваясь на бок, и тихо добавил: – Как же все болит...

– Потерпи, осталось чуть-чуть.

– Завтра мне хватит и трети этого «чуть-чуть», чтобы развалиться на части, – Майкл шумно вздохнул. – Кто мне скажет, за каким дьяволом я выпил за последний месяц целую бочку виски?

Не обращая внимания на Майкла и его жалобы, Уэсли принялся устраиваться на ночлег. Алан встал, подошел к брату и присел возле него. Встретившись глазами с больным взглядом Майкла, он улыбнулся ему.

– Помнишь, ты говорил мне, как тебе все надоело?

– Если честно, то нет.

– Виски такая штука, братец, что она всегда помогает забыть причину пьянки, – полушутливо сказал Алан. – Но виски не убирает причину, а просто перекладывает последствия на завтрашний день. Теперь делать нечего – терпи.

Майкл поморщился, но все-таки ответил на слабую улыб-

ку брата:

– Ты всегда был умным, Алан. За каким чертом ты стал грабителем?

– Я могу задать тот же вопрос тебе, Майкл. В отличие от меня, ты никогда не мог быть злым.

Лицо Майкла стало серьезным.

– Нам обоим пора завязывать с приключениями на большой дороге, Алан.

– Пора.

– Я так и думал, – глаза Майкла ожили, в них появился живой блеск. – Тогда завтра я готов потерпеть.

16.

Ховарда Уэсли убил Майкл Спенсер, а не его брат Алан, при чем сделал это так нелепо, что Алан чуть было не отправился на тот свет вместо главаря.

Они уже поднимались вверх на скалу в Змеином ущелье. Скала была похожа на башню старого рыцарского замка и той тропинки, которую обещал им Уэсли, в сущности, не было. Точнее говоря, тропка шириной в две-три ступни то и дело обрывалась, и им приходилось ползти вверх по крутой, растрескавшейся стене. Впереди был Майкл, за ним Алан и ниже всех Ховард Уэсли с сумкой набитой золотом.

– Это гарантия того, что вы не сбегите, когда подниметесь наверх, – еще внизу пояснил им Уэсли, похлопывая рукой

по сумке. – Я не помню, чтобы кто-то из здравомыслящих людей просил помочь товарища нести кучу золота.

Перевал – плоская вершина скалы – был уже совсем близко, как вдруг Алан увидел, как у ползущего впереди Майкла шевельнулся под ногой большой, казалось, накрепко вмурованный в стену камень.

Алан механически попятился в сторону и крикнул:

– Майкл!

Время вдруг вздрогнуло, словно водная гладь под порывом ветра и потекло как в замедленном сне. У Алана до судороги заломило затылок, но он продолжал смотреть вверх. Камень вывалился из своего гнезда, нога Майкла с глухим шорохом сорвалась вниз.

– Майкл!

Майклу удалось удержаться. У него едва не соскользнула с опоры вторая нога, но он крепко вцепился руками в выбоины в стене. Камень величиной с лошадиную голову отделился от стены и, как показалось Алану, бесшумно покатился вниз. Он посторонился и только потом взглянул вниз. Там он увидел Ховарда Уэсли с зажатым в правой руке кольцом. Он стоял на крохотной площадке и целился в Алана.

«Успеет?!...» – подумал Алан.

Уэсли не успел. Камень подпрыгнул и Уэсли слишком поздно увидел его. В глазах главаря мелькнуло сначала сомнение и он прищурился, словно не верил своим глазам, а потом удивление. Левая рука Уэсли поднялась вверх, паль-

цы растопырились, пытаясь защитить голову от неизбежного удара. Камень проскочил мимо руки и ударил Уэсли в верхнюю часть груди. Главарь вскрикнул и исчез с глаз Алана.

– Майкл, ползи вверх, а я спущусь к Ховарду, – крикнул брату Алан.

– Что там? – испуганным голосом отозвался сверху Майкл.

– Ничего. Ползи вверх, внизу я справлюсь без тебя.

Алан на удивление легко спустился вниз. Уэсли лежал на довольно просторной каменной площадке расположенной метров на пять ниже той, на которой он стоял пару минут назад.

Алан нагнулся. Уэсли открыл глаза, и слабым движением руки поманил Алана. Алан опустился на одно колено. Уэсли напряг шею и приподнял голову.

– По-дурацки все, да? – шепотом произнес он. – Жаль, конечно, но рано или поздно это должно было случиться, – улыбка растянула окровавленные губы. – Поздравляю, Алан...

Голова Уэсли дернулась, глаза закрылись, а изо рта, с потоком пены, хлынула кровь.

Алан встал и осмотрелся. Сумка с золотом лежала рядом. «Не рассыпалась, – подумал Алан, поднимая ее. – А я думал, что придется каждую монетку собирать».

– Алан! – крикнул сверху Майкл. – Что там?

– Все в порядке, братец, – Алан повесил сумку на шею и,

усмехнувшись, похлопал по ней рукой. – Я иду.

17.

К ночи они успели уйти от Змеинового ущелья на десять миль. Алан плохо знал здешние места, и дважды им пришлось возвращаться назад. Первый раз они вышли к неизвестному притоку Иссури и, не зная брода, Алан не решился на переправу, а второй раз они едва не столкнулись с подозрительной группкой людей.

– К черту все, – злился Алан. – Мешок золота и только два ствола слишком большой соблазн даже для порядочных людей.

Майкл сильно устал и едва держался на лошади. По его лицу градом катился пот.

– Можно подумать, что ты не едешь на лошади, а бежишь рядом с ней, – недовольно сказал брату Алан. – У тебя где-нибудь болит?

– В правом боку...

– Наверняка печень. Проклятый Уэст хорошо постарался со своим чертовым виски. Еще пара недель и ему не пришлось бы тратить на тебя пулю.

Темнота прервала их путь. Алан нашел ложбину, в которой можно было развести костер, не освещая при этом дикие окрестности. Он уложил Майкла, стреножил лошадей и приготовил ужин. Но Майкл не прикоснулся ни к окороку,

ни к бобам.

– Тошнит, – морщась, пояснил он.

Алан принялся за ужин в одиночестве.

– Нам бы только добраться до железной дороги, – с набитым ртом заговорил Алан. – Тебя придется оставить у нашего доброго и сумасшедшего дядюшки Кейзи в Текате, а я уеду в Лос-Анджелес.

– Я думал, что мы будем вместе.

– Тебе нужно подлечиться, Майкл. Я очень надеюсь, что дядюшка Джон не забыл свои медицинские познания. Откровенно говоря, он никогда не был сумасшедшим, как считают многие, просто слишком добрым и слишком мягким человеком. Тебе будет хорошо с ним.

Голод постепенно уходил и в глазах Алана потух жесткий, волчий огонек. Закончив с окороком и бобами, он отпил из фляжки три глотка виски и не без усилия оторвал фляжку ото рта. Какое-то время он, замерев, смотрел в темноту.

– Все, кто хоть раз прикоснулся к проклятому золоту Уэсли, умерли, Майкл, – спустя минуту, заговорил Алан. – Не показывай свое золото доброму дядюшке Кейзи. Каким бы добрым и мягким он не был... – Алан все-таки сделал еще один глоток из фляги. – Один дьявол знает, на что способен любой из нас из-за таких денег.

Майкл слабо улыбнулся и спросил:

– А ты?

Алан поднял глаза.

– Что, я?.. – Он долго и удивленно смотрел на Майкла и, наконец, поняв суть его вопроса, засмеялся: – Ты с ума сошел, братец. Во-первых, я не Ховард Уэсли, а, во-вторых, должен же быть хоть какой-то предел человеческой подлости. Я, пожалуй, соглашусь с тобой только в том, что во многих людях этого предела попросту нет. Например, как не было его в Сьюзи. Эта гадина сказала мне, что Уэст плохо видит, когда поднимает глаза к небу. И я – проклятый идиот! – ей поверил. Правда, не сразу, а перед самым пожаром, когда Сьюзи сильно изменилась и стала какой-то другой... хотя, нет, точнее... как бы это сказать?.. – Алан почесал затылок. – Ну, она словно превратилась рассеянную святую, что ли?

Майкл снова улыбнулся:

– Похоже.

– В том-то и беда, – Алан вздохнул. – Я поверил ей и поэтому позволил Уэсли ползти на гору позади нас.

– А может быть, Сьюзи просто забыла, что говорила тебе?

Алан захолопал округлившимися глазами:

– Как это забыла?!

– Ну, просто забыла и все. Она ведь и в самом деле сильно изменилась за последние два дня и если бы вспомнила тот ваш разговор, когда соврала по просьбе Уэста, она сказала бы тебе правду. Но она забыла... Когда человек торопливо переезжает из одного дома в другой, он может упустить из виду кое-какие вещи.

– Не думаю, что смерть хозяйки борделя может быть по-

хож на переезд, – нахмурился Алан. – Такой стерве как Сьюзи некуда уезжать из своего грязного бедлама, ну, разве что в ад. Человек не меняется так быстро, Майкл.

– А вдруг?

Алан презрительно скривился.

– Чушь! Сьюзи что, стала святой и поверила в Бога?

– Все не так просто. Я хочу сказать, что иногда человек может поверить в то, что он не один.

– А второй, тот, кто с ним, кто он? Все-таки Бог?..

Майкл заворочался, устраиваясь поудобнее, и подтянул одеяло к подбородку. Алан покосился на фляжку, отложил ее подальше и, взяв котелок, принялся лениво выбирать остатки бобов.

– Однажды со мной случилась одна любопытная история, Алан, – заговорил Майкл. – Мне было шестнадцать лет, и я разговаривал со священником. Я пытался доказать ему, что Бога нет. Тогда он сказал мне: «Понимаешь, для верующего человека Бог такая же реальность, как пальцы на его руке. А теперь посмотри на свою руку и попытайся внушить себе, что у тебя нет одного пальца». Я возразил, что, мол, палец, в отличие от Бога, все-таки существует на самом деле. Священник сказал: «Тогда тебе нечего бояться. Ты будешь видеть десять своих пальцев, и твое самовнушение закончится ничем». Вечером, оставшись один, из любопытства, я все-таки сделал то, о чем говорил священник. Я целых полчаса смотрел на свои руки и говорил себе, что у меня не десять

пальцев, а только девять. Конечно, все закончилось ничем, но... – Майкл замолчал.

Алан скреб ложкой по дну котелка.

– Что примолк? – не поднимая головы, спросил он. – Хочешь подчеркнуть эффект?

– Утром у меня сильно опух левый мизинец.

– И что это доказывает? Самовнушением может быть как вера, так и неверие.

– Может. Но меня удивила его сила. Понимаешь?.. Откуда она, эта потрясающая способность, если Бога нет?

Алан зевнул и отбросил котелок.

– Мы жили с тобой в одном городишке, Майкл, и я знаю, как звали того священника, с которым ты говорил – отец Педро. Вот только ты не знаешь, что этот смиренный католик, не смотря на свою веру в Бога, иногда заглядывал по ночам к одной миленькой вдовушке.

– А что это доказывает? Разве не то, что даже сильный человек – слаб?

Алан вдруг ласково улыбнулся, рассматривая ожившее лицо брата.

– Послушай, Майкл, о чем мы с тобой говорим? У нас с тобой есть куча золота, и весь мир хочет отнять его у нас. Завтра нас ждет опасная дорога и – черт бы меня побрал! – я не уверен, что смогу дотащить тебя до добрейшего дядюшки Кейзи. Короче говоря, нам нужно хорошо выспаться, братец.

– Ты спи, а я подежурю. Все равно не усну.

– Бок сильно болит, да?

Майкл промолчал.

– Нам нужно поторопиться, Майкл, – уже залезая под одеяло, сказал Алан. – К черту все лишние мысли и переживания. Только вперед!

– А что впереди?

– Я уже говорил: для тебя – дядюшка Кейзи, а для меня – Лос-Анджелес. Ну а вера в то, что мы дойдем до конца, в отличие от всех других вер, не отвлекает и не мешает мне жить.

Прежде чем уснуть, Алан вспомнил Сьюзи.

«А если она мне не врала? – вдруг подумал он. – Ховард сильно шурился, когда смотрел на камень, да и вообще... Будь я на его месте, я легко смог уйти в сторону, а он почему-то опоздал. Но тогда зачем Уэсли решил пристрелить нас во время подъема, если плохо видел, когда смотрел вверх?»

Сон подкрадывался незаметно. Мысли Алана светлели, из них уходило напряжение и злость, вместе с тем они становились все короче, а слова превращались в неясные образы.

«Уэсли просто испугался. Нет, не за золото. Меньше, чем за полминуты до того, как он вытащил свой кольт, я несколько раз окликнул Майкла... Неужели Уэсли испугался моего крика? Но тогда я должен был кричать так, словно был готов умереть за Майкла, – прежде чем сон окончательно победил Алана, он успел подумать: – Сьюзи... Чертова стерва... Мне все-таки жаль тебя... И если Бог действительно есть, ты мне

не врал. Загадка, да?.. Огромная загадка».

Алан уснул, так и не решив эту последнюю загадку.

Майкл не спал до полуночи, и даже когда стихла боль в боку, он долго смотрел на слабое пламя костра. Иногда он привставал и подкидывал в него пару веток из кучи, принесенной Аланом. Майкл думал и в его глазах светились то ли звезды, то ли пламя костра.

18.

Как говорил один умный человек, и добро, и зло у времени в плену, но если зло способно на восстание, то добро – только на побег. Что же касается Алана Спенсера, то он никогда не забивал себе голову подобными, чисто философскими измышлениями, и, может быть, благодаря этому стал хорошим писателем.

Во-первых, Алан учел свои прошлые, еще юношеские творческие ошибки, то есть те, которые он успел сделать до того, как попал в банду Ховарда Уэсли, а, во-вторых, он перестал бояться учиться. Днем Алан читал, а вечером переписывал абзац за абзацем из понравившихся ему книг, вдумываясь в каждое слово и в их едва уловимую связь. Через год тяжелого труда Алан наконец понял, чем отличаются бездарные книги от интересных. Если первые только рассказывали о чем-то, и их текст походил на монотонное журчание ручья, то вторые – как бы это ни парадоксально звучало – умели

спорить сами с собой. И это был не философский спор за какую-то идею, а куда более сложный конфликт – драма столкновения характеров, желаний и страха потерпеть поражение.

Алан Спенсер почти не обращал внимания на беспокойный Лос-Анджелес. Город жил своей жизнью, Алан – своей. Это совсем не значило, что он вдруг полюбил одиночество, просто Алан находил тех людей, которые ему были интересны, но одновременно их никогда не было больше двух. Самыми частыми гостями Алана были старик Джеймс Роллинг, издавший в свое время около сотни дешевеньких книг в желтых обложках и худой, желчный Адамс Гирланд, отдавший без остатка свою жизнь литературным критическим статьям. Критик Гирланд ненавидел писателя Роллинга, тот в свою очередь откровенно посмеивался над своим врагом и когда они собирались втроем встреча, как правило, заканчивалась тем, что критик пытался выплеснуть содержимое своего стакана в физиономию писателя.

– Роллинг бездарность, жалкая тварь, недоумок, – жаловался позже Алану Адамс Гирланд. – Настоящий творец и писатель может создавать все что угодно, даже порнографию, но только не мусор. Будь моя воля, я бы издавал опусы этого (тут следовало очень выразительное и совсем не литературное слово) на туалетной бумаге, и отдавал их в сумасшедшие дома, при чем совершенно бесплатно.

Алан улыбался, кивал и терпеливо ждал, когда Гирланд наконец успокоится и заговорит о литературной технике того

или иного знаменитого писателя. Не смотря на свою несдержанность, Гирланд умел думать, а главное, делать кое-какие выводы.

– Учись видеть акценты текста, молодой человек, – когда Адамс Гирланд приступал к лекции, он становился надменным и холодным, а в его глазах загорался фанатичный, фосфорический огонек. – Эти акценты в словах, которые любит писатель или его любимых выражениях. В каждом тексте есть узловые моменты. Как их найти? По глаголам. Там, где их больше всегда концентрируется смысл...

– Не трави свои бедные уши всякой белибердой, парень, – внушал Алану Джеймс Роллинг. – Запомни одно, чем меньше прилагательных будет в твоём тексте, тем лучше. Нельзя написать рассказ о неподвижном каменном памятнике или о заброшенном молотке, который лежит под столом. Суть в том, что чем менее подвижен твой герой, тем больше прилагательных ты вынужден использовать. Учти, что если вдруг эти чертовы прилагательные поперли из тебя, как пена из бутылки шампанского, значит ты где-то ошибся...

Да-да-да!.. Не смотря на то, что Адамс Гирланд предпочитал восхвалять глаголы, а Джеймс Роллинг ругал прилагательные, Алан быстро понял, что они оба говорят об одном и том же.

Через год Алан издал на свои средства первую книгу рассказов. Едва выйдя на рынок, книга бесследно провалилась как иголка в щель пола. А может быть, если говорить точ-

нее, как кусочек сыра в пустую бутылку, в которую опытные домохозяйки ловят мышей. Убытки Алана составили целых пятьсот долларов, но желание издать очередную книгу еще сильнее жгло его сердце. Чтобы справиться с собой Алан ушел в неглубокий и осторожный запой. Спиртное помогло, и через неделю он понял, что издательство, в котором печатают книги начинающих авторов за их деньги, это и есть та бездонная бутылка, а он совсем не опытная домохозяйка, а обыкновенный болван, выбросивший на ветер свои деньги.

Как-то раз утром, еще толком не выйдя из запоя, Алан сел за письменный стол и размашисто написал сверху чистого листа бумаги «Правда жизни Форт-Стоуна». Дальше случилось чудо – текст пошел сам собой и, как казалось Алану, он только записывал то, что слышал внутри себя. Алан ничего не придумывал. Он просто вспоминал лица Ховарда Уэсли, Феликса Чалмерса, их бравых ребят и даже жителей Форт-Стоктона. Его герои шли к своей цели – золоту – напролом, а поскольку цель была одна, то в финале возникла грандиозная драка. В ее описании не было места таким прилагательным как «подлый», «низкий» или «гнусный», их места заняли глаголы «быстрый», «стремительный» и «молниеносный». Ведь Алан говорил только правду.

– Как в жизни, – бормотал себе под нос Алан, торопливо записывая вереницу приходящих ниоткуда мыслей. – Как в реальной жизни, черт бы ее побрал.

В его рассказе победил один человек – Джо по прозвищу

Белая Крыса. Раненный в живот, он все-таки добрался до своей любовницы – красавицы-вдовы Мегги Уотсон – и упал на пороге ее дома, уронив сумку с золотом. Та, не долго думая, решила отравить надоевшего ей свирепого любовника. Но Джон, страдая от боли, отказывался от воды и пил только свое виски. Сумка с золотом лежала на столе и высыпавшаяся из нее горсть монет горела желтым, дьявольским огнем. Мегги прикинула, что рана Джона не так уж страшна и уже к утру ему, возможно, станет легче. Тогда, делая вид, что она поправляет повязку на животе Джона, Мегги втиснула по бинты, как можно ближе к открытой ране, надорванный пакетик с крысиным ядом.

Найдя последний «ход» вдовы, Алан понял, что он написал замечательный рассказ. Его не смущало, что он никогда не слышал о таком способе убийства, как надорванный пакетик с ядом, но суть рассказа была совсем в другом, – в тишине, которая окружала убийство. Если на первых страницах рассказа и в его середине люди гибли под неумолчный грохот выстрелов, то на последних к человеку, словно сорвав маску, пришла Настоящая Смерть – красивая, спокойная и абсолютно уверенная в своей правоте женщина.

«...Утром, когда Мегги искала возле сарая лопату, ее окликнул с улицы шериф Эндрю Гастингс. Он спросил, почему в ее доме всю ночь горел свет.

Вдова беззаботно улыбнулась:

– Я была занята очень важным делом, Эндрю.

Увидев улыбку на очаровательном женском лице, старик-шериф приободрился. Он вошел во двор и приблизился к хозяйке.

– Ну, и чем же ты занималась, малышка? – маслянисто поблескивая выцветшими глазами, спросил он.

– Я травила крыс, – женщина пожала плечами. Словно пытаясь подчеркнуть не столько безобидность, сколько обыденность такого занятия, как борьба с крысами, она засмеялась.

– А стоит ли заниматься этим делом по ночам? – шериф обнял Мегги за талию и попытался поцеловать ее в щеку.

Мегги чуть отстранилась в сторону, и поцелуй пришелся в ухо.

– Отстань, Эндрю! Днем крысы заняты своим делом и их не бывает дома.

– Странные крысы...

– Почему странные? Они такие же, как и мы, Эндрю.

– А мне показалось, что кто-то кричал, малышка. Я как раз возвращался из салуна и целых три минуты торчал у твоего забора.

Мегги пришлось вытерпеть очередной поцелуй шерифа.

– Тебе только показалось. Кстати, крысы тоже хотят жить, Эндрю.

Женщина отстранилась от шерифа. Какое-то время она рассматривала лицо шерифа глубокими, манящими глазами, а потом, не спеша, направилась в дом. Эндрю Гастингс без-

ропотно пошел следом. Он облизывал пересохшие губы и не видел ничего, кроме женской спины и талии.

«Не то, что моя старуха!», – решил Эндрю.

Сладкая до жути сила сжала его сердце, оно отозвалось пульсирующей болью, но эта боль вдруг тоже показалась Эндрю едва ли не райской.

Мегги тоже думала, но, в отличие от шерифа, спокойно и расчетливо. Ни пуля, ни крысиный яд не годились для будущего убийства, но Мегги пару раз переспала с городским врачом и знала о слабом сердце шерифа.

«Итак, больше виски и любви, – решила она и улыбнулась сама себе. – И кто сказал, что в нашем мире нет красоты, если в нем существует такая чудесная смерть?..»

Закончив рассказ, Алан откинулся на спинку стула. Он закрыл глаза и улыбнулся, невольно подражая своей героине.

«...Если все-таки существует такая чудесная смерть!» – повторил он про себя.

Через неделю рассказ напечатали в небольшом журнале «Литературный американский Иерусалим». Через неделю главный редактор попросил Алана написать еще «что-нибудь такое же». Алан легко согласился и в следующем номере появился его новый рассказ «Правда жизни в Нью-Кардифе».

Алана прорвало. Он писал рассказ за рассказом меняя только названия городов и неизменно сохраняя «Правда

жизни в ...».

На творчество начинающего писателя наконец-то обратили внимание – его стали ругать высокие литературные критики и «общественно значимые люди». Но в этом хоре голосов слышались неуверенные нотки. «Правды жизни в ...» Алана Спенсера торчали из прочей вялой и, так называемой, высоко нравственной литературы как острые, гордые пики скал.

– Или как остатки зубов из десен, – желчно смеялся старик Адамс Гирланд.

– Эти сукины дети забыли, что человек – хищник и ему нужно мясо, – вторил ему Джеймс Роллинг. – Пиши, Алан, пиши. Подложи в кормушки этим литературным баранам немного свежей и кровавой дичи.

Мнение двух стариков-учителей уже мало интересовало Алана, но ему был нужен отдых от желчной критики и он терпел их. Алан работал много и упорно. Он научился критически смотреть на то, что пишет и со временем его рассказы стали выходить реже, но их качество – то есть умение автора работать с сюжетом – резко выросло. Грохот неумолчной пальбы на литературных страницах постепенно стихал и теперь, в новых рассказах Алана, едва ли не каждый выстрел имел свою коварную и непростую предысторию.

В конце концов рассказы кончились. Первая повесть Алана «Правда жизни в Алабаме» вышла через два года после начала его нового творческого пути. Критика разнесла ее в

пух и прах, но Алана Спенсера – уже по всеобщему убеждению талантливого писателя – вдруг пригласил на вечеринку сам мэр города. Внимательно и жадно всматриваясь в глаза Алана, словно ища в них что-то очень важное для себя, мэр Армстронг пожал руку Алана и сказал ему несколько вежливых слов. Алан ответил тем же. Армстронг кивнул, соглашаясь неизвестно с чем, и представил Алана гостям.

После того, как хозяин вечеринки оставил Алана в покое, к нему подошла его дочь – красивая, тоненькая девушка с огромными, широко распахнутыми и чуть выпуклыми глазами.

– Вы просто чудовище! – взволнованно и, не подумав представиться, сказала она Алану. – Зачем вы все это пишите?

– Что? – вежливо улыбнувшись, спросил Алан.

Мэри Армстронг высокомерно вскинула голову.

– Всю эту мерзость и грязь.

– Но разве этой грязи нет в нашей жизни, мисс?

– В чьей жизни? – попыталась съязвить девушка. – В вашей?

– Знаете, мисс, – Алан почесал кончик носа, пряча за рукой уже откровенно снисходительную улыбку. – Если Господь Бог посылает дождь на праведных и неправедных, то так ли нравственна литература, которая забывает о последних?

– А зачем человеку дождь, если он валяется в грязной лу-

же? – ледяным голосом сказала девушка и ушла прочь.

Упоминание Бога привлекло к Алану пастора-проповедника Майкла Томаса. Алан и раньше подозревал, что противоположенные характеры притягиваются друг к другу, но чтобы «притяжение» пастора вдруг оказалось таким сильным, он не ожидал. Уже за столом они оба так здорово накачались спиртным, споря о вере, что их диспут поневоле привлек к себе всеобщее внимание. Разумеется, все гости были на стороне знаменитого проповедника. Но чем больше ответов на каверзные вопросы Алана ему подсказывали вслух, тем больше тоски видел Алан в глазах своего собеседника. К удивлению многих вечеринка окончилась без скандала. Во-первых, проповедник Майкл Томас вдруг стал защищать Алана от некоторых уже откровенно враждебных выпадов гостей; во-вторых, Алан так умело держал себя в руках, что, в конце концов, были высмеяны его оппоненты, а не он; и, в-третьих, Алан сумел мастерски прервать спор тогда, когда он был еще интересен.

Визит к мэру Армстронгу дал хороший толчок творческой энергии и через два месяца адского труда Алан выпустил в свет «Правду жизни в Теннесси». На этот раз он лишь слегка заретушировал эротические нотки своего нового произведения, и во время своего второго визита к мэру его красавица-дочь встретила Алана уже известной ему фразой «Вы чудовище!» чуть ли не за десять шагов. Девушка была явно взволнована и нервно полоскала своим веером возле пыла-

ющего гневом лица.

Алан отшутился, при чем его шутка была очень мягкой, и этим привел дочь мэра в еще большее негодование.

– Вас как зовут? – перебил Алан возмущенный монолог девушки.

– Как будто вы не знаете! Меня зовут Мэри, и я хочу вам сказать...

– Конечно, вы все скажете, – Алан взял девушку под локоть и почувствовал, как она вздрогнула. – Но давайте не будем спешить, и привлекать внимание гостей.

Он отвел девушку в сторону, та не подумала сопротивляться.

– У вас есть примерно пять минут, – Алан улыбнулся Мэри. – А потом разгневанные гости наверняка вздернут меня на люстре за то, что я украл вас. Но я готов вас выслушать.

Он ласково взглянул в лицо девушки. Так вдруг покраснела, опустила глаза и почти шепотом назвала его «пиратом и тираном».

Алан кивнул:

– Я не буду с этим спорить, – уже с откровенной грустью сказал он. – Но, по-моему, это не самое страшное, что вы хотели мне сказать.

– Вы донжуан и... – Мэри все-таки справилась с собой и подняла глаза. – И просто мерзавец!

Голос девушки трагически и глубоко дрогнул на последнем слове. Алан снова кивнул. Когда пауза слишком затяну-

лась, Алан пришел на помощь Мэри.

– Знаете, кем бы вы меня не называли, вы никогда не сможете назвать меня лжецом, – он осторожно, едва коснувшись губами, поцеловал девушке руку. – И, по-моему, это главное. Ведь правда жизни, какой бы она не была, не терпит лжи.

Едва Алан отошел от Мэри, его тут же взял под руку пастор Майкл Томас.

– Мучаете бедную девушку? – улыбаясь, спросил он. – Алан, имейте совесть, вы, что не видите, что она едва стоит на ногах от волнения?

– Разве? – искренне удивился Алан.

– Да уж вы поверьте.

Мэр Армстронг издали помахал Алану рукой, в его взгляде светилась сама доброжелательность. Майкл Томас увлек Алана в сторону от женского общества.

– Я боюсь, что наши милые дамы скоро разорвут вас на части от любопытства и желания познакомиться со знаменитым писателем. Итак, на чем мы прервали наш спор в прошлый раз, дорогой Алан?

– Не помню.

– За то помню я! – торжественно и весело провозгласил Майкл. – Вы смели утверждать, что человек равен Богу... Кстати, нам пора к столу. Я знаю, вы не танцуете, а значит нам пора выпить и как следует поговорить, – Майкл захохотал. – Черт бы меня побрал вместе с моими проповедями, но вы не хуже виски действуете на мои мозги. Итак, милый

Алан, почему все-таки человек равен Богу?

Уже усаживаясь за стол, Алан сказал:

– По очень простой причине, мой добродушнейший Майкл.

– И какой же? – нетерпение пастора быстро достигло предела, и он потянулся за бутылкой виски.

– Справедливый суд, пусть даже если это Страшный Суд, это когда равный судит равного. А если этого условия нет, вы можете легко забыть о справедливости.

– Но Бог велик и свят, Алан, а человек мал и грешен.

– Тем более, Майкл. Подумайте сами, как легко судить какого-нибудь нищего и пьяного бедняка сидя на балконе виллы стоимостью сто тысяч долларов.

«Правда жизни в Палм-Спрингс» и «Правда жизни в Каррабоке» принесли Алану Спенсеру если не настоящую славу, то ощутимый финансовый успех. Его книги покупали, а визиты Алана к мэру города стали постоянными.

Дочь мэра красавица Мэри уже не обличила Алана, а бледнела в его присутствии и улыбалась то чарующей, то ли испуганной улыбкой.

– Ты не заметил, но вчера бедная девочка едва не упала в обморок при твоём появлении, – шепнул Алану всезнающий Майкл Томас. – Слава Богу, ее успели увести слуги. Алан, тебе пора жениться и лучшей партии тебе не найти. Мэри уже двадцать пять, отец в ней души не чает и выдаст ее за-

муж только за того, кого она выберет сама. У этого старого пройдохи столько денег, что он может позволить любимой дочери любой каприз.

Алан задумчиво ел куриное крылышко и разглядывал танцующих.

– А с чего ты взял Майкл, что она выберет меня? Можно сколько угодно спорить, равен ли человек Богу, но то, что люди, и особенно красивые леди, выбирают только равных себе, это факт.

– Алан, не придуривайся, ты сам все видишь.

Алан усмехнулся:

– Не только вижу, но и слышу. Например, не так уж давно меня обозвали тираном и мерзавцем.

Майкл затрясся от смеха и снова склонился к уху Алана:

– А она должна была назвать тебя сразу мужем, кретин? Эти засидевшиеся, избалованные и утонченных дамочки мечтают только о тиранах, пиратах и лесных разбойниках. Им часто снятся странные сны, в которых грубые мужские руки срывают с их тела тонкое белье и властно швыряют жертву на кровать. Ты хоть это понимаешь, писатель?

Алан пожал плечами.

– Не знаю. Я никогда не думал об этом.

– Все ты знаешь, писатель, все. Иначе никто не читал бы твоих книг, Алан.

Отношения Алана и Майкла Томаса стали достаточно близкими для того, что бы они перестали спорить о Боге и

вере, и уже теперь они предпочитали говорить о вещах куда более прозаических. Когда Майкл напивался, он любил послушать о том, что собирается написать Алан. И чем больше напивался проповедник, тем отчаяннее и тоскливей становился его взгляд, и тем страшнее советы.

– Пожалуйста, перестреляй их всех до одного, Алан. Может быть, тогда люди убоятся друг друга и вспомнят о Боге.

«Правда жизни в Силвер-Сити» и «Правда жизни в Деминге» окончательно упрочили положение Алана в обществе. Он стал изгоем, но изгоем благородным, знающим запретную правду и которого сторонятся только глупцы, доморощенные учителя затхлой нравственности и фанатики веры. А благодаря Майклу Томасу образ Алана Спенсера стал еще более ярким и абсолютно живым.

– Есть два вида людей, – высказался однажды Томас по поводу Алана. – Одни витают в облаках и пытаются стать святее ангелов, а вторые не боятся прыгнуть в яму с чертями и устроить хорошую драку. Честное слово, мне всегда до зубной боли скучно с первыми и всегда есть о чем поспорить со вторыми.

Отверженности Алана Спенсера завидовали многие молодые люди. Наиболее смелые из них пытались подражать Алану, а иной раз и переплюнуть его, доведя спор с Майклом Томасом до драки. Но никто из подражателей не обладал писательским даром Алана. Фрондерство зеленой молодежи,

по словам того же Томаса, было мелкозубым, скандальным и напрочь лишенным глубины.

– Это просто обезьяны, – посмеивался Майкл Томас. – Они умеют подражать, но не умеют думать. Напиши о них что-нибудь, Алан, эти хвастуны заслуживают хорошей порки.

Алан снисходительно улыбался в ответ и пожимал плечами.

– Может быть, когда-нибудь потом, Майкл...

Алан работал очень много, почти на износ. Он ложился спать в четыре утра, вставал в одиннадцать и в два часа садился за работу. Три полуденных утренних часа были самыми тяжелыми для него. Алан с трудом приходил в себя после сна, часто был раздражителен и зол, а все написанное им вчера казалось ему никчемным. Он брал чистый лист бумаги и заполнял его первыми пришедшими на ум фразами. Алан думал... Он вглядывался в написанное и пытался найти связь, например, между «Где ты была вчера, бедняжка Бетти?» и «Конь Ховарда рухнул на дорогу, когда до хижины Джо оставалось меньше ста ярдов». Часто одна из таких случайно пришедших на ум фраз становилась началом следующей главы повести, и это резко оживляло ее действие.

«Слепая неожиданность – мать читательского интереса», – усмехался про себя Алан.

Но однажды неожиданность подстерегла самого Алана. Издательство «Мейер и Кросби» выпустило книгу некоего

Алекса Гроу «Правда жизни в милом Розуэлле». Подражательство в названии книги было налицо. До последнего времени претендовать на знание «правды жизни» мог только Алан Спенсер.

Через неделю до Алана стали доходить читательские отзывы о «Правде в Розуэлле». Многие находили книгу неплохой, очень динамичной, а главное, «никак не хуже, чем у знавшегося Спенсера».

– Да пошли ты их к чертям, Алан! – успокаивал своего друга Майкл Томас. – Тебя просто пытаются достать и укунить за пятку. Не обращай внимания.

– Ты читал эту дрянь? – морщась, но все-таки интересовался «укушенный» Алан.

– Про Розуэлл? – уточнил Майкл. – Читал... В общем, это довольно грязная история. Я бы даже сказал, что она и написана ради этой грязи, но... – Майкл немного помолчал. – Этот Гроу все-таки умеет владеть если не пером, то чернильницей. В брызгах его чернил на листе можно увидеть и кое-что интересное.

Возможно, раньше Алан и принял бы вызов графомана на литературном поле, но работа вымотала его до предела. Алан подал заявление в суд. По его мнению, название чужой книги было плагиатом.

Суд состоялся через три недели и превратился в наглое издевательство над Аланом. Во-первых, Алекс Гроу оказался небедным человеком и пригласил адвоката из Чикаго, а,

во-вторых, этот адвокат, как выяснилось уже в суде, был не просто умным человеком, но и откровенно циничным – зло-счастливая фраза «правда жизни» звучала едва ли не каждой его фразе.

– ... Монополизировать правду жизни, ее видение и ее понимание, так же глупо, как попытаться снова ввести рабовладение в Штатах, – разглагольствовал адвокат. – Пусть каждый находящийся в зале суда спросит себя, знает ли он эту правду? И большинство ответит «да». Потому что человек не знающий ее либо слегка дурак, либо – простите! – полный идиот. Но как выяснилось, в Лос-Анджелесе есть человек объявивший правду жизни своей собственностью... (легкий смех в зале) И это не так смешно, как может показаться на первых взгляд. Пожалуйста, посмотрите на Алана Спенсера... (шорох в зале) Этот человек умнее вас? Нет. Талантливее моего клиента? Сомневаюсь. Слова «правда» и «жизнь» придумал он сам или их придумали до него? И тут ответ тоже ясен...

Над Аланом смеялись трижды. Улыбнулся даже сам судья, но не очередному предположению адвоката, а тому, как Алан пытался доказать, что «правда жизни» это цикл его рассказов и подражать ему никто не имеет права.

Адвокат встал и спросил:

– А почему, мистер Спенсер, вы считаете это подражанием, а, главное, подражанием незаконным?

Алан не знал, что ответить. Он заговорил о творческой

идею, переходящей из одной повести в другую, но был прерван адвокатом:

– Ну, так предъявите же нам эту идею, мистер Спенсер! Мы хотим видеть то, ради чего вы здесь.

Зал снова ожил. Все снова смотрели на Алана Спенсера, но он так и не смог предъявить суду овеществленную «правду жизни».

Процесс был проигран вчистую и проигрыш, незаметно для Алана перерос в сильнейшую депрессию. Выйдя из двух недельного запоя, Алан не обнаружил возле себя никого, кроме чернокожего слуги Джорджа. Судя по его лицу, Джордж тоже не брезговал спиртным во время алкогольной амнезии хозяина, а потому в доме царил бардак украшенный кое-где темной паутиной и пятнами плесени.

Алан перестал бывать в обществе и упорно пытался заставить себя работать. Он садился за стол, снова и снова набрасывал на листке бумаги случайные фразы и долго смотрел на них. Но вместо мыслей к нему приходил сон...

Однажды, прогуливаясь темным вечером поблизости дома мэра, он увидел в Майкла Томаса и Алекса Гроу. Они о чем-то спорили и Алан ясно услышал фразу Томаса «Нет, парень, тебе еще долго нужно учиться у этого дурака и пьяницы Спенсера...»

Алан ушел домой и снова напился. Он пил не из-за обиды на бывшего друга, на суд или на графомана Алекса Гроу, он пил, пытаясь чем-то заполнить гулкую пустоту в своей душе.

Пустота оказалась дырой без дна. Столкнувшись с «правдой жизни» на любимом литературном поприще Алан вдруг оказался бессилён перед ней.

За четыре месяца Алан все-таки смог написать любовный роман «Райские проблемы» и не сказал в нем ни слова о «правде жизни». Это был тягучий, сладковатый текст с размытым сюжетом и счастливым финалом. Критика буквально взорвалась радостным воплем и растерзала роман издательскими рецензиями уже через неделю после его выхода в свет. Даже старые друзья – писатель Джеймс Роллинг и критик Адамс Гирланд – неодобрительно отнеслись к его новому литературному эксперименту.

– Ты болван, Алан, – разочарованно заявил Роллинг. – Вместо того чтобы дальше разрабатывать свою золотую жилу в долине «правды жизни», ты бросил лопату, и схватился за бутылку и любовную патоку. Прости, но это очень похоже на творческое самоубийство, – тут Джеймс зевнул и посмотрел на Алана скучающими, сонными глазами. – Попросту говоря, ты стал не интересен почтеннейшей публике, дорогой мой.

Всегда желчный Адамс Гирланд был куда более откровенен:

– Ты просто трус, Алан! – у Адамса нервно дергались тонкие губы. – Кого ты испугался?.. Бездарности. Этот графоман Алекс Гроу решил переплюнуть тебя самым примитивным образом: из одного трупа в абзаце, он сделал три, а там,

где ты говорил о жарком дне, он написал о торжестве злой ночи. Попросту говоря, Гроу только сгустил твои – пойми, именно твои! – краски и не добавил ничего своего. А ты сбежал. Ты отдал мир, который создал, на разграбление без боя и даже без намека на сопротивление.

– Я просто устал, – вяло возразил Алан.

– От чего?!.. – тонкие мефистофелевские брови Гирланда выгнулись дугой, а горбатый, высокий нос едва не превратился в клюв. Гирланд подался вперед всем телом, словно хотел клюнуть Алана в лоб. – Если ты устал, выпей бутылку виски, найди смешливую девчонку и на пару дней займись этими «проблемами», а не созерцанием мухи на потолке. Двигайся!.. Смейся всем назло. Будь нагловатым и бесшабашным, как раньше.

Алан согласился и даже кивнул, но внутри его торжествовала какая-то иная «правда жизни». Он ничего не хотел, ни к чему не стремился, а письменный стол напоминал ему эшафот.

Вскоре он узнал, что первая красавица города и дочь его главы Мэри Армстронг познакомилась с Алексом Гроу и все вокруг, как по команде, вдруг зашептали о «необыкновенной любви». На вечеринках Мэри не отпускала от себя «подающего огромные надежды» Алекса ни на шаг, а тот, в отличие от Алана, и, судя по всему, не ограничивал себя только вежливыми и улыбчивыми ответами на наивные вопросы девушки. Алекс Гроу был прост, как тигр на охоте, хо-

рошо знал свою цель и видел всю правду жизни. Ему даже не потребовались подсказки пастора-проповедника Майкла Томаса.

Как-то вечером Алан перечитал свой последний роман и пришел в ужас. Он осел на пол и захохотал.

– Сено, сено для бедной лани!.. – то и дело повторял он.

Алан напился до бесчувствия и проснулся утром в прихожей, возле вешалки. Над ним склонился Джордж.

– Вам помочь, сэр? – сирым от спиртного голосом, спросил он.

Джорджа вдруг повело в сторону, и он едва не упал на Алана.

– Пошел к черту, скотина, – взревел Алан.

Он зло отпихнул слугу и ушел в зал. Алан замер посреди-не его, бессильно осматриваясь по сторонам.

«Ненавижу! – думал Алан, рассматривая потеки на стенах (текла крыша), треснувшее оконное стекло и перекошенную дверь в кухню. – Все ненавижу. Будь же это все трижды проклято!»

Именно тогда Алан вспомнил о своем брате Майкле Спенсере. Он удивился тому, что, оказывается, прошло целых пять лет после их расставания в Текате в домике доброго дядюшки Кейзи. Последнее третье по счету письмо от брата Алан получил четыре года назад. Майкл написал, что «теперь все хорошо» и он женился.

«А почему я ему не ответил на письмо?» – Алан потер

люб, собираясь с мыслями.

Но мысли были темны, как вода в колодце. Алан понимал только одно, что ему пора уезжать в далекий городишко Текату.

«В конце концов, ты только что ты проклял все на свете, – решил он. – У тебя уже нет другого выхода, парень».

19.

Они сидели на кухне, и Алан рассказывал брату о беспечной и праздничной жизни в Лос-Анджелесе.

– Это обычные пижоны все наивные дураки, Майкл, – весело восклицал он. – Люди без мозгов и совести. И главное, они боятся правды. Но Алан Спенсер оказался слишком велик для их низких черепных коробок, и они выбрали другого. Того, что попроще – провинциального, но хитрого дурака с большими деньгами. Мне обидно?.. Совсем нет. Я не захлебываюсь слезами и не дохну от тоски. Но мне жаль их, Майкл, просто жаль...

Они пили недорогое виски, ели бобы с бараниной, а когда тарелки пустели, на кухне появлялась худенькая, виновато улыбающаяся женщина с плоским лицом. Ее звали Марта, и она говорила с сильным немецким акцентом.

«И что только Майкл нашел в этой простодушной дурнушке, похожей на вокзальную уборщицу? – не мог понять Алан. – Наверное, она счастлива только тем, что по вечерам

в их домике бывает тихо, а пьяный муж не колотит ее детей и ее саму».

– Правда страшная вещь, Майкл! – Алан опрокинул в рот очередной стаканчик. – И я все-таки ошибся. Я думал, забраться на некую гору и оттуда проповедовать правду. Не получилось. Почему?.. Потому что меня не стащили с этой горы за ноги, а просто построили рядом высокую пирамиду. Мне не обидно, что меня поставили ниже провинциальной бездарности, мне обидно, что эти бараны считают правдой жизни совсем не то, что ей является. А впрочем, пошли они все!..

Алан снова принялся за бобы. Прошла едва ли не минута, и он сказал:

– Извини меня, Майкл. Я прямо с порога заговорил о себе и... в общем... как это?.. – Алан смущенно улыбнулся и поднял глаза на брата. – Прости меня, а?

Майкл улыбнулся в ответ:

– Ничего страшного. Ты действительно обижаешься?

– На тех? – Алан показал вилкой куда-то за спину.

Майкл кивнул. Алан сжал зубы и на его скулах заходили желваки.

– Да, наверное... – нехотя признался он. – У меня была очень хорошая работа, Майкл, и я любил ее. Я проповедовал правду, был обаятельным изгоем, с которым мечтали познакомиться городские красавицы и неплохо зарабатывал, сидя за письменным столом. Но я исписался до дыры в душе, и

когда нужно было попросту дать кое-кому по физиономии, меня вдруг потянуло в черную меланхолию. Вот ведь удивительно, черт возьми, – Алан ударил себя кулаком по колену, – что вытворяет с человеком его работа! Оказывается, между стрельбой и писательством есть большая разница. Разве я был раньше такой размазней? Скажи, Майкл.

– Не был.

– Вот видишь, – Алан бросил вилку и потянулся за бутылкой. – Впрочем, хватит – хватит! – обо мне. Ты-то как?.. Вижу, что женился. Она вдова, что ли?

– Была.

Алан засмеялся:

– Вижу, что была. А теперь есть ты. Дик и Роб ее детишки от первого мужа?

Майкл кивнул.

– А крошка Мегги и Джон?

– Мои.

– Ты добрый человек, Майкл, и умеешь делать людей счастливыми. Жаль, что я больше не смогу увидеть нашего дядюшку Кейзи. Вы всегда были чем-то похожи, – Алан икнул и припал губами к стакану. – Когда он умер?

– Полтора года назад.

– А почему ты живешь в его доме? На те деньги, что у тебя были, ты мог бы найти хибару получше.

– У меня нет тех денег, Алан.

Алан поставил стакан на стол, но его рука словно прилип-

ла к нему.

– Как это нет? – тихо спросил он.

– Я отдал долг Ника Хадсона Изабелле Рохес и ее дочке Камиле.

Алан туго моргал глазами, рассматривая лицо брата.

– Какой Изабелле?!..

– Ты забыл, что мы пообещали Нику Хадсону, когда нас окружили ребята Чалмерса.

– Какому Нику? Подожди-подожди, – Алан с силой потер лоб. – Ах, да-да!.. Послушай, Майкл, но насколько я помню, нас тогда было четверо. А пятьдесят тысяч поделить на четыре... – ладонь Алана с силой надавила на лоб. – Получается двенадцать с половиной. У тебя было двадцать пять. А ты что, отдал все свои деньги?

– Так получилось, Алан.

– Что значит получилось? Тебя что, ограбила эта... как ее?.. Изабелла и ее дочка Камиле? – Алан повысил голос. – И почему я вытягиваю из тебя слова, как деньги из кошелька жлоба-банкира? Говори, что там, в этой чертовой Мексике с тобой случилось?

Какое-то время Майкл рассматривал стол.

– Она не могла стать в Росарито, Алан, – тихо сказал он.

– Кто не могла?

– Изабелла. Росарито это большая помойная яма и у бедной женщины попросту отняли бы ее деньги. Мне пришлось обвезти Изабеллу и ее дочку в Мехико. А потом я купил та-

бачную лавку...

– За все деньги? За двадцать пять тысяч наших родных, американских долларов в дешевом Мехико?!

– За двадцать две. В сущности, это была не только и столько лавка, а трехэтажное здание почти в центре города. Квартиры в наем и все такое прочее...

В кухню вошла Марта.

– Майкл, – тихо окликнула она.

Майкл взглянул на жену и виновато улыбнулся:

– Нам ничего не нужно, Марта. Ты уходишь?

– Ты знаешь, тетя Гертруда просила зайти. Я с детьми пойду, хорошо?

Майкл кивнул. Женщина вышла.

– Ладно, согласен, табачная лавка и квартиры внаем – довольно лакомый кусочек, – Алан поставил локти на стол, скрестил руки и положил на них подбородок. – Но очень жаль, что твоя сегодняшняя немецкая жена лишена такой чудесной возможности.

Майкл молча пожал плечами и опустил глаза.

– Теперь жалеешь?

– Просто не думаю об этом.

– Ты спал с той мексиканской красоткой?

– Нет. Мы пробыли вместе с Изабеллой всего две недели, а потом я ушел. Меня никто не гнал, но... Так было лучше, понимаешь?

– Не очень. Ты заплатил очень большие деньги, Майкл,

только за удовольствие побыть рядом с женщиной. Уверен, что этого не смогу понять не только я. Я уже слышал, что сейчас ты работаешь на табачной фабрике какого-то Джона Филби. Ты покашливаешь и у тебя желтоватый цвет лица.

– Я отдал деньги пять лет назад, Алан, – оборвал Майкл. – И тогда я не думал о том, где и кем буду работать.

– Но мог бы и подумать, – вдруг обиделся за брата Алан. – И хотя бы потому, что человеку свойственно думать о своем будущем.

Пока Алан разливал по стаканам очередные порции виски, Майкл разглядывал что-то за окном.

– Помнишь, ты мне говорил, что все, кто прикоснулся к деньгам Уэсли, умерли? – спросил он.

– Я почти забыл эту дурацкую мысль, – Алан тоже взглянул в окно и не увидел там ничего, кроме темноты. – А что?..

– А я помнил ее всегда.

Алан взял стакан.

– Давай выпьем еще, брат, а потом я задам тебе один очень умный вопрос, – они чокнулись, и после паузы Алан спросил: – Что такое правда нашей жизни, Майкл и почему ее не стоит бояться? Молчишь? А я знаю!..

Виски все сильнее кружило голову Алана. Спиртное мешало думать и темное окно слева от Алана расплывалось большим, мутным пятном. Алан повеселел и уже не знал, что он скажет в следующую секунду.

– ...Правда это только вершина, Майкл. Человеку свой-

ственно стремиться к ее пику и быть жестоким во имя достижения этой цели. Вот и весь фокус, брат. Но если человек трусит, он начинает придумывать что-нибудь слащавое и гладенькое – параллельное земле – лишь бы только не идти вперед и вверх. Я знаю это, потому что именно это и случилось со мной в Лос-Анджелесе. И я проиграл. А потому я догадываюсь, что придумал ты, Майкл... Ты придумал совесть и Всевышнего Бога. Да, любой из нас имеет право придумывать, любить то, что придумал и не любить то, что придумали другие. Но факт в том, что чем уродливее правда жизни – черт бы ее побрал! – тем больше она похожа на реальную действительность и тем меньше нужно придумывать. Ты помнишь наше детство? Помнишь семью Джексонов, которая жила рядом с нами?..

Майкл промолчал.

– По-о-омнишь!.. – Алан широко улыбнулся, откинулся на спинку стула. – Помнишь, как папа-Джексон, этот «доходяга Саймон», приходил к себе домой пьяным и бил жену и детей? Кто хоть раз заступился за них?.. Никто! А когда этот проклятый «доходяга» притащил в салун своего восьмилетнего сына Питера и, под общий гогот, напоил его виски до кровавой рвоты, кто попытался остановить его?

– Мэри Джексон.

– Да, мать Питера. А Саймон бил Мэри ногами и все снова смеялись. Люди так устроены, что если они не считают за человека какого-то мерзавца, то они примерно так же оце-

нивают его близких. – Алан подался вперед, оперся локтями на стол и приблизил свое лицо к потупленному лицу брата. – Скажи мне, Майкл, если бы ты сейчас оказался в том проклятом салуне, ты пристрелил бы Саймона?

Майкл кивнул.

– Ну а тогда в какую же правду ты веришь на самом деле? Оказывается, она в одном патроне, Майкл, а ее наконечник – пуля – похож на чертову пирамиду или гору, о которой я уже говорил.

– Ты прав, Алан, я бы выстрелил... Но в пуле нет никакой вершины и никакой правды.

Алан усмехнулся.

– Ты читал мои книги, Майкл?

– Да.

– В них есть правда?

– Нет. Вспомни хотя бы Ховарда Уэсли. Его убила не пуля и не придуманный сложный сюжет, а камень, который я случайно сдвинул с места.

– Ты намекаешь на Божий промысел?

– Я этого не говорил. Но наш мир, вообще-то, очень загадочная штука, Алан. Тем более что все, кто прикоснулся к золоту Уэсли, действительно умерли. Кроме нас с тобой...

– И поэтому ты отдал все свое золото? Подчеркну – все. Ты хотел выжить?

– Нет, тут другое, Алан. Я просто понял, что не могу отдать только часть.

– Но жить-то – выжить! – ты хотел или нет?

– Тогда я не думал об этом.

– Он не думал! – Алан грохнул кулаком по столу. – Да ты вообще умеешь думать или нет? Давай снова вернемся в салон с маленьким Питером, его матерью Мэри, пьяницей-отцом и хохочущими мерзавцами. Если правды нет в пуле, которой ты застрелил бы Саймона, то где она и в ком?

– В матери Питера, Алан.

Алан на секунду замер с открытым ртом.

– В ком?!.. – удивился он. – В Мэри Джексон, в бессильной и слабой женщине, пытающейся спасти своего ребенка? В женщине, лежащей на полу, которую бьют ногами?

– В ней.

Алан плюнул в тарелку и потянулся за бутылкой.

– Давай выпьем еще, Майкл. Тебе нужно прочистить легкие от табачной пыли, а мне промыть мозги. Ты говоришь загадками и я отказываюсь... Нет, отказываюсь с негодованием и возмущением понимать твои идиотские рассуждения.

20.

Алан проснулся от тихого шороха рядом с постелью. Женская рука поставила на тумбочку большую чашку с дымящимся кофе.

«Нет, я еще сплю», – Алан улыбнулся и отвернулся лицом к стене. Ему было лень открывать глаза, лень думать и даже

легкое движение в постели вызывало у него головную боль.

Целых пять минут он бездумно рассматривал темноту перед собой и вдыхал приятный запах чистой наволочки.

«Ох, и дурак ты, Майкл, – наконец ожила в его голове первая мысль. – Конечно, нам обоим нечего было делать в банде Ховарда Уэсли, но если уж так получилось... Все деньги-то отдавать зачем?»

Он лег на спину и открыл глаза. Где-то, совсем близко от двери спальни, засмеялся маленький ребенок.

«А может быть Майкл не дурак, а просто он... ну, тоже как этот ребенок? – Алан привстал на локте и взял чашку с тумбочки. – Майкл всегда был таким... И это я, тогда злой как черт на весь мир, притащил его к Уэсли».

Алан сделал первый глоток и удивился приятному и терпкому вкусу кофе. Марта не пожалела ликера и уже через пару минут в голове Алана здорово посветлело. Он поднял чашку, опрокинул ее и, снова улыбаясь, стал ловить открытым ртом последние капли.

«Пора вставать. Пора уезжать в Нью-Йорк и начинать все сначала. Жаль, что я не ответил на письмо Гирланда... Старик не забыл меня, когда уехал из Лос-Анджелеса. Кажется, он написал, что у меня есть отличный шанс переделать пару повестей в пьесы и поставить их на сцене. Но вместо работы, милый Алан, ты предпочел сладкую жизнь провинциального гения-изгоя...»

Марта хлопотала на кухне. Он охотно улыбнулась Алану

и кивнула на стол.

– Садись и ешь.

Алан сел и скептически обозрел несколько полных тарелок.

– Это не завтрак, это три ужина для ковбоя проскакавшего сто миль. Марта, а можно еще кофе и все?

– Можно. Но разве писатели не завтракают?

– Нет, они предпочитают кофе по вашему рецепту.

Марта засмеялась.

«А она ведь не такая дурнушка, как кажется на первый взгляд, – подумал Алан. – У Марты чудесная улыбка и красивые, удивительно добрые глаза».

Он вспомнил Мэри Армстронг и поморщился.

«Дура!.. Самая обыкновенная дура умирающая от безделья».

– Как Майкл? – спросил он. – Не ругался меня за то, что я влил в него целую бутылку виски?

– Не очень. Ругать собутыльников – женское занятие. Майкл у меня молчун.

– Он – добрый.

– Я знаю, – в голосе женщины проскользнула горькая нотка.

«Она не только не дурнушка, но и не дура», – решил Алан.

– Марта, прости меня, пожалуйста, за вчерашнее, – быстро заговорил он, взяв протянутую хозяйкой чашку кофе. – Мы долго не виделись с Майклом, и нам было о чем погово-

ритель. Но без виски это вряд ли бы получилось...

Марта кивнула так, словно не только соглашалась с Аланом, но и пыталась отогнать ненужную, навязчивую мысль.

– Знаете, а ведь мы скоро уезжаем, Алан, – со странным, едва ли не дерзким вызовом, заговорила она. – Майклу нужен свежий воздух, и мы договорились с моим братом, что проживем у него на ферме. Отто давно ищет пастуха да и другой работы у него хватает... В общем, нам с Майклом, повезло. А потом, года через два, когда Майкл выздоровеет, мы продадим этот домик и уедем в Лос-Анджелес.

– Купите бакалейную лавку?

– А вы откуда вы знаете? – огоньки в глазах Марты вдруг потухли, и ее лицо стало неподвижным, потерянным и некрасивым.

«Ляпнул, все-таки, мерзавец», – обругал себя Алан.

– Это очень просто, Марта: лучше уж торговать овощами, чем резать и фасовать табак. Ведь правильно?

Он смотрел на женское лицо и повторял про себя: «Ну, не обижайся, не обижайся, пожалуйста!»

Марта робко улыбнулась:

– Правильно.

– Ну и отлично, – быстро подвел итог Алан, очень боясь, что разговор снова вернется к бакалейной лавке. – Я уезжаю сегодня. Кажется, дилижанс из Текаты в сторону цивилизации и железной дороги уходит в одиннадцать?

– Господи, Алан, почему так быстро? А как же Майкл?

– Он не обидится, ведь не на век же мы расстаемся. Кстати, если я хорошо устроюсь в Нью-Йорке, вам с Майклом не нужно будет ехать в Лос-Анджелес.

Женское лицо снова посветлело. Марта торопливо закивала головой и сказала на первый взгляд нелепую фразу:

– Знаете, Алан, а ведь Майкл действительно очень добрый человек и мне нелегко с ним...

Алан не нашел ответа. Он надолго припал губами к чашке кофе.

«Потом Марте станет совестно за эти слова, потому что она расценит их как предательство, – подумал он. – Майкл, Майкл!.. Но кто в этом виноват? Не ты ли сам, добрый человек?»

21.

Потрепанный дилижанс был похож на сильно вытянутый дорожный сундук. Прежде чем тронуться в путь, бородач возница с бельмом на глазу и его мулат-помощник целых полчаса возились с задним правым колесом.

– Выпадет, обязательно выпадет, – то и дело возбужденно повторял мулат. – Джон, эта чертова штука обязательно выпадет на полпути.

– Скажи об этом Роузу, умник, – ворчал бородач Джон.

– Сам скажи.

– А кто у нас умник? – съехидничал бородач.

– Может быть и я. Но я потому и не буду спорить с хозяином.

Алан с безучастным видом рассматривал пассажиров, толпящихся возле дилижанса. На какое-то время его внимание привлекла девушка лет шестнадцати в светлом платье. У нее были веселые голубые глаза, тонкая шея и чистая улыбка. Поймав на себе взгляд Алана, девушка перестала улыбаться и в ее глазах появилась настороженность.

«Я все-таки не ошибся, – удовлетворенно подумал Алан, – эта голубоглазая фея удивительно похожа на Марту».

Бородач-возница и его помощник наконец закончили свою работу и попросили пассажиров занять места. Алан устроился на заднем сиденье и ему был виден профиль голубоглазой «феи», когда та с интересом оглядывалась по сторонам. Как оказалось, девушка ехала в компании трех пожилых тетюшек и одного седоволосого джентльмена. Ей постоянно что-то советовали, девушка часто кивала в ответ головой, но, судя по всему, не спешила выполнять чужие пожелания.

«Какая разница, ехать в шляпке или без нее? – улыбнулся Алан. – А, кроме того, место тетюшки справа, вряд ли окажется более удобным, чем то, на котором устроилась юная «фея».

Алан не без гордости подумал, что он не перестал быть писателем. Его наблюдения и мысли механически складывались в строчки, он тут же мысленно переписывал их, легко

меняя акценты, и за десять минут написал чудесную страницу для рассказа «Невеста в пути». Едва ли впервые он не думал о «правде жизни». Алан увлеченно работал с красками и не видел ничего кроме, воображаемого портрета девушки и ее реального профиля там, впереди.

Дилижанс мягко переваливался с боку на бок, скрипел, а когда крен становился слишком большим и громыхал задним правым колесом на выбоинах.

Алан не заметил, как уснул и его разбудил стук колес по бревенчатому мосту.

«Ах, ты писатель, – улыбнулся он. – Заработался, да?»

Настроение стало совсем легким и светлым. Алан не без удивления вспомнил свою черную хандру, одолевавшую его в Лос-Анджелесе, начавшую таять по дороге в Текату и окончательно растворившуюся в виски, которое они пили с Майклом. Ощущение свободы казалось настолько радостным, что Алан улыбнулся снова.

«Нет уж!.. – с оживляющей, веселой злостью подумал он. – К черту «Невесту в пути» и всякие меланхолические прелести. Я закачу вам такую «Правду жизни в Где-то Там», господа, что у вас треснут зубы от скрежета. Бездарный Алекс Гроу решил повысить ставки?.. Что, я принимаю его вызов. Майкл, Майкл!.. Если бы ты только знал, как больно валяться на полу, когда тебя пинают ногами. Что твоя крохотная, почти незаметная правда, Майкл? Ничто, ноль, пустота, наркотик для слабых духом и придуманный божок.

Сегодня утром Марта только на секунду забыла твои глаза и предала тебя. Не со злости, не от отчаяния, а от желания... я не знаю... наверное, от охоты быть такой же сильной, как все. Да, ей стало стыдно. Когда ты вернешься домой и будешь есть свой ужин, Марта сядет напротив тебя, станет болтать о пустяках, и ты не услышишь от нее ни единой жалобы. Но что есть правда, Майкл, молчание или слово?..»

Алан чуть наклонился вперед и, вытянув шею, попытался рассмотреть дорогу. Ему мешал профиль седоволосого джентльмена, и Алан скорее понял, чем увидел, что дорога круто пошла вверх. Дорога не отшатнулась от реки, которую только что пересекла и шла параллельно ей.

– Эту каменистую горку раньше называли Вельзевуловой пробкой, – пояснил Алану седоволосый джентльмен. – Она буквально закупоривает единственный брод на реке. Когда строили мост, нам пришлось потратить целый вагон взрывчатки, чтобы проложить дорогу.

– Мост строили вы? – безразлично и вежливо спросил Алан.

Слова седоволосого казались ему ненужными и явно лишними, и Алан не понимал, зачем он задал свой глупый вопрос.

Словоохотливый джентльмен с гордостью кивнул.

– Да, сэра.

– А почему я не заметил эту горку, когда ехал в Текату?

– Потому что дорога шла вниз, сэра. Со стороны плато

Вельзевуловая пробка поднимается не выше прыща, но здорово теснит в сторону реку.

«Мир так и устроен, – решил Алан. – Гора теснит реку, человек – человека, а правда – правду. Это вечная борьба и даже когда ты не хочешь, ты все равно участвуешь в ней. Например, бедный Майкл так и не понял, что ударил меня так же сильно, как и мерзавец Алекс Гроу».

Алан кивнул и отвернулся от седоволосого джентльмена, давая ему понять, что разговор окончен.

Дилижанс резко остановился, вздрогнул и резко накренился направо. Несколько женщин испуганно вскрикнули.

«Колесо, – с тоскливой ноткой догадался Алан. – Я так и знал. Эти двое балбесов, бородач и мулат, не смогли хорошо закрепить его. Мне кажется, что я никогда не уеду из этой чертовой Текаты...»

Пассажиры покинули салон. Словоохотливый седоволосый джентльмен тут же пришел на помощь растерявшемуся вознице и его помощнику. Голубоглазая «фея» накинувшая на плечи, по настоянию своих тетушек, серый плед и надевшая старомодную шляпку, уже ничем не отличалась от остальных пассажиров. Алан отошел в сторону от толпы, и какое-то время рассматривал реку. С высоты горы она казалась узкой и извилистой, как брошенная на пол голубая лента. Дорога рядом с ней была похожа на серую нить.

Алан с силой потер лоб, сжал ладонь в кулак и несколько раз ткнул им в переносицу.

«Это же игра, Майкл, пойми, все только игра!.. Тебя обогнали? Тогда ты должен сделать усилие и снова вырваться вперед. Мою игру легко понять, она может увлечь и наполнить человеческую жизнь смыслом. А твоя?.. Она безумие, Майкл. И хотя бы потому что не отвечает на вопросы, а задает их сама. Делая шаг в сторону от настоящей игры жизни в поисках химерических истин, человек обязательно совершит тысячу ошибок. Даже вспоминая камень, убивший Ховарда Уэсли, я уверен, что твоя правда тут совсем ни при чем...»

Какое-то время Алан бездумно рассматривал желтую, высохшую траву под ногами. Его рука соскользнула с горячего лба, и пальцы коснулись вдруг повлажневших глаз.

«Господи, если Ты все-таки есть, помоги мне уехать из Текаты. Я не знаю, чем я болен: игрой в правду или самой правдой, но помоги мне, пожалуйста. Последний раз я плакал в детстве, когда сломал палец. А сейчас у меня снова, как у ребенка, текут по щекам слезы и – улыбаясь! – я говорю: «Что б тебя перевернуло, Майкл, вместе с твоей правдой». У меня никого не осталось кроме тебя в этой грязной жизни, я люблю тебя, Майкл, люблю всем сердцем, люблю всем дыханием и даже окаянной, ноющей селезенкой, но уж лучше я буду драться с Алексом Гроу, чем быть рядом с тобой. Живи, пожалуйста! Я улыбаюсь, я смеюсь, я не понимаю, какая злая сила прокликает тебя во мне, но, ради Бога, живи!...»

Седоволосый джентльмен, оказавшийся инженером, все-таки смог справиться с трудной задачей – колесо стало на место. Явно повеселевший возница на радостях отхлебнул из фляжки, но, отрывая ее ото рта, вдруг потерял улыбку и побледнел как полотно. Бородач протянул фляжку в сторону руки и беззвучно открыл рот, из которого потекла струйка виски.

Алан оглянулся вместе со всеми. На той стороне реки, в сторону моста, скакали полтора десятка всадников. Их маленькие фигурки вытянулись длинным и острым как нож, клином.

– Банда Мелори!

Люди рванулись в дилижанс как кролики в клетку, вдруг увидевшие лисицу. Голубоглазую «фею» грубо толкнули в спину, и она потеряла сначала тетушкин чепчик, а потом и накидку. Алан поддержал девушку за локоть, когда проход освободился, помог ей войти в салон, но сам остался снаружи.

– А вы?.. – девушка оглянулась. В ее прозрачных, почти обесцветившихся глазах не было ничего кроме ужаса.

Алан картинно поднял руку и белозубо улыбнулся:

– Счастливого пути, мисс.

Он захлопнул дверь и окликнул возницу:

– Одолжи мне свой винчестер, брат. Вам все равно не уйти

от погони, если кто-нибудь немного не придержит банду.

Возница повернулся всем телом, словно у него свело судорогой шею, и Алан увидел круглые, как у совы глаза. Винтовку ему подал не бородач, а мулат.

– У нас только восемь патронов, сэр, – хрипло сказал он. – Винчестер отлично пристрелян и есть еще это... – он вытащил из-за своего пояса старомодный кольт. – Тут еще шесть пуль.

Алан взял оружие и, не поблагодарив, махнул рукой вперед:

– Давай!.. Давай, быстрее.

Лошади рванули с места, и на какое-то мгновение Алан увидел бледное лицо юной красавицы-«феи».

«Живи, глупенькая», – не теряя улыбки, пожелал девушке Алан.

Всадники уже достигли моста. Алан осмотрелся по сторонам и выбрал более-менее удобную позицию – справа, за небольшим валуном. Уже устроившись за ним, Алан понял, что сектор обстрела дороги довольно узкий, а, кроме того, если его начнут обходить со стороны вершины, ему придется встать на колени, чтобы хорошо прицелиться.

«Черт с ними, – решил Алан. – Все равно это не надолго. В крайнем случае, можно отползти чуть назад за другой камень».

Он проверил оружие и удивился тому, что не думает о смерти. Он думал только об одном – ему нужно продержаться-

ся как можно дольше и не попасть в руки бандитов живым.

«Уж не герой ли я?.. – подумал Алан и тут же решил: – Да какой там, к чертям, герой. Я то и дело посматриваю в сторону реки и прикидываю, смогу ли я добежать до обрыва, когда у меня кончатся патроны. Твой брат никогда не был героем, Майкл. Скорее подонком, который всегда заранее рассчитывал пути отхода...»

Первыми тремя выстрелами из винчестера Алан снял переднего всадника и свалил двух лошадей, давая понять ребятам Меллори, что они имеют дело не с простачком. Бандиты спешили, но прежде чем смогли отвести лошадей, Алан ранил одного из них и убил третью лошадь.

«А вообще-то это глупо, – решил Алан, – нужно стрелять либо по людям, либо по лошадям. Без лошадей эти подонки не смогут догнать дилижанс, хотя, было лучше, если бы его вообще некому было догонять...»

Его валун накрыл ливень пуль. Алан отложил винчестер и взял кольт. Его уже наверняка обходили, при чем явно торопливо, боясь упустить дилижанс.

Алан привстал и выпустил пару пуль направо. Первая пуля ушла в сторону огромного желтоватого валуна, вторая – в сторону сгорбленной фигурки. Бандиты открыли ответный огонь, и Алана обдало каменной крошкой от рикошетирующих пуль. Больше всего досталось лбу.

«Хоть в глаза не попало», – он вытер кровь и мельком взглянул на вдруг онемевшую левую руку. Чуть ниже локтя,

на ткани куртки, рядом с черной точкой, выступила темная кровь.

Алан отползал назад, когда одна пуля задела ему левую ступню, а вторая – скользнула по ребрам. Он сунул кольт за пазуху и взялся за винчестер. Бандиты уже поняли, что он один и смело бросились вперед.

«Вы слишком спешите, ребята!», – Алан выстрелил дважды и ни разу не промахнулся.

Бандиты снова залегли. Они проклинали своего главаря и, судя по их тону, эти угрозы не были лишены основания. Другой, хриплый и властный голос, посоветовал им заткнуться.

– Слушай, парень! – крикнул этот же грубый голос Алану. – У тебя что, жена в этом чертовом дилижансе? Тогда скажи нам, кто она и мы ее не тронем.

Кто-то рассмеялся, но смех перебили проклятия раненных.

– Что молчишь? – голос впереди грязно выругался. – Ты ведь все равно покойник. Сделай доброе дело, спаси свою жену.

«Да пошел ты, добряк!..» – подумал Алан.

Он вдруг вспомнил, как восемь лет назад убил человека. Банда Ховарда Уэсли не отличалась кровожадностью во время грабежей. Алан всегда честно палил из колта во время погони за дилижансом или осады фермерского дома, часто попросту не видя цели. Но когда погоня или осада кончалась, ребята Уэсли не трогали пленных, ограничиваясь зу-

ботычинами и обыском карманов и баулов. Восемь лет назад, возле опрокинувшегося на дороге в Соуквилл дилижанса, Алан убил человека из простого интереса. Это был пожилой джентльмен с полным, потным, перепуганным лицом. Он стоял спиной к заканчивающему свое вращение колесу, и его рука медленно тянулась к кобуре с кольтом. Алан смотрел на руку старика и понимал, что это было чисто механическое движение, возможно, старик не понимал сам, что он делает. Его легко остановил бы окрик, а можно было сделать три быстрых шага вперед и ударить по дрожащей руке. Но Алан ждал... Какой-то острый, темный и болезненный интерес заставил его замереть и сжал как пружину. Алан понимал, что сейчас – через пару секунд – он убьет человека, но совсем не боялся этого.

«Сто процентная ставка на выигрыш, – подумал тогда он. – И первый ход делаю все-таки не я».

Уже теперь, вдруг вспомнив об этом случае, Алан болезненно поморщился и почувствовал тошноту. Он поднял голову к небу и спросил: «Говорят, что Ты тоже добрый... Но почему тогда Ты меня не остановил?»

– Эй, парень, ты, что там уснул? – снова донеслось снизу. – Решай быстрее.

«Решай... Все я должен решать, все я!» – Алан натянуто улыбнулся.

Он осмотрелся по сторонам.

«Сейчас эти ребята наверняка ползут справа», – Алан уже

начинал чувствовать потерю крови, руки заметно ослабели. Он отложил винтовку, и рукоятка кольца вдруг показалась ему очень скользкой и огромной. Но в Винчестере оставался только один патрон, стрелять из него он уже не мог, а в кольце было еще четыре. Алан привстал на локте и, не видя цели, стал стрелять направо, с заметным усилием преодолевая сопротивление курка кольца. Кто-то закричал от боли и бандиты ответили ураганным огнем. Одна пуля попала Алану в грудь и две – в живот. Он снова не почувствовал боли, а просто пришла огромная слабость. Алану показалось, что он бесконечно долго падает на спину, а небо летело куда-то в бездну вслед за ним.

Пришла темнота. Алан видел, как она окружает его со всех сторон, и он засмеялся. Ведь темнота была совсем не страшной, потому что внутри него вдруг ожило совсем другое чувство – светлая и радостная жалость. Она заслонила собой все и темнота растворилась в ней.

«Свободен, – подумал Алан. – Теперь я свободен от любой правды, Майкл...»

Да, он действительно был свободен. Он мог бы вспомнить о последнем ограблении дилижанса возле Форт-Стоктона, Ховарде Уэсли и его золоте, которое, в сущности, и привело его на эту дорогу, но – странно! – он не сделал этого. Жалость внутри него, жалость к матери маленького мальчика Мэри Джексон, жалость к брату Майклу и старику возле опрокинувшегося дилижанса, вдруг стала настолько огром-

ной и сильной, что приподняла его с земли и окутала теплотой.

«Что и кому я только что доказал? – успел спросить Алан. – У кого я выиграл и кому проиграл в этой проклятой правде жизни?»

Ответа не было. Именно это молчание и успокоило Алана.